

ТОГДА, КОГДА СЛУЧИТСЯ

ПОВЕСТЬ

Когда будут говорить «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба.
(Ап. Павел. 1-е Фессалонийцам. 5, 3)

ЗА ТРИ ДНЯ.

Вознесённый быками и арками над своим отражением, каменный мост огнистым пунктиром выводил полуторакилометровую перспективу во мглу противоположного берега. Размашисто перечёркнутая Обь невразумительно шепелявила неравномерным прибоем, лоснясь розоватым серебром вдоль ограждённого буями фарватера. В правой дали, сбившись в стаю, дремали самоходки, и отсюда – с бетонной высоты набережной – длинные живые дорожки от их красных и белых корабельных фонариков казались цепочками, тонущими в расплавленном чёрном стекле.

Уперевшись грудью в чугун решётки, Славка уже минут пять распевно читал «Демона». А Саша, чуть улыбаясь, слушала и не слушала, то так же перевешиваясь через ограду и вглядываясь в хлюпающую маслянистость вздущегося весеннего половодья, то отворачиваясь от слишком свежего поречного ветерка. И, поймав паузу, отмахнула рукавом белого плаща:

- Так не бывает.

- Что не бывает?

- А вот так: милиционер и Лермонтов. Это какая-то неправда. Недоразумение, которого не должно быть.

- И как же мне теперь это исправить? Зачитать «Устав гарнизонной и караульной службы»? Или... «Тёркина»?

Саша опять заглянула за решётку, и волосы намагничено потянулись в темноту, закрывая лицо пепельными шторками.

- Ну, хотя бы Михалкова. Про Дядю Стёпу.

- Ах, ты! – Славка развернул её и обнял, пробиваясь сквозь эти щекочущие нос шторы к смеющимся губам. – *«Когда унесу я в чужбину Под небо южной стороны Мою жестокую кручину, Мои обманчивые сны...».*

Саша рванулась, но он удержал – «Тихо. Тихо»!

- Ты обещал не напоминать.

- Это же Лермонтов, просто Лермонтов. Кто ж виноват, что мы родились с ним в один день? Только с разницей в сто шестьдесят восемь лет. Всего-то – сто шестьдесят восемь.

- Действительно, подумаешь!

Небо окончательно зачернело, разграничась со слоем насыщенного электричеством тумана, припавшего к заречной панораме засыпающего города. Всё, это уже ночь! Первая, по настоящему тёплая майская ночь. На набережной, за живым щитом терпко пахнущих осыпающимися почками тополей, почти невозможная для центра полуторамилионного города тишина нежилась шелестящим придыханием и похлопываньем. Где-то там, по мосту, догоняя и слепя друг друга, мчались неразличимые отсюда автомобильчики, справа в зашторенных окнах старинного здания муниципального банка разыгрывались немые сцены из жизни уборщиц, а здесь никого. Никого, кроме двух обнявшихся. Фонарь с ближнего

столба изредка зудел и пощёлкивал, пытаясь разгореться в полную мощность, но скоро смирился и опять синюшно тлел, не мешая целоваться.

- Пойдём?

- Ты замёрзла?

- Да.

По широким каскадам лестниц, мимо ленточных перемежий парковых посадок и асфальтных дорожек, они возвращались в город, который принимал их привычным гулом, кислотатостью оседающего смога, цветастой резью рекламы и полным равнодушием бесчисленных квадратиков чужих кухонь, гостиных и спален. На замусоренной остановке напротив автовокзала, под прозрачно выгнутой пластиковой крышей устало притулились две пожилые женщины, рядом крепко подвыпившая компания громко обсуждала рост цен. Держась подальше от взрослых, сосредоточенно хрустел чипсами лысый худой мальчишка. Какой последний троллейбус? Она же замёрзла. И Славка замахал наезжающей вишнёвой «пятёрочке», наклонившись, заглянул в приспущенное стекло, пошептался с шофёром.

- Садись, поедем.

В прокуренном тесном салоне Сашу действительно сильно зазнобило, и как бы Славка её не прижимал, продолжало мелко потряхивать.

- Как мама?

- Как обычно.

- У меня тоже никаких новостей.

- ...В общем, адвокат прав: дело насквозь заказное, пусть терпят. Тут, чем дольше тянется, тем больше шансов на перемены. – Славка сидел между раскладным кухонным столом и холодильником – дорогому гостю предоставили личный «венский» стул Сашиного отца. Сам Алексей Тихонович, понурился блестящую лысиной большую голову к скрещённым на груди рукам, безмолвно стоял в дверном проёме. Анна Константиновна и Саша жались спиной к окну, сдвинув табуретки напротив Славки.

- И сколько ж терпеть?

- Да подольше, чем они перед своей партизанщиной на раздумья потратили. Может, год, может – два.

- Два года?!

- А как же иначе? Статью-то лепят лихую – «преступная группировка, организованная по этническому принципу»! Они ж прокуратуре сами в руки под кампанию по борьбе с националистическим экстремизмом выпали.

Разговор уже обычный, сторядовый, но слёзы-то всякий раз прожигали наново. При каждом удобном и неудобном случае на этой кухне на одни и те же вопросы выслушивались всё те же ответные советы для Сашиного младшего брата, третий месяц сидевшего в следственном изоляторе. Групповое нападение с целью нанесения тяжкого урона здоровью на почве национальной неприязни!

Семнадцатилетний Николай учился на третьем курсе в машиностроительном колледже, на металлообработчика. Заводной красавчик и балагур, вокруг которого легко собиралась весёлая и резковатая компания, в которой, чего скрывать – и пиво, и иной раз что покрепче дули, а парни и анашу покуривали, но чтобы чего серьёзного там – «колёса», нет, такого не было. Вообще к двум дохлым наркушам из своего двора все относились с полным презрением, руки не подавали, как опущенным. И вдруг в больнице от передозировки умирает младший брат Колиного лучшего друга Алексея, четырнадцатилетний Вовчик! Умница Вовчик, светлоглазый и лопухий, зацепа и подколыщик, но при этом почти полный отличник. Сначала даже верить никому не хотелось, но факт оказался фактом: семья в шоке, по квартире запах валокордина, а участковый занудно записывал показания что «никто ничего про наркотическую зависимость подростка не знал». Проведя собственное расследование, Алексей и Николай выдавили из Костиковых одноклассников, что всё действительно оказалось дикой дуростью, полным бредом, потому как Костик «только

попробовал на спор». Все же знали, что в арке возле телецентра цыгане торгуют «дозами», но до сего это как-то никого не касалось.

На третий день, вечером после затянувшихся похорон, Алексей, Николай и ещё четверо ребят, немного выпившие за помин, разломали плохо сваренную подвальную арматурную решётку на прутья и с обеих сторон подошли к арке. Две цыганки и парень, примерно их возраста, разом всё сообразили и молча бросились бежать к стоящим возле магазина белым «жигулям», из которых навстречу спешили двое толстопузых «романэ». А ещё через минуту под оранжево-синие метания «мигалок» напавших укладывали в грязный снег неведомо с какой скоростью подоспевшие стражи правопорядка.

- Два года. Два года за эту тварь! Ведь все же знают, что он наркоторговец!

- Все знают, что все цыгане наркоторговцы. И что? Два года – это ещё будет здорово, это только если «борьба» закончится, и им условные сроки влепят. Может, ещё и какая-нибудь амнистия выпадет.

Алексей Тихонович всегда молчал, и Саша, обнимая мать, только кривила губы. А вот Анна Константиновна всё задавала и задавала торопливые вопросы. И материнские слёзы катились, катились мутными толчками по чёрным тушевым дорожкам. А потом неблесткие капельки быстро смаргивались и с Сашкиных ресниц. Упорно смотрящему через их головы в затюленное окошко Славке казалось, что точно такие же дорожки чернятся у него самого, только изнутри, зажигая трудно терпимый огонь в щеках и горле. Мать и дочь, одинаково красноносые, заглядывая в его ускользящие глаза, просили, требовали, ожидали от него какого-то чуда.

А чем, собственно, мог помочь младший сержант со стажем в МВД неполных шесть месяцев? Вообще, он в ещё только что формирующемся полку ППСМ Областного ГУВД оказался после непрохождения по баллам на юрфак Кадровой академии. Ох, и обида тогда достала: ведь всё сдал на четвёрки, даже сочинение! И, главное, с теми же результатами на платное отделение – пожалуйста! Он даже не поленился прийти и посмотреть на зачисленных счастливицков: конечно же, на государственном – сплошь деточки гор- и обл-исполкомовцев. Торгашеские ляльки – за бабки, а таким «уличным», как он, честно посоветовали: раз льготы для отслуживших кончились с Советской властью, то на будущий год лучше поступать со службы в милиции. Куда, в свою очередь, вытатуированные на плече дембельские крылатые «ВДВ» – всегда лучшая рекомендация.

Да, по его просьбам замполит, то есть, замкомполка по работе с личным составом, периодически звонил в СИЗО, узнавал о здоровье, настроении, просил контролировать и, по возможности, защищать «детей» от блататы. И после каждого такого звонка в доходчивых выражениях объяснял Славке, насколько ему нужны чужие проблемы. Однако через восемьдесят дней опять обречённо звонил и узнавал, просил контролировать и, по возможности, защищать.

- Черкасов, а самое заклёпистое в этой ситуации то, что я уже заранее знаю, что добром твои ходатайства не закончатся. Опыт психолога и интуиция милиционера подсказывают, что рано или поздно и сам ты преступишь закон на почве этой вот «национальной неприязни». Заразная она штука, типа туберкулёза. А если, вдобавок, тут амуры крылышками бяк-бяк-бяк... Но почему, спрашивается, если я это знаю, всё же сую свой палец в мясорубку? Как ты думаешь?

Славка смотрел в одутловатое, веснушчатое лицо с тёмно-рыжими усами и думал: ну какой же замполит мировой мужик, настоящий слуга царю, отец солдатам, такие никогда никого из своих не сдают. Поэтому редко поднимаются выше майора.

- А, скорее всего, вы, Виктор Иванович, и сами этим больны.

- Молчать! Марш из кабинета!

Опыт психолога и интуиция милиционера не подвели: неделю назад, когда остановленные около семидесятой школы для поверхностного досмотра цыгане начали совсем уже вызывающе дерзить, Славка схватил за синий мохеровый шарф самого крупного и, под визги и вопли подряд беременных многодетных матерей, несколько раз всадил кулак

в пенящиеся кровью золотые зубы. Лейкопластырь с костяшек быстро отклеивался, комвзвода никак не мог употребить хоть одно литературное слово, его рыку тенористым эхом вторил комроты, комбат молча синел своим очень выпуклым лицом, а замполит издали разводил руками. Заявление потерпевшего покрыли объяснительной, и тощая чёрная папочка двинулась по инстанциям.

- Черкасов, я ж тебе говорил, практически пророчил? Даже скучно стало, когда узнал. Как же так – при стольких свидетелях милиционер избивает гражданина? Какого-такого наркоторговца, от каких-таких школьников это известно? Где изъятые вещдоки? А без них всё только недоказуемая лирика. И что ты при избиении гражданина говорил про обезьян и смуглый цвет его ягодич? Теперь дело о «национальной неприязни» вряд ли ограничится внутренним расследованием со взысканием. Да и что с тебя взыскивать? Лычку? Ох, сколько ж мне всё за вас, олухов, терпеть? Когда ж, наконец, на заслуженную пенсию, огурцы, перцы и георгины выращивать? Поверь, я таких бы, как ты м... чудаков, собственными руками. Вот этими руками бы п... порол. Но, Черкасов, ты ведь наверняка надеешься на то, что дуракам везёт, а счастье улыбается влюблённым? Что ж, бывает такое, случается, к сожалению. И поэтому ты, вместо психиатрического освидетельствования, сейчас немедленно побежишь, нет – полетишь в штаб, а в полёте изысканным почерком начертаешь рапорт о страстном желании отправиться в командировку по поддержанию правопорядка на территории Чеченской республики. Ну, и что с того, что наши уже давно отправлены, ты придаёшься ОМОНу. Черкасов, бегом – марш!

Поднявшись с Сашей через воняющую кошатиной черноту подъезда, Славка заходить категорически отказался. Завтра, завтра у них будет целый день, и потом ещё день, а сегодняшний вечер он обещал матери. Вот-вот – «вечер»! Вспомнил о сыновнем долге ровно в двенадцать.

Почти бегом закосил круг площади Станиславского, знакомыми с детсадовского возраста дворами выскользнул на Плахотного. Гребешок серых серийных панелек, за которыми по ту сторону трамвайной линии рассыпался частный сектор, отблёскивал слепой сплошь спящих стёкол, и только у них на кухне ярко желтел ещё бабушкин абажур. Мама, наверное, и не ужинала.

Странно, но Вера Павловна словно даже обрадовалась, узнав, что проступок сына обернулся шестимесячной командировкой: «война там уже кончилась»... «проверите свои чувства»... «сам на свадьбу заработаешь». И все эти дни держалась молодцом, совсем не как тогда, когда его забирали в армию. Вот и сейчас она кормила его на третий раз разогретыми котлетами с жареной картошкой, подливая в чай побольше молока, подвигала конфеты, кусочки вафельного тортика, и самозабвенно говорила, говорила. О том, что в следующем месяце она рассчитается с кредитом за холодильник и можно будет взять микроволновку, о том, что в подъезде опять выломали замок и исписали гадостями дверь у соседей, и о возможном госзаказе для их Сиблитмаша. И про то, как Путин в Берлине опять «им» всё прямо высказал, а Европарламент ответно пригласил латышей... куда-то... туда.... Славка слушал, слушал и придремал. Растолканный, в раскачку добрёл до диван-кровати, как-то разделся и рухнул поверх одеяла. Вера Павловна попыталась его укрыть, потом выключила свет. Но сразу не вышла, а крестно зажав ладошками рот и раскачиваясь, смотрела на не вмещающееся в длину большое сильное тело своего «мальчика», на его высоко выстриженный затылок, упавшую на пол руку с зажатым мобильным телефоном.

Уличный фонарь косо делил комнату на неравные части. По стене над диваном сплошь пестрели плакаты и постеры с лохматыми кожными и татуированными гитаристами. Из её молодости узнаваемы только «Deep Purple» и «Scorpions», остальное уже Славкино. На светлополированном столе, за которым с окончания школы никто почти и не сидел, вокруг переносного проигрывателя теснились стопки дисков, ворохи глянцево пустых журналов с суперменами и красавицами, но тут же рядом белели разворотами реально читаемые «Основы юриспруденции» и «История Государства Российского». И серебристо поблёскивал скрученный пружинный эспандер.

С противоположной стены, из-за шифоньера на Веру Павловну внимательно скопил свои карие очи поручик Михаил Юрьевич. Этот портрет-копия – единственная память об отце, художнике-проектировщике с их КБ. Сколько ж тогда подруги учили и вразумляли – мол, какой-никакой, а мужик, муж, где лучше-то? У каждой дома своё, но терпят же все, а она вдруг на такое – разводиться! Чем только не пугали, чего не пророчили. Но, ничего, и одна справилась, вырастила сыночка, подняла красавца и богатыря, и ещё, Бог даст, выучит. Станет её мальчик прокурором, будет расследовать самые запутанные преступления, как мечтает, – она ведь всё на это отдаст, верёвкой сплетётся, а выучит, лишь бы поступил.

И, ох, как же только его увлечение некстати! Эта девочка... ну, да, она и хорошая, и милая, и умненькая, но... не вовремя. Вот закончил бы пару курсов, тогда б.... Однако в лоб об этом сейчас нельзя, только хуже получится, сейчас он всё равно ничего не услышит. Ладно, авось, небось, да как-нибудь. Пусть съездит на полгода, глядишь, время что и подправит. Там-то теперь нет войны, теперь не так опасно.

Мобильник с выключенным звуком зазудел, заёрзал, пытаясь вырваться из ответно напрягшихся пальцев.

- Да, Саша, да.

- Ты спал?

- Не. Не помню. – Голос прорезался не сразу.

- А я вот что подумала: ты завтра весь день занят?

- Сейчас соображу. С утра самое приятное – получить командировочные. Потом на склад, собрать амуницию: форму, бельё, обуви, ну, бронник там, каску, разгрузку. Спальник у меня свой новый.

- Это всё долго?

- Не знаю. Ладно, могу завтра только денежки получить. А снаряжусь послезавтра.

- Завтра, послезавтра ... а после послезавтра вы ... когда?

- Я ж говорил – военная тайна. Время «че». Так что же мы завтра?

- А поедем в Черепаново?

- Поедем. Только зачем?

- Там дядя Вася, папин двоюродный брат, священником служит. Он нас, не дожидаясь загса, без печати в паспорте повенчает.

- Ты этого хочешь?

- Очень.

- Очень-очень?

- Очень-очень-очень.

- Тогда едем.

- М-му! Целую, обнимаю, спи!

Вот-вот, «спи»! Славка с минуту смотрел на свою «нокию», потом прижал к носу погасший экранчик и сунул телефон под подушку. Власть потянулся и, продолжая улыбаться, захлопал глазами в потолок. «Спи». Вот-вот.

ЗА ДВА ДНЯ.

Нанятый на весь день таксист зарядился их восторгом и с искренним удовольствием оценивал купленные в ЦУМе платье и туфли для невесты, сам выбирая на центральном рынке фрукты, показывал, где самые свежие цветы. Славка в своём яр-пятнистом дембельском камуфляже с лихим голубым беретом на затылке, и Саша, лёгкая, светящаяся как облачко, в чуть кремовом, мелко сборенном японском шёлке, раздвигали встречных метра за три, и образованный в толкучке коридор не сразу затягивался, упруго давя им в спины любующимися взглядами. Даже каменные бабы за мясными, рыбными, крупяными и овощными прилавками обмякали выветренными, свирепо раскрашенными лицами и перешёптывались, кивая друг другу на счастливых «молодожёнов».

Трасса, вырвавшись за серпантинную тесноту Бердска, вольно развилась, широко обходя берёзовые холмы и просекая изумрудящиеся до горизонта поля озимой пшеницы. Редкие встречные машины со свистящим шорохом ударяли в приоткрытое окно разогретым ветром, и столбы электропередач ровными взмахами проводов отбивали такты сердечного марша.

Вот так быстро и направленно несло Славку с того самого перводекабрьского вечера, когда они, дежурившие около киноцентра «Аврора», помогли трём девушкам избавиться от излишне рьяно клеящихся пьяных парней. Он ещё выслушивал благодарное щебетанье, помогая сесть в маршрутку, а сам уже знал, что залип. Всё произошло с первого взгляда. Просто – раз! – и даже температура подскочила.... Несколько вечеров засады обернулись удачей: Славка заметил за узорами замороженного стекла ПАЗика ту самую белую песцовую «зимушку», впрыгнул на подножку, – и встречи со студенткой истфака педагогического университета стали неминуемыми. Дни ускоренно замелькали, сливаясь в единый карусельный разлёт, снег наслои́лся и стаял, лужи высохли, отсыпались белые конфетти черёмух и ранеток, а они, кажется, и не успели даже всмотреться друг в друга, а не то, чтобы «узнать, как следует». В этом, нерассуждаемо властно повлѣкшем потоке, его жизнь словно бы обрела логику исполнения неких пророчеств. Даже загибы неожиданных, не планированных ситуаций, только ещё больше убеждали в какой-то высшей правильности, в фатальной предначертанности всего с ним – с ними! – происходящего. Служба в полку устаканилась быстро и как-то сама собой – в патрулировании, дежурствах, в теоретических занятиях и тренировках по любимой рукопашке она совсем не требовала сверхвнимания, каких-то излишних физических или психических затрат, словно бы просто продолжилась армейская «стодневка». Кто был вокруг? Да нормальные мужики, не пацаны же, ну, чуток попритѣрся, отстоял своё пространство, и всё – люди ж везде люди, если ты сам человек. Даже эта командировка в Чечню, опять же, настолько вовремя подвернулась: ведь если б, действительно, из органов турнули – тогда всё, прощай юриспруденция! Так что, и тут всё точно. Всё как нужно. Кому нужно? А ему. И Саше.

Права мама: «сам на свадьбу заработаешь».

Невысокий и легкотелый, с серо-седой бородкой и такой же сизой косичкой, пятидесятилетний отец Василий что-то долго делал в алтаре, важно проходя туда-сюда за открытыми Царскими вратами, а они напряжѣнно ждали посреди маленького, чрезвычайно уютного сельского храма, хлопая глазами на пѣстроту росписей по стенам и своду. Саша шѣпотом рассказывала – кто есть кто. В самой вышине куполка, над узкими вытянутыми окошками, вокруг длинной цепи с новенькой, красно-медной люстрой – «паникадиллом» – сошлись Архангелы, под ними расположились Евангелисты. Дальше, за спиной, до самого хорового балкончика по тѣмно-синему арочному потолку выстроились святые, почти все свои, сибирские, потому что храм так и назывался – «Всех святых, в земле Сибирской просиявших». А прямо над ними Божия Матерь в широко распахнутых руках держала белый шарф – омофор. Он означал Еѣ покровительство над Россией. Справа на стене – сцена Распятия, ну, это-то и Славка понимал, а слева – Вход Господень в Иерусалим. Вернее, въезд на «осляти». Художнику особо удались лица фарисеев, злобствующих в ближнем левом углу. Совсем как живые.

И откуда ей это всё известно?

Отец Василий – папин двоюродный брат, и она пять лет назад здесь «на молоке» каникулы проводила, после удаления аппендицита здоровье поправляла. Как раз, когда церковь расписывали. И даже вон тот орнамент помогала раскрашивать. Ага, самый кривой участок.

- Исайя, ликуй... – под срывающееся одинокое пение, вслед за священником они мелкими шажочками трижды обошли аналой и подсвечник. Со скамейки у входной двери за ними внимательно следил таксист. Других свидетелей таинству не было.

- Венчается раб Божий Владислав рабе Божией Александре... венчается раба Божия Александра рабу Божьему Владиславу... – кольца, с которых они не догадались сорвать бирки, непривычно тяжелили пальцы, а надетые короны совсем не подходили по размеру – у него она едва держалась на макушке, а Саша, наоборот, утонула в своей по брови.

От придерживаемого дыхания сердце колотилось как у бешеного кролика. А ещё он никак не мог запомнить от какого плеча к какому нужно накладывать крест и хитрил, чуть запаздывая за Сашей.

- Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь!

Глоточек густого вина ударил жаром в лицо и, сняв напряжение, заполнил тело тёплой ликующей радостью. словно в и так светлое помещение через окна долилось ещё больше солнца, ослепительно расплескавшегося на золотой лепнине иконостаса, изгибах паникадила, высоких ножках подсвечников и бело-серебряной ризе.

- Ну, молодые, поцелуйтесь. – Отец Василий и сам улыбался им отчего-то с явным облегчением. Мелкие морщинки сжимались-сходились вокруг искрящих лаской точек зрачков, коротко подрезанные усики топорщились над большими, не по черепу, редкими зубами. – Поздравляйте ж друг друга!

В низеньком, обмазанном глиной и выкрашенном в жёлтое, соседнем с храмом домике, чистенькая до восковой полупрозрачности старушка – Татьяна Семёновна – в белом платочке под завязанной накрест пушащейся шалью, уже накрыла в «зале» стол, на который таксист выложил их яблоки, бананы, апельсины и торт, выставил две бутылки шампанского, а рядом от местных щедрот дымились по железным тарелкам пельмени, белела облитая сметаной гора крупного домашнего творога и, прямо на вязанных кружевных салфетках, пестрили разнокрашенные – с прошедшей две недели назад Пасхи – яйца.

- Вот, вы слышали сегодня: «кого Бог сочтает, человек да не разлучит». Великая формула для устройства всей вашей будущей жизни, если вдумаетесь. Ведь любовь – единственное, что соединяет истинно, потому что в Писании сказано: Любовь и есть сам Бог. Но, только в понимании любви – не как жажды чем-то обладать, не в страстном эгоизме, а, наоборот, в полной жертвенности, безостаточной самоотдаче: «я люблю тебя, значит, я твой», – и покрывает брачный союз Божья благодать. И, действительно, когда двое вот так любят друг друга, когда они отдают друг другу всю свою душу, разве может что-то и кто-то их разьять, разлучить? Нет такой силы, ни человеческой, ни бесовской. Запомните: слияние душ в Божественной Любви – единственно настоящее, непреходящее счастье, другого на земле нам не дано. А так как человек существо не только душевное, но и плотское, то отсюда ему и ещё одна радость – чадо. Никогда не разлучиться мужу и жене, после того, как у них родилось дитя. «Да будут единая плоть» – и вот ваш ребёнок навсегда наследует черты и характеры вас обоих, он навсегда равно и мамин и папин. Малый такой ребёночек, а в нём вы уже нераздельны, в подобие Святой Троицы: три ипостаси в единой природе.

Славка, поймав момент, когда отец Василий отвлёкся на закуску, тихонько подтолкнул Сашу плечом:

- Родишь мне сына?

- Сначала дочь.

- Это ещё почему?

- А чтоб помогала с младшими нянчиться.

- Ты что, сказку про гусей-лебедей не читала? Чтобы она своего братца проморгала?

Не смей мне перечить – сына первым! Защитника!

- Чего-чего не сметь?

- Ничего не сметь. Вот как батюшка сказал: «да убоится жена мужа своего»!

- Ох, и бояться оне нас! – Отец Василий смеялся заразительно, рассыпчато, опять пряча блестящие глазки в зажимы морщинок. И за ним нельзя было не рассмеяться остальным. Только Семёновна у печи печально подпирала щёку чёрной ладонью, отстранённо ожидая окончания застолья. А, может, у неё болел зуб?

Пустынная улица мелькала и щебетала чёрными с малиновым, низко пролетающими росчерками ласточек. Припылённая вдоль некрашеного церковного забора кипень мелкой аптечной ромашки млела в ожидании дождя – плотно взбитые, густые облака с юга наползали медленно, но явно с серьёзными намерениями.

У «волги» стоял, как вначале показалось, мальчишка, тыча пальцем в шашечки вдоль всего кузова, словно их пересчитывая. Таксист уже дёрнулся заорать, но разглядел, что это не ребёнок, а крохотный горбун.

- Гоша, а чего ты не зашёл? Пообедал бы с нами? – Отец Василий попытался заглянуть в лицо отворачивающегося от него немолодого уже, большеголового худенького человечка в сером ушитом плащике и ярко-синих женских сапогах с белыми каблуками. – Ты чего, опять на что-то обиделся?

Горбун рывком увернулся от священника, отшагнул, быстро и жадно осматривая снизу вышедшую компанию.

- Ну, вот. Опять за своё! Это – Гоша. Он у нас человек особенный, у него сны вещие.

- Это как?

Гоша сердито метнул взгляд в улыбающуюся Сашу. И неожиданно пропищал:

- А я тебя помню!

- Вот вещие, и всё. Увидит он, к примеру, под утро, что батюшка его за что-нибудь ругает, и верит, что такое вот-вот случится.

- А если не произойдёт?

- Так он специально напросится. Для верности своему сну.

- Я тебе про пожар в кочегарке точно предсказал, – вскинул головой Гоша. – И про то, когда епископ умрёт.

- Один раз – это случайность, второй раз – совпадение. Вот когда ты в третий раз вправду проречёшь, тогда только поверю в закономерность. Чего сегодня-то приснилось?

Горбун чуть покачивался на высоких каблучках, разной длины его руки с толстыми прокопченными пальцами прихлопывали набитые чем-то карманы, а землисто-серое личико выказывало полное презрение к подкалывающему его отцу Василию. Однако, за детски выпяченной нижней губой, за гордо завёрнутыми на близящиеся облака серо-жёлтыми белками, Гоше никак не удавалось скрыть внутреннее, зудящее напряжение – ну, не зря же он тут целый час поджидал их выхода. И, опять стрельнув взглядом в Сашу, Гоша постарушечьи сердито задишконтил:

- Ну, ты чего лыбисся? Смотришь-ка лучше в зеркала, пока они тебя отражают! Спешу, вглядывайся. А ты, солдат, не ходи спиной. Коли взял что, не отступайся.

Некоторое время они все молчали, глядя, как неловкой припадающей походкой маленький человечек удаляется вдоль притихшей под наплывающей тенью улицы.

ЧЕТВЁРТЫЕ СУТКИ В ПУТИ.

Иван Петрович сидел за откидным столиком бокового места, напротив крайнего закутка плацкартного вагона, в котором расположились девчонки-поварихи. Поезд на длинном пустом перегоне раздухорился, и их прицепной вагон безжалостно мотало, отстукивая на счёт «четыре» незакрытой дверью в тамбур. До смены оставалось около часа, дрема одолевала, и, если бы не соскальзывающий со столика автомат, он бы точно уже смотался в детство или на рыбалку. В очередной раз подхватив с колен холодный АКСУ, Иван Пётрович глубоко вздохнул и решительно встал: нет, нельзя поддаваться! Вдоль едва освещённого коридора к стенкам и полкам жались вещмешки и скатки, а поперёк в два ряда торчали непомогающиеся на лежаках ноги. Пятьдесят человек четвертую ночь спали удивительно тихо – никто не храпел. Молодёжь, сердца здоровые. Плюс даже те, для кого это не первая и не вторая командировка, всё равно тайно нервничали и даже в предутреннем сне до конца не расслаблялись.

Осторожно, мимо досвистывающего титана и незадвинутого проёма в чёрное купе проводниц, выскользнул в тамбур, спиной придавил за собой дверь. Коротко привязанная овчарка, пытающаяся уместиться на крохотной подстилке, жалостливо заглянула ему в лицо.

- Лежи, я не курить. Лежи.

Выстуженное железо лязгало сочленениями с замыкающим состав товарным, в котором по проходу между подпотолковыми горами разнокалиберных ящичков с вещами, продуктами и боеприпасами шагал и стучал зубами дежуривший параллельно Славка – молодой парень из тоже «приданных», и тоже теперь из их второго взвода. Там-то, в товарном, не до дрёмы – днём жара, ночью холодрыга. «Степь да степь кругом... Путь далёк лежит...», – грязное стекло коротко высветилось пропущенной платформой или переездом, и скорость заметно пошла на убыль. Где-то уже скоро Самара, с её знаменитым новым вокзалом, на который нужно обязательно разбудить ребят из его купе. Хотя можно и не будить – это в первые и во вторые сутки народ излишне суетился, по всему вагону наперебой пиликали мелодии сотовых, и все что-то беспрерывно ели, тасовались по интересам и хохотали, хохотали. А вчера как-то разом вдруг и анекдоты кончились, и страшилки. Просторы России, ровно отбиваемые рельсовыми стыками, на третий день угомонили даже самых заводных: бесчисленные хутора, деревни, станции, крохотные и немалые посёлки, городки и города, то сочувственно, то любопытствующе провожали влекомый на юго-запад состав, эстафетой палочкой передаваемый вдоль древнейшего пути сменявших друг друга евразийских цивилизаций – от барабинских камышовых болот к тростниковым волжским заводям. Поезд словно в ускоренном кино перемещался из весны в лето: бледное берёзовое безлистье продутых ветрами Омских и Челябинских равнин, через чёрноту еловых гребней Миасса и Златоуста, сменилось сине-кобальтовыми дубками Уфы, которые отступали перед мелкой вязью буйно-зелёных саратовских акаций. И эта противоестественность тоже добавляла тревожной нервозности.

Самарский вокзал удивил не только фантастической на фоне чёрного неба фонарной громадой стеклянного купола, но и абсолютно пустынной. На красиво плиточных, крытых пластиком платформах ни души: через подземные переходы на пути и так-то пропускали только по билетам, но тут не вышел даже дежурный из отдела спецперевозок. От этой нарочитой образцово-показательной пустоты несколько сонных бойцов наскоро позябли у самых дверей и, побросав окурки под колёса, дружно полезли в тамбур, откуда встречно, поправляя на плече длинный РПК, выглядывал сменщик, прапорщик Гоша Кулик:

- Ну что, Старый, иди, отдыхай.

- Так минут двадцать осталось?

- Отдыхай. Полгода впереди – ещё успеем, сочтёмся.

«Старый» – уважительной кличкой Петра Ивановича наделили ещё на бетонных ступеньках высокого крыльца ОМОНа, где шесть солнечных часов они ждали погрузки, где «приданные» из разных райотделов города и области осторожно присматривались друг к другу и к тем, к кому их «прикомандировывали». Хозяева свободно бродили по тёмным коридорам своего здания, к ним то и дело подъезжали и подходили сослуживцы, наиграно бодро напутствовали; у железных ворот и в глубине двора, подалее от посторонних глаз, шло вытягивающее кишки прощание с жёнами и родителями; а они – гаишники, следаки, эксперты, конвоиры и пэпээсники, честно уже отрезанные приказом от «цивильного», стеснившись на крыльце, полутомясь, полунежась на безветренном припёке, неспешно обменивались мнениями по самым непринципиальным вопросам.

«Старый». Конечно, в свои пятьдесят Иван Петрович диковато смотрелся на фоне сплошь двадцати-двадцатипятилетних бойцов и тридцатилетних офицеров. Но он за это не собирался ни прятаться, ни в чём-то противопоставляться. Он есть, каков есть, и свою часть службы вытянет. На сколько сможет.

Расшнуровавшись, с наслаждением стащил новые, нештопанные по ноге «берцы», подсунул их под столик, рядом с автоматом и разгрузкой. Пошевелил пальцами – нет, носки не промокли, можно сегодня не менять, хотя тёщин подарок – две пары хлопковых и две полушерстяных лежали на вещах сверху. Вот вам и ещё признак возраста, это когда уже

стесняешься своих жёлтых, растрескавшихся пяточных мозолей: Иван Петрович единственный во всем вагоне спал в носках. Осторожно прилёг поверх пропитанного пылью колкого одеяла, чуть прикрыл веки, и как-то сразу поплыл, потёк в невнятные переливы памятных и придуманных картинок.

Крепко-дородная, никогда не скрывавшая свою седину, тридцать лет – всеми уважаемая в детской железнодорожной поликлинике медсестра из грудничкового кабинета Алевтина Юрьевна, и двадцать семь лет – просто его Алка, быстро и сильно рубила отварённую свёклу в удивительно одинаковые кубики и сбрасывала их широким ножом в миску к уже порезанным картофелю и моркови. На другой стороне стола тёща Таисия Степановна через свои тяжеленные роговые очки внимательно следила за отделением фасоли от камешков. А в духовке испускал слюнооточивый лавровый дух его любимый рыбный пирог – филе судака с рисом во множестве полукружьев лука.

Ленуська, младшая дочка, уже час назад перебежавшая из одной школы в другую, музыкальную, должна была вот-вот появиться, а сын Александр с беременной невесткой Инной предупредили, что смогут не ранее семи, так, чтобы их не ждали и садились. Ну, и ладно. Стол полный, спешить некуда. Иван Петрович на угловом табурете втискивал в утробу полученные офицерские ботинки длинные шнурки и только себе самому слышно мурлыкал о том, что «степные хлеба пахнут порохом, молодые ветра зелены»: сегодня, впервые с Нового года, вся семья собиралась полным составом. По поводу его проводов.

Тёща приехала первой электричкой и сразу подключилась к готовке. Вот умели же когда-то таких огнеупорных производить – без годочка восемьдесят, сухонькая, скукоженная после двух инфарктов и вырезанного наполовину желудка, а и дом сама содержит, и в огороде у неё идеальный порядок, и, вот, хоть изредка, да и к ним в город выбирается. И ведь каждый раз с подарками! Приходится на вокзале встречать с неподъёмными котомками и мешками, которые она невесть как в вагон втаскивает: ну, как же, Алка-то у неё младшенькая, навсегда любимая, и хоть скоро полвека отмечать, а для мамки всё «поскрёбьши». Конечно, и они изредка выбирались до Тогучина, помогали «бабусе» со вскапыванием грядок, с дровами, углём, с мелкой починкой. Но в основном Таисия Степановна была решительно автономна.

Всю свою рано вдовью жизнь Таисия Степановна, с крохотной заплаты уборщицы или сторожихи, а затем и с невесомой пенсии, каким-то немислимым образом умудрялась не только помогать давным-давно выросшим троим детям и пяти внукам, но при этом и нечто даже откладывать на книжку про «чёрный день». Который и наступил в девяносто четвёртом. У Ивана Петровича навсегда зарубилось в памяти: когда ошарашенные неслышанной, как всем казалось, несправедливостью, толпы выработавших свои силы, отдавших Родине здоровье и теперь уже не нужных в новой жизни людей затравлено метались меж «эмэмэмами» и партиями «обманутых вкладчиков», тещенька только смеялась: «И опять нас, русских баранов, облапошили! Тепереча, погодите, самих же в этом и винить станут – мол, бесталанные, не умели рыжим и меченым не верить». Как в воду глядела.

А вот внуки у бабки гостевать не любили. Каждые каникулы торговались до последнего, чего только не придумывали: и дополнительные занятия, и отработку, и библиотечные встречи. А всё понятно: в городе-то родители заняты, так что спи да балдей, по друзьям шландай или у телевизора торчи – сам себе хозяин, а там их «воспитывали трудотерапией». В небольшом шлаколитом домике сыро пахло квасом, геранью и камфарой, громко стучали ходики, а в «гостиной», между трёх белых за самодельными кружевами занавесок окошечек, по стенам чернели рамки с фотографиями родни, почти сплошь переселившейся в лучший мир. Ленка как-то призналась, что они-то больше всего её и «давили», словно куда-то внутрь заглядывали и что-то там «судили». Через проходную гостиную было видно, как в узенькой «шпальной», весь угол – меж высокой железной кроватью с никелированными шишечками и самодельным, «под дуб», шкапом – занимал огромный, от пола в самый потолок, неимоверной тяжести деревянный крест с красиво нарисованным Иисусом Христом. В своё время крест этот, ещё юная Таисия Степановна с

покойницей-матерью, подпоив охранника, выкрали из закрываемого Хрущёвым и предназначенного к разлому Покровского храма. И потом долгое время прятали на чердаке, пока тот не зачернел и не начал с ног осыпаться. Тогда крест спустили и, украсив кружевами и бумажными розочками, выставили для молитвы. Можно верить или не верить, но чёрная корочка спёкшейся олифы в считанные дни расправилась и просветлела, высвободив удивительные краски и позолоту. Когда в посёлке открылась новая церковь, крест несколько раз туда просили, даже сам священник как-то часа три проуговаривал, но Таисия Степановна упёрлась – «только после смерти, это мой вклад на помин души». На этом и сошлись.

За почти тридцать лет своего зятничества Иван Петрович опытно познал, что к тещеньке всегда лучше прислушиваться. И советы желательно исполнять, чтоб потом не так накладно получалось. Вот и теперь, когда она «утюжила» их за дочку, которая в свою семнадцатую весну слишком в один миг расцвела, распустилась телом, то стоило бы не отмахиваться, а вникать:

- Вы у меня за Ленкой-то в оба глаза следите. Что с того, что умная, в еёные годы кровь шибко кипит, а мозг не поспекает. Девку должны блюсти отец с матерью до самого венца, а, коли грех таки случится, – знать, в том, прежде всего, родителей вина. Что значит: «как узнаешь»? Да просто: озлобится и засмурнеет. Враг человеческий не один нападает, бесы скопом лепятся, друг за дружкой душу мытарят, передают из лап в лапы, по цепочке. Зазевался – и вот он, грех. А грех рождает страх, страх рождает ложь, ложь рождает гнев, за которым уныние идёт, тоска, и, не дай Бог, руконаложение. Это не я удумала, это святые люди написали.

- Да как я за ней теперь одна услежу? Она вообще не особо меня слушается, у неё ж один авторитет – папаня. – Алевтина Юрьевна закончила с винегретом, откинула нож и доску в мойку и, приготовив полотенце, со скрипом приоткрыла духовку, выпустив совсем уже непереносимый дух свежепропеченного теста и распаренного лаврового листа. – Всю жизнь что ей, что Александру – мать никто, уборщица да посудомойка за всеми.

- Не перебирай. – Николай Петрович задавил довольную улыбку. – Ну, а если чего, так мною и грози: «мол, всё отцу расскажу».

- Погрозись тобой. Бросаешь меня на полгода, а я грозись.

- «Бросаю!» Хм, так ведь хочется же под старость хоть раз на Кавказе побывать, на горы взглянуть. Если в советское время мы туда не успели.

- Вот то-то и оно, что «под старость». Мало забот, и ещё буду психовать: как ты, чего, где, чем питаешься? Вдруг гастрит повторится? Вояка наёмный.

- Кончай, всё ж давно оговорено. Потерпишь, молодые, вон, и то терпят.

- Ты, Алка, мужа не трави! – Таисия Степановна хлопнула ладошкой. – Он, и в правду, не в санаторий едет. Коли решились на такое, задним днём не зуди, не накаркивай. И не зыркай на меня, мне ль не знать, каково не шесть месяцев, а все четыре года солдаткой быть?

Муж Таисии Степановны, Юрий Яковлевич, из раскулаченных спецпоселенцев из-под Минска, прожил с молодой женой меньше года, когда началась Отечественная война. Забрали его осенью, по первому снегу, и по первопутку же вернулся он в сорок пятом, но на костылях. Опытнейший солдат, повидавший и переживший всё, что только может пережить пехотинец – шесть ранений и четыре медали! – уже после объявления Победы, досматривая подвалы венского магистрата, провалился в воронку и сломал таз и позвоночник! Но, всё равно, и это было счастьем – вернулся! Ибо три брата Таисии Степановны навсегда остались на обороне Москвы, где-то под Белым.

- Ты, Ваньша, служи, и ни о чём тутошнем не тревожься. Справимся! Делай своё дело, а коль чего нужно будет, так и стреляй. Добро и зло не могут не воевать, человеки для этой битвы Богом как раз и сотворёны. Через вражду со злом людские души ангельский чин обретают, к Престолам возводятся. Взамен отпавших за сатаной.

Моздок.

Хоть что-нибудь рассмотреть в знакомом по теленовостям городке не удалось – отцепив от общего состава, их вагоны сразу же перенаправили на ночёвку в тупиковый загашник.

- Старый, давай к столу, пока тушёнка не кончилась. А то скоро машины подгонят, перегружаться будем.

Вскрытые коробки сухпайков пакетами, банками и баночками заполняли весь столик – домашнее у всех закончилось, а так как о возможности ночёвки в тупике не додумались, то и в Волгодонске ничего «цивильного» не закупили. Заткнув завернутые в полотенце пасту и щётку за сетку полочки, Иван Петрович втиснулся меж уже что-то колупающими парнями и задумался: а хочется ли ему или не хочется холодной перловки со свиной?

- Ну и чего тут думать? На службе это дело вообще не полезное, на службе нужно не думать, а конкретно действовать согласно уставу, в котором за тебя командованием уже всё предусмотрено. Короче, послушай: *«Инструкция по использованию индивидуального рациона питания ИРП-П... состав... завтрак – хлебцы «армейские», две пачки... консервы мясорастительные...»*, ага, вот оно, главное – *«рекомендации по применению ИРП-П: Мясные, мясорастительные консервы – используются как в холодном, так и в разогретом виде. Хлебцы армейские – используются в пищу вместо хлеба. Чай растворимый с сахаром – содержимое пакета высыпает в кружку и добавляют кипятка. Повидло – вскрывают непосредственно перед употреблением. Концентрат для напитков – предварительно восстанавливают, для чего содержимое пакета высыпает в кружку и заливают кипяченой водой (200-250 мл); Карамель леденцовая – используют в течение дня»*. Ну, и чего тут неясного для исполнения? Хлебцы – вместо хлеба, а карамель – на весь день. Даже про то, что в чай кипятка заливают, и то умные люди за нас предусмотрели. Наверно, и опытами доказали.

Белобрысый, невысокий, но весь из себя ладный Колян, командирский шофёр, и посему крайний эстет, похоже, один за дорогу не растерял боевого задора. Подогнанная форма, новенькая португеза, сверкающая обувь, выбрит, душист – залюбуешься. Парню, видимо, очень не терпелось «на войну», он так и светился потенциальным героизмом, искренне фонтанируя боевым задором:

- Воевода, а ты куда шеврон нашёл?

- Сюда.

- «Сюда-а!» На сколько сантиметров он должен отступать от шва? Ну-ну, «на четыре пальца», а ещё такую военную фамилию носишь. Ровно на восемь сантиметров! Воевода, в форме должна быть щеголеватость, шик, а иначе лучше в гражданке шмыгать.

К тому ж Колян в их закутке-купе оказался единственным «настоящим» омовцем, поэтому, несмотря на свои двадцать два, всё время лез в лидеры. Ну, или хотя бы уж в равные к старшим.

- Щепок, а ты кого учить вздумал? – Воевода, угрюмый пэпээсник из Октябрьского РОВД, осторожно спивал горячий «чай с сахаром» и закусывал «хлебцем армейским» с «непосредственно вскрытым» повидлом. Вздутая шея, от крупной рыжей головы плавно перерастающая в покатые плечи, выдавала серьёзного борца. – Я в этой форме девять лет хожу. Как в училище поступил в семнадцать, так с тех пор сапог не снимал.

- Это как?

- А так! Меня со второго курса попёрли за систематические нарушения в срочники, и сразу же в Карабах кинули. Отслужил, по дембелю дома пару месяцев попил-погулял, и такая тоска заела, что махнул в Пянж по контракту. Там в погранцах три года с таджиками роднился. И теперь в отделении только что числюсь: за это время уже три раза в Ачхой-Мартане, два раза в Шали и разок в Грозном оттянулся. Начальство радо – им же пару человек каждые полгода сюда отсылать, спецов-то жалко, а я какой мент? Одно название. Вот меня всякий раз и командируют. Мол, фамилия обязывает.

Потянулась уважительно-озадаченная пауза: вот он, живой «солдат удачи». Иван Петрович решил-таки взять хлебец, но, зацепив на него немного нехорошо пахнущей тушёнки, куснул и понял, что вполне мог бы обойтись одной галетой.

За окном по южному быстро темнело, да и на что смотреть? – широко выгороженный колючкой тупик, где, кроме заброшенных, заросших полынью и крапивой дотов, тосковали какие-то пустые склады и кучи бросового горбыля, который разрешили использовать для костров. Разведённые по концам сцепки, эти самые костры красно высвечивали высоченную полынь, косые столбы ограды, да занятый бродячими собаками сортир. Дальше, где-то там за колючкой, за непроглядной под низко-облачным небом чёрной пустошью, дремал и, одновременно, гулял загадочный Моздок. Оттуда то и дело в зону въезжали частные таксисты, фарами просевших от перегрузки «шестёрок» и «девяток» выхватывая радостные братания подвезённых вусмерть пьяных гостей и принимающих их петрозаводцев, в отличие от сибиряков, тоже не чуравшихся «стременной».

Сибирский ОМОН не пил. Гм, а Иван Петрович, как практически и все «приданные», оказался не готов к взаправдашнему сухому закону отряда и вёз, аккуратно завернутую в тёплое бельё, бутылочку настоящей «Мариинской». Правда, мучительных раздумий – куда её теперь девать, не было: в первый же вечер комвзвода Сергей Малоденко, по ходу знакомства со своими новыми подчинёнными не поленившийся провести с каждым отдельную беседу, мягко, и как бы между прочим, порекомендовал по прибытию незаметно сдать весь алкоголь командиру.

- Вот ты, Старый, ответь: зачем тебе эта поездка? – Обломившись о Воеводу, Колян развернулся к Ивану Петровичу. – Возраст пенсионный, уважаемый, так что жена, поди, в трусости давно не обвиняет. И как, вообще-то, она тебя отпустила? Неужто так надоел? Или ты, типа, решил к пенсии льготами подразжиться?

Этого вопроса Иван Петрович не просто ждал, а ждал давно, ждал ото всех, ибо ответ на него заготовил ещё задолго до подачи рапорта. Ответ был задуман и продуман, тщательно взвешен, аргументирован и не на раз днями и ночами обсуждён с супругой ещё с осени, поэтому, вразрез коляниной скороговорки, ответ зазвучал обстоятельно грузно:

- И к пенсии, конечно, нужно подзаработать, чтоб не тыщу восемьсот, а две с какими-никакими копейками выходило, и льготы за «участие» – тоже дело весьма нелишнее. Да и жене от меня, действительно, неплохо б дать отдохнуть. Всё, Коленька, правильно. Но, главное, я по возвращению хочу сыну «газель» купить, «двадцать первую», которая ещё «двести двенадцать». Трёхлеточку, ну, уж не старше пяти. Что б он не хозяина, а на себя ею работал.

- Да, я знаю! На восемьдесят лошадей: она и подешевле, и на «семьдесят-шестом» ходит! – Колян профессионально пыхнул расширившимися глазами, но Иван Петрович не дал себя перебить:

- Он, сынок-то мой, парень очень правильный. С головой и с руками, женился недавно, ребёнка ждут. Вот и мы с женой и порешили, что ему такое в самый раз для начала своей жизни будет, он подарок не профукает. Тут ведь, бойцы, понимать нужно, что не всем служить на роду прописано. Не все ж, как мы, без устава не знают, что им и когда делать, а есть такие, кто вполне умеют и сами собой покомандовать. Умеют вне системы жить.

Иван Петрович наслаждался: вокруг все как-то разом смутились, даже жевать перестали – действительно, в армии и органах одно, тут рамки справа-слева, сверху-снизу, вся жизнь прописана на двадцать лет, и как бы иной раз служба не доставала, но оказаться в автономном плавании... без гарантированного оклада и распорядка... это, правда, не для каждого.

- Глубокая, однако, мысль. – Колян первый опомнился. – А только ты-то, Старый, если честно, и сам тоже боишься без командования остаться? Давно ведь свой срок выслужил, а чего за погоны-то держишься? И где это у нас, в конвойке, что ли, такое долголетие позволяют?

- Не, Коленька, из конвойки я лет пять, как перевёлся. В приёмнике сейчас, бомжами заведу. В конвойке нынче подследственные и осужденные сплошь спортсмены пошли,

дерзкие. Их теперь с «макарычем» не устережёшь, если что замыслят. Это раньше – заточки и бритвы поизымал, и спи спокойно, а сейчас голыми руками порубят. Каратисты-ушуисты.

- Да ну, Старый, чего они могут-то? Решётки, заборы. Всё ж продумано, если не сговор, так и ничего и не случится. Такие стены, проволока под током, видеокамеры теперь всюду – попробуй, дёрнись. Мне кажется, что все побеги только за бабки совершаются.

- Не балаболё! Теперь, наоборот: зеку есть куда сбежать, есть, где скрываться, а это главный стимул. Хоть в Казахстан, хоть на Мальту дёргай – не достанут. Раньше-то куда бы кто делся? Максимум неделя, месяц попетлял.... Хм, я вот в армии в Монголии служил, артиллеристом. Так там у тюрем вообще стен нет, а зеки не убегают. Наоборот, осуждённые от места заключения отойти боятся.

- Это как же?

- А так: у монголов тюрьма – несколько юрт посреди пустыни. Чёрные юрты, а сами зеки, как клоуны, наполовину белые, наполовину красные. Издалека видно, чтобы кто случайно не приблизился. Охранники к тем юртам только еду и воду подвозят. И всё. Если кто оттуда и пытался сбежать – так, коли по дороге сам не сдыхал, то его местные пастухи всё равно ловили и за вознаграждение назад возвращали. Но, чаще дохли. Пустыня.

- Конечно, у азиатов сурово.

- При нас там случай был. Осудили одну бабу. Нашу, русскую: в советское-то время много наших по Монголии работало, не только войска стояли, но и народному хозяйству помогали – на рудниках, с электричеством, на стройках. Так вот, бабёнка эта в Чайбалсане в магазине торговала и в чём-то проворовалась по мелочи. Дело самое обычное, но попала под республиканскую ревизию и образцово-показательный суд – так что вlepили пару лет с конфискацией. А она молодая, красивая....

- Все на выход! Грузимся!

Фу! Два грузовика забиты до упора, общий перекур. Бронированные «урал» и «камаз» ревели солярной вонью, в темноте вспыхивали попадающие под фары суetyающиеся фигуры, а они, мокрые и разгорячённые, с некоторой завистью и смущением смотрели, как, вновь отделившись от остальных, своим кружком толкуются омовцы: с машинами из Грозного, из отряда, который им предстояло менять, прибыли, кроме командира и четырех поварих, двое качающихся от усталости снайперов, с огромными, после зимовки, вещмешками и умотанными тряпём длинными «эсвэдэшками». Доносились обрывки фраз, смех, названия и имена, из которых приданные лишь лепили догадки о своём будущем. Да, отработали люди – и на блокпосту, и в зачистках. И общий бой у них там был – месяц назад крепко с «чехами» пострелялись.

Потом получали уже полный БК. В гулко опустевшем полутёмном товарном по сплошь забросанному изорванным картоном полу, окружая заполненные бумажными коробками ящики, согнувшись или с корточек они сосредоточенно и спешно набивали полученные ещё «дома» магазины. Слабо желтящийся аккумуляторными лампами воздух лоснился от сплошного гладкого, ни с чем не сравнимого, частого-частого щёлканья загоняемых в рожки патронов. Чок-чок-чок-чок... Офицеры, что-то сверяя и записывая, сами вскрывали новые ящики. Прислонившись спиной к приятно холодившей железной стене, Иван Петрович аккуратно вталкивал не всегда послушные патроны, с лёгким адреналиновым ознобом вчувствываясь во всё нарастающий на груди груз, а рядом несмолкающий Колян помогал огромному Жене-Слопу заполнять пулемётные ленты для ПКМ. Чок-чок-чок-чок-чок... Сопровождающий отряд подполковник Пальнин, командир Гусев и начштаба Бархаев, сами уже укомплектованные, что-то обсуждали в проходе с, наоборот, расслабленным, расстёгнутым до пула подполковником из предыдущей смены. И опять мелкий укол «приданным» – гранаты выдавали только ОМОНу.

- Завтра на бронепоезде покатым. Ох, и тягомотина. – Около Ивана Петровича возник комвзвода Малоденко, осмотрел, поддёрнул шнуровку. – В час по чайной ложке, вслед за минной разведкой потащимся. Петрович, а почему только четыре рожка?

- Так столько ж карманчиков.

- Нет, смотри: в каждый можно и нужно по два вставлять. Восемь на себе, девятый в автомате. Я же объяснял в оружейке.

- Значит, виноват, не понял. Хм, я эту сбрую вообще впервые примериваю. В наше-то время «разгрузок» не было. Подсумки.

- Ты бы ещё противогазную суму вспомнил. Полезная была штукавина, многое можно было спрятать.

- Многое.

НАЧАЛО ОТСЧЁТА.

«... Жилет разгрузочный состоит из трех частей: двух грудных планшетов, спинного планшета и плечевых ремней. Такая компоновка позволяет разделять нагрузку на боевую и бытовую. Боевая экипировка находится, в основном, в подсумках, укрепленных на грудных планшетах. Эти подсумки вмещают восемь магазинов для автоматов АКС, шесть ручных гранат типа Ф-1 или РГД-5. Подаватель магазина должен смотреть вниз для предохранения от пыли и песка. Внутри подсумков для гранат сделаны кольца, к которым карабинами цепляются шнурки, прикрепленные к кольцам гранат. При выхватывании гранаты из подсумка чека выдергивается таким шнурком. Это позволяет бросать её одной рукой. Кроме того, на магазинных подсумках сбоку имеются карманы, в которых можно разместить электрофонарь, сигнальный патрон-ракету, сигнальные мины, дымовые гранаты, холодное оружие. На спинном планшете располагается блок сумок и подсумков для дополнительного (бытового) снаряжения. В центральной части спинного планшета находится сумка объемом 7,5 литров для сухого пайка, чистого сухого белья, туалетных принадлежностей».

Когда на тебе армейский бронежилет, каска, на груди АКМСУ с четырьмя дополнительными магазинами, а сзади рюкзак со скарбом на полгода, пятьдесят лет заметно разнятся с двадцатью пятью. И хорошо, что гранаты не выдали. Скорый завтрак из супа быстрого реагирования, сдача проводницам белья, пятнадцать минут в глухом кунге через сонный Моздок и построение на узкой платформе, по которой уже толклось, ревниво оглядывая друг друга, человек триста в разнообразном камуфляже – ОМОНЫ и СОБРы, милиционеры и вэвэшники со всей России. А машины подвозили всё новые и новые отряды.

- Сейчас упресуют, как кильку.

- Не то слово. А ещё и небо развеялось, так что через час рассол пустим.

Бронепоездом оказался состав из десятка обычных почтовых и плацкартных вагонов, перемежающихся платформами с давно отработавшими своё круглобашенными «шестидесят-четвёрками» и, закрытыми брустверами из мешков с песком, спаренными зенитками. Собственно бронёй был обварен только тепловоз. Вдоль бронепоезда суетно выстраивались солдатики. В сравнении с упакованными и откормленными спецназовцами вид срочников давил слезу: застиранная, какая-то вся не по размеру форма, рыже-серые, отродясь не знавшие ваксы брезентовые ботинки, прокопчённые худые лица. Особенно Ивана Петровича зацепил замыкающий строй крохотный мальчонка, которому, видимо, не смогли даже «берцы» подобрать, и обули в явно женские сапожки. Если бы не каска, делающая его похожим на тощего опёнка, не тяжеленное весло АК, вряд ли кто дал ему более четырнадцати – ну, и какая же сволочь признала этого недорослика «годным»?!

Толстый, с затёкшей непреходящим бодуном небритой рожей, в низко препоясанном засалено-тесном мундирчике, армянского типа майор сурово оглядел своё зачуханное войско и что-то гавкнул. «Здрав-желай-товари-майр!» – Опять долгое неразборчивое бурчание, как вдруг, выставив перед собой стволы, солдатики почти одновременно задёржали затворы. По эту сторону путей здоровенные, на всё тренированные и всякого навидавшиеся «спецы» невольно съёжились в ожидании шального спуска. Но, слава Богу, на этот раз обошлось.

Оказывается, в каждый закуток старого плацкартного вагона, если приплюсовать разместившихся на боковых полках прохода, можно втиснуть четырнадцать полностью

экипированных милиционера. В прожаренной солнцем духоте повальная дурная дремота. За неоткрывающимися пыльными стёклами пластиковых рам из разросшейся лесополосы неожиданно выныривали русские названия станиц с датами основания в семидесятых годах восемнадцатого века, около чистеньких, абсолютно пустых вокзальчиков чуть шевелились небритые, чёрные, как грачи, чеченцы или ингуши, вяло имитируя трудовую деятельность, а на всех путях и разводах тянулись сплошные вереницы цистерн с нефтью, длиннющие товарники с лесом, бетоном, кирпичом, металлоконструкциями. Понятно, всё для восстановления разрушенного войной хозяйства. Вагоны, вагоны, платформы и рефрижераторы... с кучи гравия какой-то носатый урод в милицейской гимнастёрке и брюках-трико, хохоча, прицелился в медленно ползущий бронепоезд «калашниковым», а рядом второй в рупор ладоней проорал: «Аллах акбар!» Женя-снайпер аж с голоса сошёл, вскочил, выщупывая свой «винторез» вспотевшими пальцами: «Ни фиги себе! Ни фиги! Да пару лет назад...». Рядом играл желваками Женя-пулемётчик – те, кто воевал в 1999-м, из особого шика были не в камуфляже, а в бледной «горке»: «Ишак! Пару лет назад сходу б мошонку отстрелил!»

Сон как рукой, лица посуровели. Пошли никчёмные, но необходимые для разрядки разговоры.

- Всё, кранты, зад окончательно сопреп. – По соседству с Иваном Петровичем вяло заёрзал плотный, измучено бледный парень, со стоном прогнулся, отжимая закинутый за спину к стене бронезилет – Если сегодня не доберёмся до бани или душа – завтра ходить не смогу.

- «Доберёмся», как же. Если наш паровоз до шести в Ханкалу не домчится, то там и заночуем. В палатках со вшами. Из Ханкалы в шесть все входы-выходы закрывают.

- Чего, правда, со вшами?

- Ну, ты что ли не знаешь, вас ист дас зольдатэн палатка? Пол земляной, а доски из нар обязательно кто-нибудь ещё зимой истопил. И про обработку забудь: земляную вошь никакой дуст не берёт, она, тварь, такая же выносливая, как едомый ею русский солдат.

- Раньше-то, когда шинели были – войлок защищал, она по войлоку не могла ни прыгать, ни ползать. Спи, где хочешь. А скрутка бронезилетом служила – её гранатные осколки не пробивали, да и пуля, которая на излёте, тоже вязла. И проплыть на скрутке минут десять можно. Шинель – самая солдатская одёжка.

- Во, Старый, даёт! Ты, часом, не с Чапаевым ещё служил? Вторым номером, поди, у Анки был?

- Не с Чапаевым. Но семёновцев в Монголии повидал.

- Кстати, ты же не дорассказал, что там с русской бабой стало. Ну, в тюрьме.

- С той-то? Повесилась.

- Как так?

- Понимаешь, в монгольских тюрьмах зеки сами порядки держат, администрация никак не вмешивается. Принципиально. Ну, и представь: в этих чёрных юртах полсотни мужиков и десяток баб рядом сроки тянут. А так как она русская, да красивая, все только ей и стали пользоваться.

- Ни хрена себе! А что, нельзя это было как-то решить?

- В чужой монастырь... У каждого ж государства свой порядок. Я об этом потом всё время вспоминал, когда в органы пришёл. И на линии, и, тем более, в конвойке. Поэтому твёрдо убеждён: нельзя вора́м давать жить по их законам или понятиям, нельзя. Блатной внутри – зверь, одна наружность человеческая.

- Да разные там люди, чего ж под одну гребёнку! Есть и нормальные.

- Это ты меня «мастям» учить станешь? Я ж не о «серых» или «красных», а о «чёрных» конкретно. Конечно, от тюрьмы и от сумы не зарекайся, любой запросто может оступиться, и «мужиков» в зоне всегда на порядок поболее «блатных», но не про это ж толкуем. А про то, что там закон должен быть не воровской, а наш, государственный. Я без малого двадцать лет конвоировал, и на «тройке», и на «семёрке» охранял. Насмотрелся: истязания, издевательства блатных над «серыми», пытки, насилования. «Общий режим» –

зона «спецлютая», там, как и на «малолетке», «первоходочников» таким прессом давят, что в год разворачивают или ломают. Нет, блатные – нелюди.

- А кто против расстрела рецидивистов? Мы же чего хотим? Покоя. А что получаем? В подъездах, в квартирах железные двери, на окнах решётки – и кто ж от кого изолирован?

- Бесконечная тема. Лучше на другое ответь: вот чем мы-то виноваты, что нам шесть месяцев за колючкой сидеть? Те же зеки, а вроде менты.

- Н-да....

Опять остановка. Крохотная станция с невообразимым названием – «Аполлоново». Откуда здесь такое? Молоденький лейтенант оторвался от книжки и непонятно усмехнулся: «Почему нет? Раз «Григорьевская» уже была».

ВТОРОЙ ДЕНЬ НА МЕСТЕ.

*Я видел сон: прохладный гаснул день,
От дома длинная ложилась тень,
Луна, взойдя на небе голубом,
Играла в стёклах радужным огнём;
Всё было тихо, как луна и ночь,
И ветер не мог дремоты превозмочь.*

И, эх, Славка тоже только-только, кажется, придремал, а его уже безжалостно распахивали на подъём. Уууаааа, полшестого!

И на большом крыльце, меж двух колонн,

Я видел деву....

Но, правда, правда, нужно спешить! – сегодня его первый выход на ОКПМ, то бишь, блокпост. Славка напоследок подправил дальний угол одеяла и мягко спрыгнул на покрытый серым линолеумом пол. Их в «кубике» шестеро, так что койки пришлось ставить в два яруса. Молодые, естественно, наверху: он, Серж и Сверчок. Внизу Старый, Рифат и Андрей. Серж и Андрей – омовцы, но, если Андрей побывал здесь только в прошлом году, то «приданный» Рифат в Чечне уже по третьей «ходке». Кроме кроватей, под которыми утеснились обувь, вещмешки и броня, в кубике хватило места под когда-то полированный темно-коричневый шкаф с красной занавеской вместо дверок, самодельный квадратный стол, три табурета, патронный ящик под магнитофон и «библиотеку». У окна кругло чернела низенькая «буржуйка», в топку которой из коридора протянулся шланг с железной продырявленной трубкой-наконечником для сжигания газа. По заклеенным бледно-зелёными обоями стенам иголками наколоты доставшиеся в наследство от предыдущих смен разноразмерные голые девицы в призывных позах. И, отдельно, у входа, нежно смеющаяся София Ротару. Окно на четыре-пяток заложено кирпичом, а оставленная под потолком узкая щель плотно перекрыта отрезком старого одеяла – светомаскировка.

До этого Славка уже отстоял-откараулил наверху трёхэтажного заводоуправления, в котором и располагалась их база. Говорят, завод выпускал пластмассовые изделия, но во вторую кампанию цеха окончательно разбомбили и разворовали, вырезав и вырвав всё металлическое. Чеченцы успели разграбить и выгоревшие гаражи, и склад с подсобками. Так что сохранилось лишь это управление и какая-то дальняя двухэтажная бытовка, с остатками душевых. В той двухэтажке раньше стояли солдатики, а теперь складировались горючее и автомобильные прибабасы, да на крыше расположился пост с долговременной огневой точкой. За два года, после передислоцирования из чернореченского дома отдыха к автовокзалу, наши вычистили управление от нескольких тонн мусора, укрепили, развели свет и газовое отопление, окрасили рамы и двери, стены оклеили обоями, оборудовали баню, столовую, превратили окна в бойницы и пулемётные гнёзда. И, широко опоясав периметр окопами с дотами, замкнули необходимое для жизни пространство колючей проволокой – двести на триста метров относительной безопасности. Честно говоря, вышло вполне уютно –

перед фасадом даже сохранился разросшийся самшитово-буковый садик с облупившимся фонтаном и пустой Доской почёта. И готовящимися распустились редкими жёлтыми розами.

С верхнего этажа, где из бывшего актового зала получился просторный, хоть и тёмный спортзал с теннисным столом и подвесной грушей, округа через бойницы просматривалась на три стороны: на западе, через садик, перекрёсток с их ОКПМ – «особым контрольным пунктом милиции», на юге, через улицу за панельными полуразвалинами разбитого артиллерией кафе-парикмахерской, восстановленный автовокзал, а с востока – уходящая вниз к промзоне широкая панорама с перекрываемым плотной «зелёнкой» частным сектором. На перекрёстке, прямо за ближним своротом, низкой дугой серел бетонный постамент с пеньками спиленных труб – когда-то на пятнадцати флагштоках развивались знамёна республик Советского Союза. Потом, в 95-м, на этом перекрёстке расстреляли разведку морпехов, и на конюшню насадили отрезанные головы мальчишек-первогодок. Стреляли, кстати, и отсюда, со здания заводоуправления. Наискосок за блокпостом – бензозаправочный комплекс, весь из себя в «евро» стиле – зелёные панели с круглыми фонарями, магазин, сервис, мойка. И под вывеской «Жанет» – вроде как по имени любимой девушки Кадырова-младшего. Эдакий оазис ново-чеченского процветания на фоне раздолбанного, разграбленного старого русского города. Может быть, и блок-пост здесь понадобился для охраны заправки от конкурентов? Ещё левее, напротив автовокзальной площадки с десятками столпившихся перед ним междугородних «пазиков» и «газелей», уходил в дымку двойной ряд магазинчиков, киосков, палаток и шашлычных.

А вот гор никаких не виделось.

Основанная по распоряжению генерала А.П. Ермолова в 1818 на берегу правого притока Терека реке Сунже крепость «Грозная» являлась важнейшим звеном Сунженской линии, закрывая выход с гор через Ханкальское ущелье. Здесь проходили военную службу М.Ю. Лермонтов (1840) и Л.Н. Толстой (1851-54). К 1870-му году, утратив стратегическое значение, крепость была преобразована в город Грозный Терской области. На рубеже 19-20 столетий быстрому росту города способствовали проведение железной дороги из Беслана на Баку и начало освоения месторождений Грозненского нефтяного района. С 1922 года Грозный – столица Чеченской, с 1934 – Чечено-Ингушской АО, в 1936 преобразованной в АССР. В 1944-57 Грозный – центр Грозненской области. В 1957-92 столица Чечено-Ингушской АССР, а после распада СССР, с 1992 – только Чеченской республики.

В 89 году в Грозном насчитывалось около 400 тысяч жителей, естественно, – две трети русских, на высококвалифицированном труде которых и держались заводы, промышленность, НИИ, медицина, образование и культура.

Завтрак из чуть тёплой, расквасившейся с вечера гречки со свининой, бутербродов и чая. За ближним длинным столом Сверчок и Рифат опять выясняли несхожесть своих жизненных позиций.

- Да на кой мне этот «патриотический долг»? Я сам по себе, и все эти лозунги, типа «человек человеку друг, товарищ и брат», мне ещё со школы по барабану! И в армии реально каждый только сам за себя был. Каждый выживал, как умел. – Сверчок толсто намазывал масло и, одновременно, склоняясь, громко схлюпывал из стоящей на краю стола никелированной кружки. А доскребавший кашу Рифат ответно пыхтел, подталкивая большим пальцем сползающие с характерного татарского носика тонированные очки-«капельки»:

- Дурак ты, Сверчок, а это пожизненно. У меня ж дочь растёт, скоро шестнадцать, и я очень хочу, что бы она каждое утро могла, не боясь, из дома выходить, и каждый вечер спокойно возвращаться. Плюс для меня немаловажно, чтобы ей было чем за своего отца перед подругами гордиться.

- Какая такая «дочь»? Сам же говорил, что трипак долечиваешь?

- Во-первых, уже долечил. А во-вторых, что с того, что мы в разводе? Дочерью-то я всё равно занимаюсь. Бабы бабами, а дети – святое.

Построение личного состава тут же в столовой. Замком капитан Бархаев и взводный Малоденко напару осматривали, правили экипировку «приданных»: поверх х/б новенькие прорезиненные «шелестяшки», бронник, разгрузка с двойным боекомплектом, с санпакемом, ножом и гранатами, а под каски лучше бы повязывать платок. У омовцев на головах камуфлированные «болиды», в них-то не так жарко будет, как в антикварных СШ-68. «Жарко»? На дворе темнота, небо едва-едва замутнило с востока, а низкие сизые облака отжимаются липкой моросью. Жарко? Тут вообще озноб колотит.

- Товарищ подполковник и товарищ лейтенант на компьютере и на журнале. Шесть человек непосредственно на перекрёстке тремя постами досматривают автотранспорт. В каждой паре один человек уже с опытом, второй стажёр. С ОКПМ комвзвода с замом прикрывают вас пулемётом и шайтан-трубой. В момент остановки, досмотра документов и транспортного средства – один работает, второй метров с пяти контролирует ситуацию. Спиной только к другой паре! Но, всё равно, с глазами на затылке. Вместе не сходить, ни на что не засматриваться и не отвлекаться, не забывать про товарищей на других направлениях! Ориентировки пока следующие:

«В ВОГОиП МВД России поступила информация о том, что братья Атабаевы Таур и Алхазур, бывшие члены БГ, проживающие в пункте временного размещения беженцев в г. Грозный, ведут антироссийскую агитацию и поиск лиц, готовых к вооружённому сопротивлению против ФВ».

«... В конце апреля текущего года полевыми командирами бандформирований было принято решение об активизации диверсионно-террористической деятельности, проведении на территории Чечни ряда террористических актов. Объектами определены подвижные составы, объекты инфраструктуры железной дороги, автотранспорт Федеральных сил, объектов жизнедеятельности, ППД (ПВД) воинских частей и подразделений МВД. Одним из основных районов проведения диверсионно-террористических актов определён Наурский район.

НЕОБХОДИМО:

1. Командирам подразделений донести до личного состава о готовящихся террористических актах.

2. Исключить формализм при досмотре автомашин, лиц, находящихся в а\т.

3. В обязательном порядке проверять причастие лиц к НВФ по компьютерной базе данных «розыск», а также проводить тщательные проверки всех автомашин, проходящих по оперативным сведениям, сверкам».

«...имеется информация о том, что в г. Грозный якобы для участия в терактах в качестве «смертников» прибыли несколько женщин, прошедших соответствующую подготовку, одним из мест проведения ДТА террористами рассматривается дорога из г. Грозного в аэропорт «Северный» по которым проходит маршрут движения военной техники 46 ОБРОН ВВ МВД РФ.

С целью предотвращения террористических актов в г. Грозном и других районах ЧР необходимо:

1. Командирам подразделений довести информацию до личного состава.

2. Исключить формализм при досмотре автомашин, лиц, находящихся в а\т.

3. Во время досмотра транспорта и задержания подозрительных лиц соблюдать меры предосторожности».

- Вы слышите? «Проводить более тщательный досмотр автотранспорта и лиц, находящихся в нём...», «при задержании соблюдать меры личной безопасности...» и «исключить формализм». – Бархаев извиняющееся улыбнулся, спрятал бумажки за спину. – Главное же, ребята, это помнить о том, что войны давно нет, армейцев из города вывели, и мы остались одни. «Чехи» бояться перестали, наглеют с каждым днём, поэтому необходимо в любых ситуациях проявлять абсолютную выдержку, быть предельно вежливыми. Особое требование комендатуры: избегать конфликтов с кадыровцами. Терпеть. Не поддаваться на провокации. Вопросы есть?

- А зачем столько на себя навешивать? За четыре часа сдохнуть можно.

- Вот как раз для того, что бы не «сдохнуть». Возле каждого поста увидите окоп с бетонным бруствером и крышей от гранаты. Ну, комвзвода лично проверит, чтобы там сюрпризов не было, а вы, в случае нападения, должны добежать до укрытия и оттуда вести ответный огонь. Девять «магазинов» – десять минут боя. Первая граната – ещё пара минут заминки, потом вторая. Итого пятнадцать минут жизни до момента, пока подоспеет помощь. А если не подоспеет – последняя под себя.

Вслед за взводным, гуськом прошуршали мимо чёрно блестящего омоченной листвой садика, повернули вдоль колючки и по-над осыпавшимся окопчиком добрались до бетонного перекрытия – литые корыта-полутрубы, по которым на югах разводят по полям воду, накрывали бетонные же плиты-стенки, образуя длинную, в полсотни метров, защитную арку – «прямую кишку», по которой можно двигаться в полуприсяди. Блокпост – выгородка из всё тех же бетонных блоков с окошечками-бойницами, внутри которой прятался маленький брусковый домик – подарок кемеровского губернатора. В домике, кроме рабочего стола с компьютером, закуток с двойными нарами и печуркой.

- Последний раз: смотрите документы, если они не вызывают подозрения, просите показать багажник, затем сверяете номера кузова и двигателя. И отправляете к окошку для регистрации. – Открывая калитку в проволочном ограждении, Молоденко поудобнее вывесил на плече свой обшарпанный РПК, не поворачивая головы, осмотрел перекрёсток. Он всегда так оглядывался – одними глазами. – В случае малейших сомнений на контроль документы передаёте сами. Их тут же пробьют по базе данных. Ничего сложного, только внимание и внимание.

Словно поджидая их развода, резко, в пять минут рассвело. Облака приподнялись, и, сморщившись под лёгким восточным ветерком, сдвинулись, выпустив в дальнюю прорезь крохотное розовое солнышко. И по проспекту загудели первые автомобили. Славка оказался в паре с Рифатом. Тот уже в Грозном «свой», поэтому вид залихватский – рукава подкручены, велосипедные перчатки без пальцев, чёрные «капельки» из-под камуфлированной каски, ну, прямо герой «теленостей». Вразвалочку пошёл к синему «жигулёнку», из которого уже выскакивал толстый седой чеченец в блестящей кожанке и бордовой бархатной тубетейке. Вместе полистали права, страховку, доверенность, чему-то поулыбались. Пока чеченец открывал багажник, Рифат, не глядя, одним хозяйским взмахом поставил «в очередь» «газель». Славка, неожиданно для самого себя, стволом остановил попытавшихся выйти троих, с одинаковыми чёлочками, парней: «Ждите, к вам подойдут». И чего это он так дёрнулся?

Слабенький с утра, часам к десяти прибывающий поток машин всё плотнее заполнял воздух рёвом, выхлопами и пылью. Все с поводом и без повода перегазовывали, сигналили, разворачивались только с тормозным визгом, подрезая и обгоняя справа, смело прыгали по колдобинам и ямам. В конце концов, с чернореченской стороны образовалась пробка. Сирены, сигналы, самые джигиты из джигитов выруливали по остаткам тротуаров. И все об одном: «Эй, командир, спешу! Пропусти!» Какие тут глаза на затылке? Ещё и солнце железно напоминало слова замкома о том, что под каску лучше было б подвязать бандану. Ага, и подгузник бы тоже не помешал. «Вот сука!» – Смеётся Рифат. – «Полтинник мне совал, что бы я КАМАЗ не досматривал. Да за такие деньги кто ж Родину продаст?»

- А что там было?

- Ничего, гравий. Просто прикармливает.

КАМАЗы, ЗИЛы, Газели... каких только номеров не попадается – от Владика до Калининграда. Даже мелькнула «девяностодевятая» с родным 54-тым регионом. И все по доверенности! Это столько же доверчивых мужиков по России, дающих свои машины покататься по Грозному? Но не одного номера «666»: «Что, мусульмане антихриста боятся?» – «Не, они же джигиты, кому охота «трижды шестёркой» прослыть»? Особая статья – водовозы. На чём только люди не зарабатывали: и цистерны, и пожарки, и просто

сварные железные кубы в кузове, и даже мотороллеры с бидонами. И ещё местная особенность: отсутствие иномарок.

- Так у «чехов» нормального бензина не бывает, сплошь конденсат. А чего? Вон, возле промзоны колодец копается метров пять-десять, а там уже нефть сочится. Ставится самогонный аппарат, и вперёд! Который совсем красный – «семьдесят-шестой», пожелтеет – «девяносто-второй», а «сопсем бэлый», ну, никак не менее «девяносто-шестого». И оставшаяся густота в этот же аппарат на топливо сливается. Так что иномарки тут и месяца не протянут.

Рифат мокрый, красный, аж с носа капает, да и у Славки всё от шеи до колен слиплось.

- Если сейчас не попью – копец, почки рассыпятся.

- А зачем они тебе? Всё через поры выпаривает.

- Не сходитьсь, не сходитьсь, держать дистанцию! – Малоденко как из-под земли вырос. В руке пластиковая бутылочка «славянской», ещё из домашних запасов. – По глотку, это на всех. Терпите, ребята, всего полчаса осталось.

Но отойти к следующему посту комвзвода не успел: синюшно баклажановая «шестёрка» с визгом мотнулась вправо, почти ткнувшись в заросшую пылью бетонную тумбу. Рядом с ней косо всплыла затормозившая серебристая «девяностодевятая». Славка, перекрытый вскидывающим пулемёт Малоденко, услышал только хлопанье дверей, и, отшагивая из-за взводного в сторону, тоже сбил флажок предохранителя.

Около «шестёрки» уже замер на вытяжку милиционер-чеченец в новенькой серой «пэпээске», а из растопырившейся «девяностодевятой» разом выбиралось четверо в чёрных майках и беретах, увешанные пистолетами, автоматами, патронными лентами и гранатами на манер опереточных матросов-анархистов. Так вот они какие, «кадыровцы». Заросшая до глаз щетиной «охрана президента», злобно косясь на напряжённо следящих за разборкой русских, начала наперебой горячо объяснять сержанту-вайнаху, почему нельзя не уступать ей дорогу. Тот, сгорбившись, что-то ответно бормотал, чуть слышно вставляя в чеченские оправдания русское «прости». Потом, когда трое выоравшихся со всем своим арсеналом уже втискивались в салон, последний, пригнувшийся, было, к рулю, неожиданно обернулся и, отмахнув остальным, вразвалку направился к «федералам»:

- Эй, командир, почему твои за порядком не смотрят? За каким хреном вы тут, если безобразия допускаете? Чего, правила для кого?

Накаченный, широкий и кривоногий как бульдожок, «чех» оказался точно на голову короче сутулого, но рослого Малоденко, и сообразил это, только подойдя вплотную.

- Ты ствол-то пониже опусти. И все вопросы о соблюдении правил дорожного движения адресуй своим гаишникам.

- «Своим-моим»! Все вы, менты, для меня одинаковые. – От того, что приходилось заглядывать снизу вверх, глаза у чеха буквально белели, а в уголках кривящегося рта мелко заблестела слюна. – ОМОНЫ-замоны, СОБРЫ-бобры, толку тут от вас! Ни хрена вы не можете.

Кадыровец, всё так же в понтовую раскачку, вернулся к машине, сплюнул, изо всех сил хлопнул дверью. Даванув на газ, почти на месте развернулся задом, и, сигналив, рванул поперёк улицы к заправке. А бедолага милиционер всё чиркал и чиркал стартером.

- Успел, дотянул до блокпоста. Если бы где в другом месте прижали, то, в лучшем случае, отлупили. – Комвзвода вернул предохранитель РПК. – И ведь все они – «духи», ну, почти все кадыровцы повоевали с нашими. На них крови по.... Однако, как сам слышал: «Никаких конфликтов! Не отвечать на провокации». Вот мы и не отвечаем.

КАМАЗы, ЗИЛы, Газели, жигули, москвичи, волги... самые джигиты из джигитов вырывают по остаткам тротуаров: «Эй, командир, спешу! Пропусти»... сирены, сигналы, перегазовки и визг тормозов.... Солнце выжелтило всё небо, асфальт размяк, бронник как сковородка и каска – вафельница....

- Если сейчас не попью....

И неужели конец?! Да, Малоденко разводит смену, и ребята экипированы уже полетному: рукава хэбшек закатаны, кто поопытней – в защитных очках и кроссовках. «Бывайте!» – «Не забывайте!» И трусцой, трусцой сквозь «прямую кишку», по-над осыпавшимся окопом, бегом мимо садика – поскорее в душ, в душ, обмыться! Остальное всё потом. Всё потом.

После обеда курилка под заломанной с макушки, и от этого развесистой белой акацией – райский уголок. Они сидели вокруг стола всей сменой, расслабленно наблюдая за партией в нарды. Не курящий, а просто млеющий в компании Андрей, быстро сбрасывая кости, переставлял фишки и, так же, негромкой скороговоркой отвечал на вопросы:

- Раньше, когда был жив Кадыров-старший, то в городе его личная охрана ездила только на «девятинодевятых» серебристого металлика и без номеров. И следили, чтобы кто-то не из их тейпа не завёл себе такую машину. Если попадался чужак, его, блин, просто-напросто выкидывали из автомобиля, а при попытке сопротивления – пристреливали.

- А сколько их, кадыровцов?

- Посчитать невозможно. Их попытались недавно хоть как-то легализировать, два полка милицейских сформировали. Так ещё тысяч пятнадцать, а, может, и поболее, всё равно мотаются сами по себе. Удостоверения у всех просрочены, разрешение на оружие тоже. Да и оружие-то всё сплошь криминальное, всё в розыске. Они только потому и пошли в милицию, чтобы «чистые» стволы получить. Теперь и захочет кто, а не зацепит.

- Кто захочет-то? Всё куплено.

- Это точно. Наши кремлёвские мудрёны задумали через них остальных «чехов» прижать. Только кадыровский-то тейп – всего лишь один из семи крупных, и далеко не самый уважаемый. Ну, дали им право нефть крышевать, да только против их пятнадцати только здесь в городе и из ближних станиц в любой момент тысяч сорок выйти может. Других желающих.

- Ну, а чеченский ОМОН, они же «кровники»?

- Забудь. Из чехов никто за Россию не воюет. За те бабки, что они от Кремля имеют, можно двадцать русских ОМОНов в шоколаде купать. А сколько они ещё и с местных стригут – никогда не посчитать. Здесь – как? Хочешь стать рядовым ППС – плати тонну баксов, а в ОМОН меньше, чем за двадцать пять не берут.

Доцветающее дерево жужжало пчёлами и звенело цветочными мухами, дырявые тени покачивали скамьи и зелёный дощатый квадрат стола, под которым развалившиеся Фитиль, Чех и Стрелка терпели ненарочные пинки и толчки, изредка дергаясь, чтобы наскоро загрызть доставшее насекомое. Рыжий коротконогий Фитиль и белая Стрелка – дворняги-старожилы, от самого начала базы, им, как ветеранам, всё вообще пофиг, могут спать везде и при любых обстоятельствах, а вот годовалый полузаиат Чех прибился недавно, и ещё перед всеми заискивает. По всему видать, что, не смотря на молодость, бедолага успел поголодать и побродяжничать.

От крыльца к курилке, чему-то смеясь, подходили начштаба Кайгородов и зампотылу Вахреев. Оба, хоть и без брони, но в разгрузках и с автоматами. Кайгородов, продолжая улыбаться, похлопал Андрея по плечу:

- Ну, что, дружище, опять выиграл? Любишь ты молодых обижать. Ладно, ладно, не оправдывайся! Оружие здесь? Тогда пойдём с нами. Ещё двое желающих найдутся?

Славка и Равиль подскочили одновременно:

- А куда?

- В магазин. Тут рядом, хозяйственный.

Андрей и Равиль оставались на крыльце, Славка караулил изнутри около дверей, а Кайгородов и Вахреев изучали витрины и стенные полки переделанного в магазин сборно-щитового домика. Посреди обычного набора «исчезнувших» с армейских складов обуви, камуфляжа, консервов, одеял и матрасов, довольно большой угол занимали импортные дрели, «болгарки», шлифмашины и прочее строительное электрооборудование.

Молоденькая, совсем ещё девчонка, по брови укутанная в белый платок продавщица выкладывала перед офицерами лампочки и предохранители, выключатели и розетки, при этом умудряясь не только не проронить ни слова, но даже и не взглянуть в лица покупателей. В полутёмном углу на раскладном стульчике сидела толстая старуха во всём чёрном и, тоже не поднимая глаз, вязала чёрный же носок.

Выпустив офицеров, Славка напоследок оглянулся и поймал широко распахнутые любопытством блестящие глаза не ожидавшей такого девчонки. А личико-то у «Гюльчатой» ничего, красивое, и шея длинная. Что там на эту тему у Михаила Юрьевича? – «*Черны глаза у серны молодой, Но у неё глаза чернее были...*».

И зачем Славка подмигнул?

ДВАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

Далеко-далеко в темноте лениво перебрёхивались собаки. Осевшая к ночи влага щекотливо залепляла брови и нос, прохладно нежила шею. За служащей окном артиллерийской пробоиной в бетонной плите забора давно никаких признаков жизни – дорога не магистральная, серая полоска обломанного по краям асфальта плавно выгибается и тонет в зарослях, в глубине которых парят горячие источники, на которые днём чеченки ходят стираться. Посмотреть бы, как они, эти источники, выглядят. А, может, и искупаться – вдруг целебные?

Этот пост при въездных воротах: прошитые и промятые пулями и осколками тяжеленные железные створы, за которыми на средневековый манер наклонно вкопаны в землю трубы – если грузовик брюхом налетит, то так и останется, как жук на иголке. На противоположной стороне от ворот мутно высвечивается когда-то белая двухэтажка с напрочь выломанными окнами и дверьми. На её крыше тоже стационарный пост, с которого днём в бинокль хорошо просматривалась промзона: километры и километры давно разбомбленных и разграбленных заводских руин с новеньким куполком мечети и нефтяными факелами. Сейчас факелы, наверное, ещё виднее – небо с того края розоватое.

За спиной, в окружённом двойной колючкой дворе, из незнакомого, размашисто-длиннолистого кустарника осторожно пощёлкал соловей. Помолчал, помолчал, и выдал трель: «Чу-фи, чу-фи, чи-чочочочо-чок-чок, чуфиирррр!»! Тотчас же из-за забора через дорогу откликнулся другой: «Чирри-чу, чир-чу, чир-чу-чу, чок-чок-чок-чок...». Ну, братцы, какая ж сейчас красота пойдёт! Если, конечно, дурная стрельба не распугает.

Выставив на кирпичном бруствере шипящую и иногда что-то вдруг неразборчиво выкрикивающую радиостанцию так, чтобы была на расстоянии вытянутой руки, Иван Петрович попытался поудобнее притереться к дерматиновой спинке изодранного автобусного сиденья, пристроенного под крышей постовой будки. Разгрузку он снял, оставшись в бронежилете, автомат на коленях – обход не раньше часа, можно слегка, вполглаза, покемарить.

«Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...»

«Чу-фи, чу-фи, чи-чочочочо-чок, чу-фи-ирррр!»! В первый и последний раз такого Иван Петрович наслушался в Орле, где гостевал с семьёй у брата в ... да, восемьдесят третьем. Эх. Когда ж это было! «Чирри-чу, чир-чу, чок-чок-чок...».

«Пусть солдаты немного поспят...»

Служба в органах бывает розыскная, бывает караульная. И выбираешь её не ты, а она тебя. И этот расклад вовсе не надуманный, не от сиюминутного желания или выпавших обстоятельств, а от врождённых качеств. Так точно есть собаки «охотничьи», с чуткими длинными носами и большими ушами, а есть «цепные», недоверчиво рыкающие, предупреждающе зубастые. Вот так и милиционеры делятся по породам – на «легавых» и «рексов». Существуют, правда, ещё и боевые псы, выведенные специально для драк, и в перестройку в органах появились ОМОНЫ и СОБРЫ.

Иван Петрович из «цепных», вся жизнь прошла в караулах и конвоях, где главное – не перегореть, не устать заранее. И, что тут спорить, для этого особые нервы нужны, толстые-толстые: для засады-то, многочасовой, многодневной, а если необходимо, то и многомесячной. Чтобы быть уверенным в своём конечном перетерпении, своей пережилостости над преступником, убеждённости в том, что когда «это» произойдёт, «это» не окажется «вдруг», и он, как капкан или как самолов, сработает точно и безотказно. Так что полубдеть-полуспать с прищуренными, ловящими только движение, глазами, с расслабленным слухом, настроенным только на новый, малейше отличный от фона звук, у Ивана Петровича все двадцать пять лет очень даже получалось. Любое шевеление или ничтожный шорох – и он не вскакивал, не дёргался, а только приподнимал оружие, из-под приопущенных век высматривая опасность. Именно опасность, ибо с этими же годами опытно накопилась убеждённость в том, что всё новое в карауле чревато, ибо милиционер и блатной – как пёс и волк, враги непримиримые, насмерть, и только ментовская взаимопомощь против общака – единственно реальная защита. Иван Петрович даже «красных» зеков всегда сторонился и брезговал, не веря в искренность «сотрудничающих с администрацией». Ну, а, тем более, с чего бы это аферистка, выманивающая у восьмидесятилетних инвалидов войны их последние крохи, или педофил-насильник, вдруг да «встали на путь исправления»? Волк есть волк, это его природа. Как и у пса.

Кстати, взводный точно так же осматривается, не крутя головой. Значит, тоже в засадах посидел.

А вот откуда-то снизу и третий соловей подключился: «Юи-лит, юи-лит. Юрь-юрь-юрь...». Первые аж взвились, и пошло, поехало: «Чу-фи, чу-фи, чи-чочочо-чок»... «Чири-чу, чири-чу, чок-чок»... «Юи-лит, юи-лит»....

Конечно, из-за возраста его стараются пристроить на спокойные места, с меньшим риском для всех. Но, из-за нехватки личного состава, постовую службу отряду приходится нести по усложнённой схеме: четыре часа через четыре – днём, три через три – ночью, и, с учётом хозработ, выходных на все шесть месяцев командировки никому не предусмотрено. Вообще. Даже болезнь – предательство. Поэтому вчера он в паре с Сергеем-Сержем опять потел на ОКПМ.

Утром всё шло монотонно, рутинно, единственное событие – колонна ОБСЕ: белые джипы и белые КАМАЗы с красными крестами, мигающие и воюющие «волги» сопровождения. На перекрёсток заранее подъехали «чехи»-гаишники. Тоскливо пожаловались, что ночью у них убили лейтенанта. Застрелили прямо на дому, при жене и детях. Забрали оружие, машину, доллары....

А во вторую смену, когда поток резко спал, и теряющее злобу солнце помаленьку оседало в дальнее пылевое марево, так и вообще потянуло расслабиться. Притоптанная в несколько смен, земля перекрёстка казалась уже «своей» территорией, да и большинство проезжающих автобусников, водовозников и грузотаксистов знакомы – здороваются, лебезят, напрашиваются на мелкие услуги, подвозя на заказ сигареты, воду.

Серж с запозданием отмахнул поравнявшейся с ним чернильно-синей «девятке» с напрочь затемнёнными стёклами, водитель резко ударил по тормозам, и в «девятошный» багажник сходу вдавился серебристый квадратный нос «тридцать первой» «волги». Визг, хлопок и особая секунда тишины, в которую всем неучастникам ДТП становится азартно весело. Красное и белое крошево задних и передних фонарей, быстро растекающаяся лужа из-под смятого радиатора, кривые лица выбирающихся из распахнутых плавников-дверок. И вопли, точнее, уходящие в ультразвук теноровые горские трели.

Кто придумал, что мусульмане не пьют? Под вечер в Грозном трезвый водитель – разве что за рулём автобуса. В «ладе» оказалось трое подростков, в «догнавшей» «волге» – двое взрослых, но совершенно косых. Мгновенно оценив раскладку сил, подростки смело напали на «не соблюдавших дистанцию». Серж дёрнулся, было, растащить размашисто лупящихся и взаимно рвущих рубахи, но сам чуть не потерял каску и отступил. Тут уже, как обычно – словно из-под земли – появился взводный. Выждав несколько секунд, Малоденко и Серж уже вместе резким вторжением рассекли немного подуставших сражающихся, повелев

«стоять, не двигаться». Разбитые с обеих сторон носы и истерзанная одежда, бешенное дыхание, выпученные из под чёрных щёлок карие глаза – Серж и Иван Петрович крутили головами посредине явно готовящихся к новой сцепке вайнахов. «Стоять! Всем стоять!» – Комвзвода уже начал собирать документы, когда из затормозивших прямо на проезжей части двух «шестёрок» высыпало человек восемь в штатском и камуфляже, причём трое – с автоматами. Вытянув перед собой красные корочки, «чехи» кучно двинулись на «федералов». Малоденко встречно вскинул свой, обычно внушающий уважение РПК, но, толкнув его со спины, к появившимся «работникам районной администрации» вырвались окровавленные «волгисты».

Ребята с перекрёстка и от КП бежали на выручку, но к чеченцам подъезжали всё новые и новые машины. Как «чехи» так лихо организовали поддержку? Через пару-тройку минут двенадцать милиционеров были окружены почти полусотней орущих, машущих руками и всё более заводящихся от своего количественного преимущества местных жителей. Ивана Петровича привалили на злополучную «девятку», с которой всё и началось. Перед ним размахивал удостоверением «помощника заместителя главы администрации», давя огромным жирным животом, явно бывший борец или штангист-тяжеловес, из-за которого то и дело протягивались, пытаясь зацепиться за автомат или разгрузку, чьи-то волосатые руки, от которых, ворочаясь направо-налево, пока удавалось отрываться. Иван Петрович отступал, как мог, отталкивая тяжеловеса плечом и отбиваясь локтём, спиной теснил давно уже растерявших боевой задор подростков.

- Командир, отдай мне этих гадёнышей! – Габаритный пятидесятилетний чеченец в хорошем сером костюме и серебристой каракулевой папахе обращался к Малоденко нежно, как к родному. – Отдай!

- Нет. Сдадим всех в отделение.

- Командир, какое отделение? Всё равно по-нашему будет. Отдай!

Кто первым клацнул затвором?

Чехи на секунду отпрянули. Но тут же внутри их толпы кто-то что-то закричал, и они снова начали наступать.

- Ну! Сучары! Достали! – Рифат, очки которого держались только на одном ухе, откинулся и остро, как в бильярд, стволом «калашниковой» ткнул в солнышко напозающего на него бородатого парня. – Джалеш! Кети хо?!

Ивана Петровича подцепили-таки за низ разгрузки, и, выворачивая через капот, завалили, а потом, не смотря на сомкнувшихся Рифата и Андрея, умудрились раза три пнуть. Уже на коленях, получая не особо ощутимые через бронезилет удары, он, матерясь почему-то шёпотом, двумя руками запихивал обмякших от страха пацанов под машину.

Несколько выстрелов хлопнули по ушам, и наступившая тишина просветлела от вновь появившегося белесого неба – это отжалась напиравшие. Однако стреляли не «федералы» – под блокпостом открытыми дверцами растопырились два камуфлированных милиционерских уазика, от которых бежало шесть или семь милиционеров-чеченцев.

Часть людей, оказавшаяся в центре столкновения, сыграла в «море замри», а крайние начали быстро расходиться и разбегаться. Захлопали замки, злобно, с прокруткой, завизжали шины. Минута – и на перекрёстке остались только участники злосчастного ДТП.

- Командир, отдай их мне. – Капитан Хазрат Идигов, начальник смены охраны автовокзала, держал Малоденко под локоть, а протрезвевшие «волгачи», которых столь неудачно попытались отбить «сотрудники администрации района», тяжело сопя, вслушивались. – Зачем протокол? Бумагу переводить.

- Сам понимаешь, Хазрат, столько свидетелей – не получится.

- Какие свидетели? Хум дац! Нет никого. И не будет. А машина моя – это мои сыны с моим племянником, я их сам дома накажу, поверь.

- Уж накажи, не пожалей.

- Не пожалею!

Через час милицейский «уазик» вновь выскочил со стороны автовокзала и вывернул на Геологическую. Давешний капитан вразвалочку направился к Ивану Петровичу, и, широко улыбаясь по-своему красивым, с чётко прорезанными чертами, «кавказским» лицом, издали протягивал руку:

- Сын сказал, что ты их собой закрывал. Спасибо, дорогой! – Сильно сжав ладонь, притянул, приобнял. – Как звать?

- Иван. Иван Петрович.

- А меня Хазрат. Ну, тоже, Саид-Эминович. Я твой должник, ваша. Что попросишь – сделаю как брату, помогу, чем сумею.

- Да, нормально. Испугался немного за пацанов.

- Не стесняйся, проси! Мы же с тобой – милиция, если мы друг другу не поможем, то кто за нас?

И ещё раз обняв, протолкнул сбоку за бронезилят плоскую бутылку.

- Бери, это хороший коньяк, кизлярский. Бери!

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТЫЙ ДЕНЬ.

Иван Петрович, Славка и Сверчок, намотав марлевые тюрбаны, белили потолок в столовой. Чересчур разбавленная известь не прихватывалась, скатывалась по закопчённой поверхности в шарики, едкими струйками стекала по машущей руке и обильно закапывала головы и плечи. Особенно не ладилось у молодых. Славка записывал, делая всё более частые перерывы, сматывался в умывальник, якобы промыть глаза, но что-то задерживался, где-то западая. Иван Петрович потихоньку тоже заводился – ведь это он старший по наряду, и это ему придётся разводить руками за то, что они явно не успевают к ужину.

Зато Сверчок, хоть и бестолково – больше на себя и на пол, но махал по-честному. Он вообще эту неделю был ниже травы, тише воды – в субботу с ним произошёл такой конфуз, что будь они не в Грозном, парень точно бы уволился и сбежал куда подальше. Все, конечно, старались в лицо ничего не говорить, но чтобы удержаться от смеха за спиной, такого не получалось.

А, в общем-то, конечно, виновато начальство – не предупредило новичков, что по субботам-воскресеньям местные справляют свадьбы. Так-то к стрельбе в городе все уже привыкли, если автоматные очереди и взрывы раздавались дальше пятисот метров от базы, караульные даже не докладывали – у чехов разборки шли и днём и ночью. Но свадьбы....

Сверчков в паре с Андреем стоял около остановки, прямо напротив заправки. За спиной через метров двадцать начинались плотные заросли акаций, клёнов и буков бывшего парка. Жара, как всегда в полуденную смену, слишком быстро довела увешенное железом тело до котлетного состояния, мозги в каске вскипели, а автомат вызывал всё учащающиеся приступы ненависти. Сверчок пытался не смотреть каждые пять минут на часы, не чесаться, не уплывать мечтами в мирное и счастливое детство – с лимонадом и мороженым. И когда вдалеке захлопали одиночные выстрелы, он даже не сразу включился – что это и откуда, а, главное, в то, что выстрелы приближаются.

Из-за поворота вывернула белая «волга», которую догоняло – раз, два, три... пять «жигулей» самых разных марок и расцветок. Как бывает, когда пытаешься вынырнуть из кошмара, и это никак не удаётся, Сверчок вдруг укрупнено, до мельчайших деталей, разглядел, как из открытого окна надвигающегося автомобиля медленно-медленно выдвигается ствол «калашников»... и из других машин ещё несколько стволов направляются на него.... И опять же, как в дурном сне, Сверчок понял, хотя и не почувствовал, что это он огромным прыжком отлетает с дороги, переворачивается в воздухе и плашмя вжимается лицом, грудью, животом в непускающую в себя слишком короткую траву. Выстрелы рвали воздух над самым затылком, даже в глазах пыхали красные зарницы. Всё так же, не приходя в сознание, Сверчок сначала на четвереньках, а затем кривыми

перебежками достиг акации и, расталкивая скрещенными руками упругие ветви, уже напрямую ломанул куда-то туда. Туда, где его не убивали.

Разыскали его почти через час.

А ещё в тот день через перекрёсток пролетело три свадьбы, и всякий раз чеченцы стреляли в воздух, клаксонили, били в ладоши, и каждый водитель эскорта старался обогнать других, чтобы оказаться рядом с машиной невесты.

В общем, кто в армии служил, тот в цирке не смеётся.

- И теперь что? – Почти двухметровый лейтенант Вахреев носил никак не меньше ста двадцати килограмм хорошо тренированных мышц. Как и все в эти дни офицеры, задёрганный беспрестанными несостыковками, ляпами и ненужными авралами неустроенности начала «командировки», зампотылу часто смаргивал светлыми ресницами от недосыпу и необходимости думать сразу о нескольких вещах, но, памятуя о присутствии за стойкой поварих, старательно подбирал самые литературные выражения. – Как наличный состав сможет здесь принимать пищу?

- Так ведь практически вдвоём белим. Чекасу, ну, Черкасову известь в глаз попала.

Зампотылу опять поморгал, и, может быть, махнув рукой, умчался бы к другим несправляющимся, но в этот момент в зал вошёл освежившийся по пояс, сияющий беззаботной улыбкой Славка.

- Черкасов, покажи глаз.

- Да обошлось, вовремя смыл.

- Вовремя? А, как думаешь, твои товарищи сегодня тоже вовремя ужинать сядут?

Славка вытянулся в «смирно», скорчив, было, оскорблённое лицо, но, ударившись затылком о недоброжелательную тишину замерших за спиной Сверчка и Старого, вдруг согласно осел:

- Виноват, товарищ лейтенант. Сейчас поднажмём.

- Надеюсь. Не хотелось бы, что бы вы завтра, все трое, после караула, вместо отдыха, таскали на крышу мешки с песком. И ещё напоминаю: командир распорядился голым по территории не ходить. – Вахреев большим пальцем через плечо указал на поварих, демонстрирующих своё полное невнимание к происходящему.

- Так в рукава течёт!

- Надень майку.

Заливая и забрызгивая всё и вся, Славка, свирепо догонял и перегонял. Стыдно? А это хорошо, это правильно, и Иван Петрович не спешил объявлять амнистию. Пускай. Пока сам аккуратно скатывал со столов полиэтилен, выдвигал лавки, протирал подоконники, дал задание Сверчку принести воду и швабрить зашарканные, тёмно-серые, а когда-то изузоренные цветной мраморной крошки, полы. Проклятая известь даже после трёх проходов вылезала белесыми разводами.

Всё, можно и нужно передохнуть. Оттесняя в оконные щели запах сохнувшей побелки, от плит валили сумасшедшие ароматы обжаренных в луке спинок мятая и докипающего вишнёво-яблочного компота, на которые в двери то и дело заглядывали сглатывающие слюну бойцы.

- Славк, а у тебя крестик-то точь-в-точь как у меня.

Старый и Черкасс примирительно привстали и, через стол курилки, склонились, почти соприкоснувшись свежее обритыми, синеватыми макушками.

- Действительно. Это мне жена подарила.

- И мне супруга повесила. Серебряный?

- Серебряный.

- Черкасс, а ты разве женатик? – У курилки из полутьмы проявился благоухающий после бритья «жилетт»-ом Рифат, присел бочком, пряча ладонью огонёк зажигалки. – Вот, хотел поесть, а там толпа.

- Посиди, пойдёшь с нами.

- Так ты что, Черкасс, в самом деле, уже захомутанный? Эхма, а я-то думал: как закончим с Кавказом, так и махнём с тобой на пару по бабам. Оторвёмся, как хорьки в курятнике! Я тебя с такими девахами сведу, блин, не сразу поймёшь – быть это или сказка.

- Это от которых ты лечился?

- Случайность. С кем не бывает? Ну, записываю в компанию?

- Не, я жену люблю.

- Чего-чего?

- Я люблю жену. Мы с ней и в церкви венчанные. – Славка, прихлопнув ладонями столешницу, резко встал, повернулся и быстро пошагал через двор к туалету.

- Старый, это он чего? Перетрудился? «Жену», «церковь»! Эй, молодой человек, откуда у тебя этот религиозный психоз?! Что, так скоро гормональное отравление началось? Или нервный срыв на почве затяжной боевой и политической готовности?

- Что ты в парня, как Тузик в тряпку? Отстань. Считай, что это наше дело, внутри христианское. Вам вот Магомет четыре жены разрешил, так и пользуйтесь на здоровье. Пока его много.

- Причём здоровье? Между прочим, мы, татары, только на одной женимся. Вообще у русских мусульман отродясь многожёнство не в традиции. У меня отец овдовел рано, так нас с сестрёнкой сам растил, в одиночку. Другую в дом до старости не ввёл, что только родственники ему не талдычили. Любил мать всю жизнь.

- Во, видишь! А ты почему не в отца?

- Так я уже городской. Развращён цивилизацией и растлён глобализацией.

- А, вообще-то, откуда корни?

- Из Убинки. Мои предки с пятнадцатого века в Барабе землями владели, ещё до Кучума и Ермака. Наш тугум от самого Шадибека идёт. Это который Тохтамыш зарубил, покорителя Москвы.

- Вон оно что! А как твоя родня смотрит, что ты тут воюешь? Ну, что против единоверцев?

- Я ж сказал, что я городской, в мечети раз пять за всю жизнь побывал. Да и какие мы с «чехами» единоверцы? Они ж вообще сектанты – суфии, это типа ваших адвентистов-мормонов или ещё каких раскольников.

- Не знал. Думал, в исламе все едины.

- В исламе, как в христианстве, всяческих полно: главные, конечно, сунниты и шииты, как ваши католики и православные. А, кроме того, арабы на турок морщатся, турки на нас, азиатов поплёвывают, а мы на кавказцев сморкаемся. Поэтому, Старый, я тут не на религиозной войне, а конкретно за Россию. За Империю и Советский Союз. За который оба моих деда погибли.

- Ну, прости.

- Без проблем. Ещё вопросы будут – обращайся без стеснения.

Собственно, и Ивану Петровичу тоже была пора.

На крыльце, белея перекинутым через плечо полотенцем, стоял командир майор Гусев. Глубоко-черные – бурятская или казахская кровинка в нём плавала явно – быстро-узкие глаза влажно поблёскивали отражением неземного.

- Добрый вечер, Андрей Антонович. На месяц любуетесь?

- Ага. Смотрю, какой чёткий серпик, совершенно как на турецком флаге. И Венера рядом. Я точно таким его в девяносто пятом впервые и увидел – вверх рожками.

- Так вы в Первую уже воевали?

- Мы тринадцатого января, вслед за штурмовыми колоннами в город входили. Войти-то вошли, а выбратся-то теперь никак не получается. Восьмая командировка.

- Всё в Грозном?

- Нет, в горах тоже довелось. В Ачхой-Мартановском районе побегал, и в Шали, и под Асиновской. Зачистки, засады, рейды – Кавказ уже как судьба.

Высоко вздутая над черным каре двора, заполненного дурным в излишней густоте ароматом акаций, тёмно-тёмно синяя плёнка небесного пузыря редко просвечивала крупными розовыми и зелёными дырочками звёзд, а узкая царапина вчера народившегося месяца придавала миру окончательную шахерезадность. Гусев в третий раз очень внимательно заглянул в лицо Ивана Петровича:

- В караул заступаете? Где, на въезде? Тогда ужинайте поскорее, через полчаса построение. И ... ещё просьба: Сверчков с вами живёт? Ну, вы, это, пожалейте его, не особо подначивайте. Засмурнеет парень, а нам тут ещё сидеть да сидеть. Мало ли с кем и чего.

- Понятное дело. – Отстраняясь, Иван Петрович вроде как что-то зацепившееся доставал из кармана. Неужели командир учуял?! – Разрешите идти?

- Идите.

Так-так-так. Что, в самом деле, учуял? А он и глотнул-то только два раза, тут же закусив прихваченной с кухни луковкой. И зубы почистил. Нет, не должен, показалось.

«Грех рождает страх. Страх рождает ложь. Ложь рождает... гнев». Что там дальше тёщенька говорила? Что после «гнева»-то? У Ивана Петровича дальше подступала тоска. Проклятая бутылка, которую он смалодушничал сдать Гусеву по прибытию, ждала, ждала, и дождалась. В первый раз он приложился через неделю, когда «дневалил» по этажу. Свободные от нарядов либо спали, либо сидели в «кинозале», где смотрели по видику «Пятый элемент» – по пустому тёмному коридору из-за неплотно прикрытой фанерной двери периодически погрохатывал хохот. Иван Петрович, швабравший каменный пол, неожиданно для себя вдруг бросил тряпку в ведро и, воровато оглянувшись, зашмыгнул в кубрик. Сгорбившись, словно кто придавил его затылок чугунной пятернёй, быстро расколупал узелок вещмешка, просунул руку и нащупал скользкую узость горлышка.

Водка от желудка дурным откатом ударила в голову, обожгла лицо до испарины. И, вместо представляемого мягкого бездумного блаженства, обернулась резким осознанием необратимости совершившегося. «Вот он, грех, который рождает страх, что порождает ложь. А ложь рождает гнев, за которым уныние». Ох, тёщенька, ох.

На следующий вечер опять, тоскливо морщась на свою слабость, улучил минутку и приложился.

Когда водка закончилась, у него словно камень с души спал. Думал – всё, избавился.

А сегодня начал хазратовскую.

ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

*Спеша на север издалёка,
Из тёмных и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж Востока,
Принес я, странник, свой поклон.*

*Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит*

*Но сердца тихого моленья
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твоё владенье
К престолу вечному Аллы.*

Бледно-далёкие белки Сунженского хребта, которые после первых дней серой городской хмарости Славка наконец-то разглядел на южном небосклоне, сегодня были особенно хороши. Розовые с лиловыми тенями, они висели над плоской, как стол, долиной

полупрозрачным расшитым шёлковым шарфом, чуть искрясь и колыхаясь в восходящих токах прокалённого за день воздуха. Как там, наверное, хорошо, чисто, прохладно....

А тут.... Четыре часа караула на четыре отдыха днём, три на три ночью, ремонт заграждений, углубление окопов, смена вечно рваных мешков на брустверах, перекладка кирпичной стены, разборка завалов на крыше, стирка, мытьё коридоров, мытьё посуды и чистка картофеля на кухне, чистка оружия, стратегия и рукопашка. Без выходных. Ещё бы только немного строевой для полного счастья. Вся радость в качественной пище, но, опять же, от неё к концу месяца не то, что тело, а душа зудела, когда на глаза попадалась женская фигурка. Хоть издали. Так и получалось: сначала взблёскивал бинокль на крыше двухэтажки, затем эстафету подхватывал окуляр у въездных ворот, потом «равнение» выдавали постовые перекрёстка, а последними вслед проходящей в местную школу учительнице вздыхали и тихонько посвистывали из-за бруствера ОКПМ. Да! – ещё и с верхотуры базы в полвосьмого утра кто-нибудь тоже припадал к мощному стационару с пятидесятикратным увеличением. Возвращалась учительница в шестнадцать-двадцать. Шла, смотря строго вперёд, вытянув шею, гордая, бессловесная. Словно кол проглотила. И, эх, тра-та-та! А вот ноги, как и у всех горянок, у неё коротковаты.

Славка бросил просолившиеся за четыре часа робу, майку и трусы прямо на пол, запнул всё под кровать к вещмешку, из последних сил натянул шорты и, уже спя, взгромоздился на свой второй этаж. Бай-бай!

... Вознесённый быками и арками над своим отражением, каменный мост огнистым пунктиром выводил полуторакилометровую перспективу во мглу противоположного берега. Размашисто перечёркнутая Обь невразумительно шепелявила неравномерным прибоем, лоснясь розоватым серебром вдоль ограждённого буйами фарватера. ... Когда унесу я в чужбину... В правой дали, сбившись в стаю, дремали самоходки, и отсюда – с бетонной высоты набережной – длинные живые дорожки красных и белых корабельных фонариков казались цепочками, опущенными вглубь расплавленного чёрного стекла.... Под небо южной стороны....

- Я заснул? – Славка, просительно улыбаясь, потёр кулаком глаза. – Прости!

Саша сидела напротив раскрытой дверки, и расплясавшееся пламя алыми и золотыми мазками легко и трепетно обводило её чуть наклоненное лицо, приподнятые плечи, сплетённые на колене пальцы. Железная печурка сипела и подрагивала, широко выстреливая стремительно переплёскивающимися по полу, стенам и потолку огненными разводами. Крохотное зарешёченное окно за Сашей густо синело ультрамарином, и тающая от нежданно щедрой топки ажурно-пушистая изморозь, освобождая стёкла, плавилась, часто-часто скапывая с подоконника в стоявшую на полу консервную банку. Собственно, от этого чаканья Славка и вынырнул из сломившей его под самое утро тонкой дрёмы.

- Прости.

Саша медленно повернулась, правой рукой откинула волосы, и внимательно, отвыкая глазами от пламени, всмотрелась в его лицо. Алый свет трепетно описал круглую грудь с маленькой пирамидкой соска, складочку живота, растворяясь ниже в стыдливую тень сжатых бёдер. Саша опять медленно-медленно поправила прядь и что-то беззвучно прошептала. Славка встречно сел, для чего-то стараясь разгладить жёсткую смятину новенького постельного комплекта – он не услышал, а просто понял: «люблю тебя».

На столе тускло искрило обжатое чёрной фольгой горлышко пустой бутылки «мускатного», красными полумесяцами светился раскатившийся апорт. Жар раскрытой топки густил воздух брусовой пристройки, которую он снял на эту старо-новогоднюю ночь, почти силой выпроводив домой однокашника Генку Харина, служившего охранником лыжной базы Заельцовского бора. Крохотная, пахнувшая пенькой, олифой, тальми берёзовыми поленьями и, теперь вот, яблоками, сторожка и стала для них шалашом и дворцом. Шалашом, дворцом и первым брачным чертогом. До утренней пересменки.

Толкнув пронзительно засипевшую дверь, он прямо так, как есть, вылетел на крыльцо. Мороз, кольнув губы и ноздри, щекоотяще шершаво огладил грудь, плечи, спину, вздыбил волоски на руках и бёдрах – хорошо! Отбежав на центр выскобленной и исчерченной лыжами, кругло высвеченной фонарём площадки, Славка распахнул объятая обступившим двор блистающий разноцветными радугами слоёных снежных комьев столетним разлапистым великанам, и закружился:

- Я счастливый! Я самый счастливый!!

Низко осевшее под тяжестью пугающих размерами звёзд чёрное небо встречно вращало накрённый Ковш, разливающий по Земле стекляющую космическую стужу. Под сгустками Зодиака по двухметровым сугробам угрюмо хороводились неохватные сосны, а машущий руками в центре всеобщего кружения, переполненный восторгом нагой человек никак не мог прокричаться во всю Вселенную:

- Я – счастливый!!

Саша стояла на крыльце. Прозрачный парок, бьющийся из полуприкрытых дверей, растворял реальность её тела. Да она-то зачем вышла раздетая?! И тоже босиком. Подбежав, Славка обнял, приподнял, и наконец-то прочувствовал обещанные синоптиками минус тридцать семь.

...Венчается раб Божий Владислав рабе Божией Александре.... Венчается раба Божия Александра рабу Божьему Владиславу.... Мою жестокую кручину... Никогда не разлучиться мужу и жене, после того, как у них родилось дитя.... Родишь мне сына?.. Сначала дочь.... Мои обманчивые сны.... А ты, солдат, не ходи спиной. Коли взял что, не отступайся... мои.... обманчивые сны... сны....

- Черкас, подъём! Сюда генерал прётся! – Рифат больно шлёпал Славку по голой спине. Тот со стоном приподнял голову, безумно оглядел кубрик: Сверчок уже убирал со стола последние следы толи позднего ужина, толи раннего завтрака, Старый аккуратно строил протёртую обувь, над которой Андрей и Серж прибивали к стене простыню.

- Это ещё зачем? – Голоса не было. – Простыню зачем портите?

- Вставай скорее. Комиссия из Ханкалы налетела, командиров плющат. Генерал-то вообще московский, из министерства. А с ними телевиденье, и, слушай – такая деваха, ёк-макарёк, с микрофоном... ммм.... Нет, я не выдержу! Джинсики по самое-самое обрезаны, а на ляжках пушинки – белые, тонкие, чуть видные. Вау! Одевайся скорее!

- Да, корреспондентка класс! – Рифата поддержал вообще-то скуповатый на эмоции Андрей. – Всех, кто видел, так и заклинило. Простынь? Приказано «порнографию» со стен убрать, а жалко же красоту портить. Вот и решили просто завесить.

Посоветовавшись, посреди бледно-полосатого полотна крест-накрест подцепили две пулемётные ленты, а посредине приколотили экспериментально простреленную из разных стволов чью-то забытую каску. Для поддержания духа мужества.

Славка глотнул из пластиковой бутылки, зажевал жвачку, ну, и что? Так и будем стоять, как ботинки на параде? Может, всем хоть по книжке взять? Так сказать, чтобы пресса видела: в свободную от службы минуту бойцы активно занимаются самообразованием. Не, не естественно! Тогда давайте по Михаилу Юрьевичу: «Кто кивер чистил весь избитый, Кто штык точил...»? Ага, «ворча сердито». Ну, что тогда ещё, если приказано по территории не болтаться? Поартачась, все всё же согласились создать живую картину «привал перед боем»: Старый читал «Батальоны просят огня», Серж и Андрей играли в нарды, Сверчок подшивался, Славка писал письмо маме, а Равиль доводил на ремне нож.

Множественные шаги по лестнице. Свернули на их сторону. Ближе, ещё ближе.

- Встать! Смирно! – С порога замком Бархаев мгновенно осмотрел-оценил порядок, чуть заметно улыбнулся.

- Вольно. Здравствуйте, товарищи. – Ну, кто ж не знает генеральской любви к солдатской простоте? Вот и сейчас московский гость прошёл по кругу, демократично пожал руку каждому. – Здравствуйте. Здравствуйте. Как служится? Претензии есть?

- Никак нет.

Опережая командира Гусева и генеральского майора-адъютанта, в кубрик дерзко вскочила красноглазая и зеленоглазая пигалица в коротко обрезанных джинсовых шортах, высоко шнурованных ботинках и камуфлированной майке, выпиравшей острыми сосцами. У Равиля даже уши стали фиолетовыми.

- Вот, Эльвира, видите: в МВД делается достаточно, чтобы наши командированные не чувствовали себя пасынками Родины. Созданы все бытовые удобства для долгосрочного пребывания вдали от дома.

- А как у них с досугом?

- Спросите сами.

- Ребята, как вы тут отдыхаете?

Кося на генеральскую грудь, Серж что-то замямлил.

- А чаще всего читаем. Или в спортзале качаемся. – Вдруг перебил его Рифат. – Каждому своё, но, правда, есть и общая проблема... досуга: почему-то всем под утро снится только один сон. Фантастический. Про зелёные-зелёные глаза.

Пауза. Первым благодушным баском засмеялся генерал, за ним, с секундной паузой, хихикнул майор-адъютант. А Эльвира извиняющееся пробормотала:

- Да это так, это у меня контактные линзы тонированные.

Ещё раз оглядевшись, в той же очередности пошли на выход.

- Ребята, кому скоро заступать на блокпост, вооружитесь и сопроводите оператора в магазин. Как всегда, не меньше трёх человек. – Замыкавший Бархаев уже из проёма пальцем посчитал Славку, Андрея и Рифата. – Что-то из электричества срочно прикупить потребовалось.

Рифат дёрнулся: «А Эльвира пойдёт»? – «Нет». – «Тогда пусть Андрюха топают, ему Кавказ в диковину». – «Короче, сами решайте. Только быстро».

- Электричество – электричеством, а чего здесь можно попробовать из местных блюд? – Длиннющий, мосластый как баскетболист, оператор Олег возбуждал всеобщее внимание: русский, а с бородой. Такое в Грозном после Первой войны практически невозможно. Так что вполне могли подумать, что федералы ведут арестованного.

- У чехов плохая кухня. Невкусная. Вот осетины – да, те умеют. – Шедший впереди Серж успевал прошаривать глазами всех и встречаемых, и стоящих по сторонам чеченцев. Прикрывающему справа Славке хорошо было видно, как то и дело напрягается его рука, сжимающая рукоять, когда кто-либо из «нохчо» двигался излишне резво. – Я когда во Владикавказе был, так там просто оторваться не мог. Особенно шашлыки – такие нежные! А здесь – фуфло, подошвы. Может, конечно, они для своих что получше прячут?

Серж вошёл в магазин и вернулся – чисто. Значит так: они с Андреем покурят снаружи, Славка смотрящим у дверей изнутри, а Олег пусть спокойно покупает, что ему нужно.

В притенённой духоте магазина ничего не изменилось. Разве что старухи не было. Пока Олег набивал «дюресэями» коробку, Славка бесшумно приблизился к прилавку, и, пытаясь поймать глаза упорно смотрящей в пол девушки, даже немного подсел:

- Привет! Тебя как зовут?

Ага, всё-таки среагировала. Вздрогнула и почти подняла ресницы. На крохотную долечку секунды.

- Меня Славкой, а тебя?

Нет, опять отвернулась. Хотя, а-я-яй, боковым-то зрением контролирует.

Выпустив оператора, он резко оглянулся и – точь-в-точь, как в прошлый раз – поймал распахнутые любопытством чёрно-блестящие глаза. Засмеявшись, подмигнул.

И вдруг в ответ девчонка высунула язык.

- А к чему такие сложности? Караул снаружи, караул изнутри?

- Представь: заходит пара-тройка федералов в магазин. Никого вроде нет, и они все в прилавок носом. Сзади появляется чех – два выстрела в затылок, третий в лицо повернувшемуся. И всё. Даже гильз, не то, что свидетелей, не найдут. Это, конечно, теория. А вообще-то именно так красноярцы погибли. В почтамт все вошли, а им к крыльцу тут же «девяточку» с тротилом припарковали. Ребята выходят – бах! Все трупы.

Олег теперь сам озирался, даже как-то ростом поменьше стал.

- Ну, пойдём за шашлыками?

- Ладно, в следующий раз. У вас девчонки классно кашу готовят.

- И-я-того-же-мне-ни-я.

За калитку из колючки – как в родной дом, и через КП, по «прямой кишке», вдоль окопчика и мимо садика во двор, где их уже заждались. Генерал в окружении офицеров казался совсем даже не генералом – ни знаков различия, ни даже плетёнки на кепи, а в руке старое-престарое весло АК. Наверное, вражьи снайпера так и подумают: простой солдат. И даже удивятся, глупые: чего это все перед рядовым так вытягиваются?

Для интервью нашли чистую стенку, определились по солнцу. Все, кто не в нарядах, столпились за снимающим с треноги Олегом-оператором.

Слушали не дыша.

- Прежде всего, я хочу сказать, что федеральное присутствие в городе Грозном постепенно сводится к минимуму. В Чеченской республике активно формируются не только органы демократического самоуправления, но и собственные силовые структуры, способные поддерживать законность и правопорядок. Конечно, чего греха таить, местным милиционерам пока не хватает базовых знаний, опыта работы, в некоторых правовых вопросах они ещё недостаточно компетентны. Поэтому в городе действует система блокпостов, на которых стоят ОМОНЫ и СОБРы из самых разных городов и областей России, укреплённые специалистами ГИБДД и паспортно-визовой службы, следователями, экспертами-криминалистами, кинологами. Это позволяет успешно контролировать криминальную обстановку в столице республики, оказывать достойный отпор остаткам бандитизма и агентам международного терроризма, продолжающим свои вылазки на фоне понятных сепаратистских настроений части пострадавшего от военных действий населения. Но время работает на нас, и мы с оптимизмом смотрим в будущее. Уже недалеко тот час, когда можно будет с удовлетворением заявить всему мировому сообществу: «В Чечне и на всём Кавказе – мир и безопасность»!

Генерал отмахнул рукой конец тирады и облегчённо улыбнулся своему успеху. Ай, да Пушкин, ай, да ... молодец, – ни одного слова не забыл из написанного майором текста.

- Классно говорил.

- Убедительно.

Увиденное нужно было перекурить. Кто догадался первый, тот шустро присел за столик, остальные спинами подпирали халтурно выложенный кирпичный забор-бруствер. Говорили наперебой, но в ходе обсуждения мнения особо не разделялись.

- Опять по ящику покажут, как мирные и добрые чехи ищут работу....

- Как жаждут восстанавливать разрушенное войной хозяйство....

- Как простые кавказские парни мечтают выучиться на механизаторов и менеджеров....

- А девушки на космонавтов и юристов...

- Только дайте им инвестиций...

- И не мешайте их распределять...

- Короче, мужики, понятно: чем нас тут меньше – тем здесь всё лучше. Генерал так по-честному и врезал: «Как только мы уйдём, так у нохчей наступит мир и тишина».

- Не «тишина», а «безопасность». «Мир и безопасность» – это слова антихриста, перед концом света.

Это молоденький лейтенант опять непонятно пошутил.

- погоди! Какого ещё «конца света»?

- Когда антихрист придёт к власти, он прекратит все войны, примирит все народы, и никто уже не будет ни злым, ни добрым. Просто почему-то от этого наступит конец земной истории: «Когда будут говорить «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба».

Забавный лейтенантик из центрального вытрезвителя: худючий, замкнуто сумрачный. Молчит, молчит, потом как вдруг что-то выскажет всему вразрез. И опять замолчит.

- Олег, ты письма не прихватишь? – Андрей задержал Олегову ладонь в своей.

- Без проблем, Мы же завтра в Москве будем.

Смачно чмокнула бронированная дверца, из-за толстого стекла мутно покачалась узкая девичья ладошка, и два низко сидящих «уаза» рванули за ворота.

- Не, какое бы я ей интервью дал....

- У тебя бы она не взяла.

- Ёк-макарёк, как хорошо быть генералом! Вернёмся – восстановлюсь в институте, потом дослужу до майора, потом закончу академию, потом наколю на погоны большие-пребольшие звёзды, и буду давать, давать, давать интервью! – Равиль потряс кулаками, вдохнул-выдохнул и пошагал к корпусу.

- Ты кому письмо отправил? – Славка попытался подцепить быстро убежавшего за плечо синего жучка.

- Да, домой, сыну. Что б скорее.

- Случилось чего?

- Пока нет.

- Прости.

Засмурел мужик – чем поможешь? Наверное, что-то в семье, ведь Андрей ещё тогда, перед отправкой, отделившись от всех, долго бродил туда-сюда вдоль забора, а потом на несколько раз провожал до остановки такого же большеголового как сам, чернявого мальчишку. Как-то так резко запомнилось: если кто-то из омовцев прощался с родными, то или с жёнами, или с целыми семьями, и только Андрей с сыном.

СОРОКОВАЯ НОЧЬ.

Малюсенькая серо-жёлтая ящерка, живущая в глубокой щели когда-то раздвинутой снарядным взрывом кирпичной кладки, давным-давно убежала спать. Где-то затаились и притихли, зачем-то запрыгивающие сюда, на совершенную лысую, залитую мягким гудроном крышу, здоровенные ярко-зелёные, с длинными усами, кузнечики, но зато снизу, как только солнце погрузилось в пыльную пенку горизонта, изо всех зарослей зацикатили, зазвенели сверчки и цикады. На юге нет вечеров: в пять минут небо сиренево загустело, и Венера хорошо различимым серпиком повисла над чёрной-чёрной, как истекающая из неё нефть, землёй.

Город заснул. Город?.. Штурмуемый и отбиваемый, бомблённый и расстреливаемый, взрываемый и разрываемый, разбитый и убитый: пустыри и одичалость зелёнки, дворцы и хибары, квадраты многоэтажных кварталов и лабиринты частных секторов, магазины и блокпосты. Досыта напитанные человеческой кровью и нефтяной гарью руины былой крепости-форпоста Русской цивилизации, брошенной Центром на разор и насилие спустившимся с гор волкам.

Город, странный город, в котором с наступлением темноты не засвечиваются окна, исчезают человеческие звуки. Как и не наступает тишина – соловьи, цикады, лай собак и стрельба, стрельба. Странный город, в котором днём суетливо, на скорую руку кипит жизнь, снующая и торгующая, покупающая, ищущая и отдающая, а по ночам неспешно разгуливает смерть. Жизнь и смерть здесь чётко знают свои сроки, по взаимному согласию поделив равновесие света и тьмы. В считанные минуты они сменяют внешние знаки добра и зла, дружбы и вражды, веры и предательства, не затрагивая сути, истинной природы вселившегося в долину горного равнодушия к этим самым добру и злу. Здесь теперь это

совершенно не важно. Это лишнее, когда полсуток – свет, полсуток – тьма, и всегда – полужизнь, полусмерть. А что? Что у них – жизни и смерти – посредине? Что, кто здесь полуживёт? Вурдалак.

Да, вурдалак – получеловек-полуволок.

Ленивый лай собак перебила длинная очередь. Потом пара одиночных сухих хлопков – ПМ. Снова очередь, но теперь совсем далеко, и, помолчав, собаки возобновили разноголосую переключку. Почему до сих пор молчат соловьи? Пора бы порадовать. А дома по ночам машины и музыка. И свет: витрины, фонари, реклама, летние кафе. И окна, окна, не спящие до северной – в полнеба – роскошной надречной зари, живые окна живых квартир. Славка, напоследок огляделся в бесполезный бинокль – эх, «квакер» бы, а так только рыжие пятна нефтяных факелов над промзоной. Интересно, а какие у них тут дискотеки? Что, врубают реп и парни в тубетейках, припадая на левую ногу, бегут друг за дружкой по кругу, под прихлопывание остальных? Действительно, посмотреть бы: как на медленные мелодии духи вьются попарно? Девчонки-то, даже если и приходят, то навряд ли танцуют, а так, поди, стоят в сторонке «платочки в руках теребя». Хотя на перекрёстке и на автобусной остановке приходилось видеть молоденьких чеченок с непокрытыми крашеными головами, были даже в джинсах. Значит, всё-таки понемногу цивилизуются. Так что, рано или поздно, и горные скво тоже начнут сосать «клинское» и татуировать копчики. И пользоваться контрацептивами. Оставаясь вурдалаками.

А как же та барышня из магазинчика? Он ведь поймал тогда миг, когда из-под раковины выглянуло что-то живое. Волки-то зубы скалят, а не языки показывают. Значит, даже чеченка может обладать юмором. Своеобразным, конечно.

Славка пропустил вспышку выстрела, боковым зрением уцепив лишь бледно-серый дымок над местом выпущенной гранаты. Взрыв хлопнул о стену, прикрывавшую ОКПМ. И тут же по блокпосту наискосок через перекрёсток из-за бетонного полукруга-постаменты со спиленными флагштоками длинно-длинно хлестанул пулемёт. За которым из плотно-чёрных зарослей подхватились короткие чачачаканья автоматов. Ни фига себе! Ещё взрыв. Ещё! РПГ-7? И автоматы, автоматы: то там, то тут в совершенной непроглядности одичалого парка наскоро расцветали и вяли трепещущими оранжевыми лепестками цветки, выплёвывая быстрые красные иглы трассеров. Сколько? Да так близко! Метров с двухсот! Славка припал к самому краю крыши: «Один, два... четыре, пять, шесть...». Очередная граната перелетела через забор и рванула в левых кустах на недалёте к курилке, и оттуда высоко – в визг – залаяли запертые в загоне овчарки. С блокпоста по месту, откуда только что стрелял РПД, ответно застрочили сразу в несколько стволов. Пули густо забились о бетон, широко рикошета вверх и в стороны, однако чех уже сместился, и следующая басовитая трель прозвучала гораздо левее. Но тут к блокпосту подключились два пулемёта с крыши базы, и от постаменты со срезанными флагштоками больше не стреляли.

Забывая на бруствере постовой будки рация надрывалась хрипящими вскриками, а Славка, свесившись, пытался закончить счёт. В невидимые отсюда просветы меж деревьями из темноты то там, то тут сизо пыхала «шайтан-труба», и, как ему показалось, никак не меньше двадцати автоматных огоньков, появляясь и пропадая, словно виртуальные мишени из стрелялки-«шутера», рывками-зигзагами приближались к краю зелёнки.

- Ты чего, мля, не стреляешь?! – Из люка на крышу вверх ножками и коробом вывалился пулемёт, за которым освобождённым джином взвился Женя-Слон. – Работай, мля! Там же наши на блоке, их прикрывать нужно!

И Славка нажал на спуск.

Стоп! А выставить дальность?! Расстояние до зарослей за дорогой семьдесят метров, до атакующих – двести-триста. А! только время тратить! Всё равно не то, что определённых днём ориентиров, даже мушки не видно! Задвинув на глаза каску, щекой коснулся метала и глубоко втянул пороховую кислотину патронника: ну, где? кто?.. Ну? Эй, суки! Ловите!!

Рожок на третьей очереди сплеснул трассирующей двойкой. Ага, пора менять магазин – последний патрон. Его нужно оставлять, чтобы потом не дёргать затвором. А вспышки в черной «зелёнке» стали совсем короткими, там, в непроглядной кромешности, кто-то невидимый перебегал, переползал и перекатывался под плотно смыкающейся листвой, и, то приближаясь, то отступая, стрелял, стрелял одиночными или совсем короткими очередями. Половинка луны полупрозрачным ломтиком косо подсвечивала одинаково округлые, как овечьи спины, вершинки буков, акаций и клёнов, над которыми навстречу друг другу густо летели видимые и невидимые грозды смерти. Одни пули сбивали листья и мелкие веточки, щепили стволы, в которых окурками догорали застрявшие трассеры, а другие бились о бетон, железо и кирпич, зло вырывая каменные крошки и взбивая облачка цементной пыли. Когда Славка, перевернувшись на спину, выколупывал из подсумка шестой магазин, среди сплошного дальне и близко вибрирующего грохота и треска он вдруг ясно услышал над собой тихий и совсем не грозный шлепок. И на руки посыпались песчинки.

- Черкас! Меняй позицию! Тебя, мля, учить нужно? – Стоя на коленях за бруствером, Женя-Слон заправлял под крышку затвора конец новой ленты и нараспев поминал всех горных парнокопытных. – Дал две очереди и откатывайся! Снайпера ж, мля, бьют.

Славка так и сделал. Откатившись на два оборота, оглянулся – по брустверу, выложенному светящимися в лунной подсветке белыми мешками, опять тихо шлёпнуло, и он чётко-чётко увидел, как над тем местом, где он только что лежал, лопнула тиснённая под «плетёнку» полиэтиленовая бочина. Славка ясно, словно бы в самый солнечный полдень, разглядел, как через маленькую круглую дырочку тоненькой струйкой посыпался смешанный с землёй песок.

Черти стреляли всё реже и реже, отходя вправо, вглубь зарослей. Но зато наши теперь резали и косили кусты из всего и отовсюду. Буквально косили.

Метрах в четырёхстах от блокпоста, за автобусной остановкой бугрилась забором давно замороженная стройплощадка – и оттуда, после характерного «буха», с поросычьим визгом вылетела мина. Наверняка сработала со стационара на «уазике» или «джипе».

- Долбаный бабай! Давай в укрытие, не то сюда, мля, залетит.

Первый разрыв треснул где-то возле полуразрушенной парикмахерской – перелёт. Опять визг и следующие два хлопка серо пыхнули в углу у туалета. Эй, только б говно не раскидали! Собирай потом. Черти пристрелялись, и разрывы теперь уже плотно ложились посреди двора, в несколько минут заполнив его дымом и пылью, подсвечиваемыми разгоравшейся крышей умывалки.

Азарт, трясучей горячкой захвативший Славку от долгой, никем и ничем не ограничиваемой стрельбы по неразличимому, но не условно-виртуальному, а совершенно настоящему противнику, как-то разом испарился, и вмиг прозябшей спиной он вдавился в дальний угол. Подтянув, обнял колени, так, что бронежилет косо упёрся в подбородок, и зажмурился. Режущие воздух визги резонировали в желудке, комками желчи толкаясь в горло, и это был страх, тот «тошнотворный» страх, о котором... за который было совсем не стыдно. Ну а что, что можно было противопоставить тупой случайности, безмозглой, равнодушной ко всему беспомощно забившемуся в укрытия, слепо летящей «на кого Бог пошлёт» мине? Что? Только вот это – стать совсем маленьким, неудобным для попадания. И терпение. Просто терпение подкатывающейся блевотины.

А потом наступила тишина. Минут пять полной тишины.

И изо всех обступающих их двухэтажку зарослей вновь зацикатили, зазвенели, заверещали сверчки и цикады.

- «База», «База»! У «Камчатки» всё в порядке! Да, без потерь. Даже моральных. – Женя подмигнул Славке. – А ты чего скалишься?

- Ты в «сфере» на «телепузика» похож. Ещё и эта пупелка на макушке.

Женя-Слон стянул сферу, рукавом растёр по лбу пот.

- Да пошёл бы ты!

И они оба прыснули.

Луна окончательно побледнела, уменьшилась и затонула в поднимающийся ей навстречу туман. И опять подступала тишина: предутренняя влажность глушила цикадный стон, а соловьи сегодня так и не запели. Минут сорок покопив сил, рассвет рывком приподнял, накренил серо-синюю крышку с последней загасающей звёздочкой, и ворвавшийся в широкую щель ветерок разнёс от востока фиолетово-алые на золотистом фоне, огромные перья. За источниками наперебой закричали петухи – и подскочившее над высоким горизонтом солнце упруго и радостно резануло по глазам. Всё стало розовым: и капли росы, и трава, на которой эти капли выросли, и стены, и асфальт. Даже ползущие по асфальту огромные, полосатые виноградные улитки. И, эх, не смотря на едкость угара едва затушенной крыши умывалки и специфическую вонь тротила, *воздух чист, как поцелуй ребёнка!*

После построения народ дружно ломанулся в курилку. Солнце уже приподнялось, меняя розовое на оранжевое, и в макушке акации, как ни в чём небывало, загудели первые пчелы. Места всем не хватало, толкаясь, утеснялись – кто подсилая на корточки, кто подпирая стены. И, главное, всем сразу и наперебой хотелось видеть и слышать вокруг только потешное, хотелось смеяться и подкалывать.

- Ну, как «жим-жим» сработало?

- Чего скрывать? Было дело, прочувствовал.

- Это со всеми случается. А штаны сухие?

- Пощупай.

- Конечно сухие: я ж видел, как он, когда мины полетели, прокладки из ботинок вынимал и в трусы засовывал!

Хотали до слёз, до хрипоты и коликов, прыскавая от одного только взгляда друг на друга, от движения руки, поворота головы, изгиба брови.

А в медкаморке в два пинцета из раздетого донага Андрея вынимали крохотные кусочки стекла, обильно смазывая сочащиеся ранки йодом: он почти вбежал в двери базы, но задержался, пропуская кошку – в этот момент одна из мин угодила прямо в стоявшую у стены стопу оконных стёкол.

В на четверть наполнившейся кривой эмалированной чашке уже не звякало, а весь пятнистый, как далматинец, Андрей кривобоко, но счастливо улыбался, крутясь направо и налево, напористо шептал:

- Жена, когда начала в эту секту, ну, женский клуб ходить, сразу стала чудить. У нас дома пара иконок была, простенькие такие, на картонке, так она убрала – мол, идолам нельзя поклоняться. Потом у сына все пистолетики и танки выбросила, а на меня наезжать начала, что бы я ему про «жестокость» ничего не «внушал». Ага, типа, пришёл домой и в тапочки, про экологию «рамблер» смотреть! Дальше – больше, вопрос ребром: «не хочу ли я себе настоящую работу найти»? Какую ещё «настоящую»? «А без насилия». Это, мужики, как же так? Во-первых, я другого ничего и не умею, более того, всю жизнь только этому и учусь. А, во-вторых, ... люблю я свою службу! Короче, дело дошло до обсуждения развода. Но хорошо, что у неё сеструха старшая баба умная, она-то про секту мне и объяснила. Ну, надо ж как-то человека спасти? Я договорился, пригласил из нашей поликлиники психолога. Тот раз у нас посидел, поговорил, два. Моя, вроде, прислушалась, опомнилась, и понемногу начала оживать. Как вдруг, перед самой командировкой, новая шиза: встретила её «ясновидящая», из того их «Зодиака», и зарядила, что, мол, мне всему в крови быть, всему-всему. От головы до ног. Ну, моя опять в истерику: «Хочешь сына сиротой оставить? Если не откажешься и не уволишься – всё, ребёнка не увидишь!» Ладно, вроде как перетерпел, подождал, пока успокоится, а самому-то в голову тоже запало. Блин, собираться нужно, а я ни спать, ни есть. Задумаюсь, и вроде как со стороны себя вижу: в крови. Про сына подумаю, вообще реветь хочется: малой ещё, кто ж его на ноги поставит? Безотцовщину? Блин, первый раз перед выездом так затрухался. Даже, чуть было, тоже к какой-нибудь знахарке не пошёл. Честное слово! А, оказалось, оказалось – такая мелочь! Мужики, это же такая мелочь! Но, однако, что ж, ведьма-то и вправду предвидела?

- «Предвидела!» Да случилось только потому, что ты в это поверил. Сам поверил.
- А как бы, как я не поверил?!
- Элементарно, Ватсон: сходил бы в церковь, свечку поставил, заказал, что б за тебя помолились.
- И чего?
- А ничего. Ничего бы не было. Вообще. Столько бы йоду сэкономили.

СОРОК ВТОРОЙ ДЕНЬ.

«2-е вооружённых грабителей завладели а/м ВАЗ-21099 белого цвета, г/н к087хн – 95 регион. Направились к 56 участку. Двигатель а/м 114907, кузов б.н.».

«Неустановленные лица, в камуфляжной форме, завладели а/м КАМАЗ-5511 – самосвал, оранжевого цвета, г/н н854еа – 05 регион. В а/м находился цемент в мешках.».

«Член БП Мадаев Б., для передвижения из Шали в г. Грозный использует а/м «Газель» белого цвета, грузовой вариант, без тента, регистрационный знак 185, 95 регион. А/м принадлежит жителю Шали Исмаилову Асланбеку Хамзатовичу 21.02.75 г.р., члену БГ Мадева Б.».

«Милые мои, как же я по вас соскучился. Вот уже второй месяц на середине...». Точнее, сорок второй день в Грозном. И... эх, что писать дальше, Иван Петрович никак не мог нафантазировать. Ну, не про ночной же бой, чтобы до времени запугать жену и тещу? Нет, вот когда вернётся, тогда и порасскажет. Задним числом оно выйдет позабористей, ведь, можно будет, оценивая реакцию слушателей, и приврать по малой, с целью укрепления отцовского авторитета. А пока ничего, кроме пережитого чувства какой-то неправдивости, совершенной непохожести на то, чего ожидалось, он и не смог бы описать. Да что, собственно, он смог понять и прочувствовать, сидя возле цинка с патронами в крошечном тёмном спортзале? Иван Петрович все двадцать минут атаки набивал ленты для пулемёта, немного излишне суетясь и от этого не попадая в гнёзда, а когда попытался хотя бы взглянуть на чехов, то получил такую порцию матов за задержку, что даже как-то и успокоился: да, да, действительно, каждый должен на своём месте делать своё дело! На этом стоит и стоять будет «система», этим она побеждает и будет побеждать. А так-то и порискованней в его жизни приключалось – когда за плечами двадцать пять лет в одной банке с урками. Разглаживая листок, ногтём осторожно столкнул крохотную жёлтую с чёрными пятнышками божью коровку: не отвлекай! И, так, о чём же ещё?

Слева, метрах в двухстах, гудит перекрёсток. А здесь тишина. Продребезжит издыхающим движком водовозка, прошелестит под горку легковушка. И опять только кузнечики. По противоположной стороне дороги от источников тяжело поднимались чеченки, неся скапывающие корзины и сумки с выполосканным бельем. По одежде видно, что не городские – пять замотанных в платки, то ли молодых, то ли бабок. Разница-то невелика: в пятнадцать выдадут замуж, к тридцати десять раз родит, и что за это время увидит? Это же ей колоть дрова и носить воду, чистить в стайке и готовить, стирать, мыть, шить, ковыряться в огороде и нянчить. И всё молча, глаза в землю. Горянки, кажется, вообще не говорят, если их конкретно не спрашивают. Да и то, если спрашивает муж, отец или ещё кто из ближних родственников. Выросшие-то в долине, в городах, немного поживее, а те точно чурки, роботы деревянные. Единственно, где можно увидеть хоть какую-то эмоцию, это когда с автовокзала на проспект, мимо ОКПМ выворачивают междугородние «пазики» и «газели»: в тот момент к окнам липнут совершенно нормальные женские лица с жадно раскрытыми обычным человеческим любопытством глазами. Всегда ж кажется, что стекло защищает тебя от встречного внимания, и поэтому можно безбоязненно разглядывать русских солдат. О которых в станицах и юртах говорится столько и такого.

За женщинами, кружа в догонялках, набегали весело перекликающиеся ребятишки. Три девочки, не старше двенадцати лет, и мальчонка. Совсем крохотный, но в специально

пошитом камуфляжике. Вот, едут с гор, заселяют руины. Каждый день всё новые, новые. Зачем? Ведь даже не пытаются сменить образ жизни. Да ладно сами, главное, детей бы учили, детей-то нужно вводить в большой мир, приобщать к общечеловеческому. Ведь только обучение всех и равняет. Белых и чёрных. И жёлтых с красными. Как говорилось: «учиться, учиться и учиться». А многие девочки даже не ходят в школу: мол, женщина – всё одно домохозяйка. А мужик – ...? Ну, если потребуется, то родственники всегда помогут, скинутся и купят права или диплом. Хоть инженерный, хоть медицинский. А зачем учить? Всё равно ж ему не работать. Нет этого у нохчей в крови – работать. Другое дело *завладеть*. Родственники и в этом помогут.

Прямо по проезжей части, закинув руки за спину и почти пополам согнувшись, быстрыми шагами поднимался сухой белобородый старик. Круглая, расшитая серебром по зелёному бархату, шапочка, длинная, до колен белая рубаха под старым пиджаком, мягкие сапожки – ваххабит? Или этот, суфий? Надо Рифата попытать, чем они различаются. Кроме мозоли на плече и отсутствия трусов.

«Погода стоит жаркая, а какая у вас? Мы тут все загорели, как ...». Как кто? Черти? Или «черти»? Кто первый и когда им такое погоняло придумал? Поди, местные казаки, они в эту бесконечную войну религиозный смысл вкладывают, ещё от прадедовских времён. И, правда, разве ж это люди воруют людей? Взрывают спящие дома, электрички? Отпиливают девятнадцатилетним солдатам головы? Насилуют старух, пытаются детей? Все они, члены БГ, БП и БФ – бандгрупп, бандподполий и бандформирований – «черти». Старо, но точнее не придумаешь.

«Со здоровьем у меня полный порядок, даже немного поправился. Давление в норме». «И...». Ну, «и»? Что ещё?..

Нет, сегодня ничего уже больше не напишется! Протолкнув сложенный листок в конверт, а конверт в спинной карман разгрузки, Иван Петрович размял отёкшее горячей синевой левое запястье, осторожно почесал забинтованную ладонь. Это так он вчера помог Колян у поменять пробитый осколком радиатор «Урала» – придавил руку, хорошо, что без перелома. Заболтался-заспорился. Про смысл жизни. Ладно б, своей, а то чужой.

Кроме пробитых переднего колеса и радиатора, «уралу» осколками исцарапало бочину капота, но броня выдержала без проблем. Чтобы перебортоваться и вытащить решётку, Колян у взводного выпросил себе помощника. И, естественно, с первых же минут начал задирать и учить. Но, только и Иван Петрович теперь тоже имел «боевой опыт», посему уступать молодому, пусть даже и омовцу, ни в чём не собирался:

- Мы-то люди советские, нас перестраивать бесполезно, поздно. Это я за вас, молодняк, теперь переживаю. Если из Чечни каждый день по пять «двухсотых» вывозят, то что ж по всей России творится? Отраву пьют, друг в дружку стреляют, режут. Да просто не женятся! Вот на миллион в год русских меньше и становится. Я глаза зажмурю, а всё равно такую цифру представить не могу. Чтоб в лицах, в фигурах: миллион – это сколько? Пятьдесят или сто стадионов зрителей?

- Главное в танке, как говорится, это не бздеть! – Белобрысый Колян, никак не загоравший от убойного южного солнца, только краснеющий и шелушащийся до опять бледно-розовой кожи, упорно не надевал майки. – Как-нибудь, да обязательно выкрутимся. Что, в ту войну легче было? Вывернулись. Мой дед приговаривал: «умирать собрался, а жито сей».

- Это точно! А всё равно жалко. Всех вас жалко, но ты это не скоро поймёшь. Ладно – парни, а вот на дочку иной раз погляжу, как она уроки делает или по телефону с подружками болтает, аж до слёз горло давит: жалко и страшно. Что у вас впереди? Наша-то жизнь и на долгий мир пришлась, и на стабильность.

- Это чего такого «стабильность»? – Колян упёрся ногами в решётку, всем телом дёргая насаженную на ключ трубу. – Это, типа, «застой»?

- Хоть и «застой»! Квартиры в очередь давали, машины тоже в очередь, ну, там, участками наделяли – помаленьку, конечно, но всё более-менее по справедливости, по

заслугам. А сейчас? Последние льготы отнимут, и на кой кому эта государева служба? Лучше уж охранником возле ларьков кантоваться – за те же деньги, но без проблем.

- Охранником, конечно, без проблем. А как же самоуважение? Ведь кроме конца у нас и мужское начало тоже должно иметься.

- Это у тебя пока молодые амбиции играют, гормоны бычат. А я – всё, вот выйду на пенсию и займусь дачкой. Пора баньку перебрать – низ подгнивать начал, каменка тоже вся в трещинках, потом тепличку нужно расширить для жинкиного счастья. А ещё у меня местечко на Инюшке притоптано, заветное, всё хочу там стационарную точку для рыбалки оборудовать.

- Раскатал, Старый: «дачка», «тепличка». Типа, итог пескариной жизни.

- Коля, сынок, ну чего бы ты от меня ещё услышать хотел? Я Родине уже всё своё отдал: три года в армии, двадцать пять в органах. Особо не воровал, без нужды людей не мытарил, в чужие дела нос не совал. Сына вырастил, дочку дотягиваю. Всё, больше у меня ничего для неё нет. Мало? Так мне ж никаких таких талантов и не давалось, чтобы за них что-то особое спрашивать. Я – серый, обычный, не летаю, не ползаю. Это, вон, уголовнички, народец сплошь гоношистый, публичный. Самовлюблённые, как артисты – коли зритель есть, то такие комедии ломают, аж до крови. Меня по молодости один ветеран учил: «хочешь упёртого уркагана расколоть – польсти ему. Можно бить, прессовать беспредельно – сдохнет, не сознается. А вот похвали, подпусти леща, и всё, он, как ребёнок, пузыри вздует». То, что это правда, я в конвойке посмотрелся: блатные за «понты» всё отдадут, маму родную не пожалеют.

- Прямо, как джигиты.

- Это точно.

Мимо «урала» к крыльцу цепочной просеменил наряд, обновлявший по периметру колючку: вчера каким-то образом прямо во двор забрели корова с телком! Вот и искали – где?! Замыкавший строй Рифат замедлился и, как замагниченный, по большому радиусу завернул к ремонтникам. Кинув на пробитую крышку новенькие брезентовые, с белыми прорезиненными ладонками, верхонки, он со стоном-выдохом вскарабкался на бампер, тяжело приобнял Коляна:

- Слышь сюда, у меня предложение, почти что деловое: тут «соболь» постоянно через перекрёсток гоняет, два нохчо проституток возят. Я заглядывал – шесть русских девок, все в белое выкрашены, молодые, пухлые, чистые. Может, скинемся, да купим их на взвод? А чего?

- Ну, ты даёшь! А по сколько скидываться?

- Думаю, договоримся. Наши же девки русские, вот пусть патриотизм и проявят, подешевле возьмут.– Рифат задвинул очки на бритую макушку, подмигнул Коляну на сплюнувшего Ивана Петровича. – Ты чего, Старый? Я таких дома вообще бесплатно имел, на «субботниках». Виноват, конечно, использовал, так сказать, служебное положение. Только ты не спеши казнить, вели миловать – может, сейчас вон с той крыши какой-нибудь «душок» шмальнёт из снайперской, и расплещутся мои ненужные мозги по асфальту серой кашицей. Судьба – стерва, с ней по-честному не получается. К тому же, это тебе, Старый, уже давно всё без разницы, а нам, молодым, ещё пожить хочется. Особенно после бани.

Тут-то Иван Петрович, отпуская крышку капота, и забыл, что она утяжелена листами брони. Хорошо, что обошлось без перелома.

Камуфлированный, с синим номером, «уазик» визгливо притормозил, качнувшись с боку на бок, осторожно пересёк глубокую рытвину в асфальте, и, вывернув на обочину у самых ворот, затих.

- Здравствуй, Иван Петрович! Здравствуй, дорогой! Как жизнь? Муха ап ду шу? – Хазрат просунул руку в окошко-пробоину, крепко потряс ладонь. – Что, поугадили вас позавчера? Надеюсь, на просто так обошлось? Хорошо. Только теперь вас начальство задолбает, проверять-перепроверять начнут и, о-ёй, все кишки вытянут.

Прорезанное глубокими морщинами, с чуток чрезмерно развитой нижней челюстью, красивое лицо Идигова белозубо лучилось самым искренним дружелюбием, отчего Ивану Петровичу опять стало неловко от собственной сухости.

- То дело командирское. И из прокуратуры, и из Ханкалы налетали, полный двор техники был. И сегодня ещё какие-то тасуются.

- Да, достаётся вашему Гусеву, нас и то по-соседски вздрючили. Я вчера два раза проезжал мимо, так даже близко остановиться не смог – бэтээры да бээрдэмы, не приткнёшься. И все в масках, герои. Задним числом, как говорится. Ты-то сам как?

- Нормально.

- Когда ко мне в гости? Всё обещаешь, а не идёшь. Называй день, я тебя встречу, барашка приготовлю, угощу, уважу как смогу. Посмотришь, как чеченские милиционеры живут. Домой приедешь – расскажешь. А, может, к себе в гости пригласишь. Никогда в Сибири не был – холода боюсь.

Кроме неуютности разговора через дыру в стене с улыбающимся снизу-вверх офицером, Ивану Петровичу гораздо больше зудело от того, что в любую секунду могла нагрянуть проверка с чужими ревизорами. Опять придётся от командира глаза отводить, которому за болтающего часового влепят не по маленькой.

- Эти, герои из Ханкалы, чего-нибудь нашли?

- Гильзы да окурки. Чего ж там осталось?

- Иван Петрович, дорогой, я понимаю, что сейчас не время, но ты вечером-то со сколько здесь? Подъеду, разговор у нас будет. Очень интересный.

- С четырёх. До восьми.

- Тогда в семь повидаемся! Собурде!

Иван Петрович с облегчением проследил, как «уазик» скатился за поворот, и, привстав, внимательно оглядел тылы: нет, со стороны базы никого. По крыше двухэтажки вяло бродил поджариваемый предполуденным солнышком Воевода. Его чужие нарушения устава караульной службы не трогали, как, впрочем, вообще мало что нынче задевало: расстреляв в темноту пару-тройку сотен патронов, их «солдат удачи», то и дело растирая ноющее плечо, блаженствовал, как удачно подравшийся молодой пёс.

Да, действительно, сколько ж тут вчера погостевало! И комендатура, и штабники, и фейсбники. И все друг друга круче: в броне, сферах с забралами, от ушей микрофоны – как будто налётчики всё ещё кого-то дожидались в зелёнке. Герои.

- Здравствуйте!

Что, сегодня у него приёмный день? – Под «окошком» стояла девчушка, в плотно, словно бинт, накрученном вокруг личика и шеи белом платочке. Тоненькая фигурка в длинном, до ботинок, облегающем коричневом вязаном платье, протянулась гибко, совсем как червячок.

- Здравствуй. Тебе чего? Если продать, то на КП.

- Нет, я узнать хочу. У вас все... живые?

Иван Петрович опять осмотрелся:

- Все.

- А Славка не раненный?

- Н-нет.

- Передайте ему. – Узкая ладошка дотянулась до края пролома, удивила чуть влажным холодком пальцев.

Девчонка почти бежала вдоль забора, а сверху ей вслед смотрел в бинокль Воевода. Потом наклонился над самым краем крыши, и впервые за три часа выказал интерес:

- Старый, это кто?

- Девушка.

- Я уже разглядел. А чего она?

- Курево принесла.

- Ух, ты, завидую. В следующий раз я на ворота попрошусь.

Побросав бронжилеты, разгрузки и робы прямо на кровати, сдвинув у двери в общую кучу кисло воняющие распаренными стельками берцы, отстоявшие смену на ОКПМ Андрей, Серж и Славка, с полотенцами через плечо, весело пошлёпывали тапочками по мраморным ступенькам в предвкушении спасительной помывки.

- Привет, Сверчок. Привет, Андрюха.

Они, было, уже обогнули встречно поднимавшихся Ивана Петровича, Воеводу и Сверчка, когда Иван Петрович зацепил Славку за локоть.

- Погоди, дельце к тебе.

Славка неохотно затормозил, перетаптываясь, выжидающе уставился на Старого, молча отпускаявшего подалее тех, кто уже из кубрика, и тех, кто ещё в кубрик.

- Записку прими.

- От кого?

- Тебе лучше знать. Соплюшка какая-то «маляву» передала.

Славка с нескрываемым недоумением развернул сложенную вчетверо половинку клетчатого школьного листка, откинувшись, поймал свет: «Привет. Как ты? Меня зовут Лия». И всё. Буквы печатные, робко кривящиеся, как у первоклашки.

- Спасибо, Петрович!

Но Старый уже свернул по коридору.

«Гости» часа два, как покинули базу – в Ханкалу через КПП впускали до шести, и Хазрат, как обещал, подъехал ровно в семь. На белой «Газели»-фургоне. Спрыгнув, подтянул ремень с кобурой и подсумком, сладко потянувшись, закинул РПК с отпиленным прикладом за спину – автомат для настоящего чеченского «командира» не солиден, однако с прикладом пулемёт даже в «волгу» не сразу засунешь. Прошёл не к бойнице, а к воротам, с силой качнул железные половины:

- Иван Петрович, не спишь?

Старый, оглядев пустынный двор, кусты, отмахнул на крышу всё равно отвернувшемуся Воеводе, и, сдёрнув запирающую поперечную трубу, приотпустил тяжёлый створ. Но наружу не вышел, остался в щели. Хазрат поставив ногу на вкопанный наклонный столб, защищающий въезд от тарана, неспешно протёр и так блестящий остроносый ботинок жёлтой бумажной салфеткой. Довольно сощурился:

- Ты тогда говорил, что хочешь «Газель» купить? Могу предложить.

- Это как?

- Просто. Видишь красавицу? Цельнометаллическая, движок на девяносто восемь, радио, магнитофон, коврики, зеркала объёмные. Даже фары синие – встречные в темноте думают, что «мерс», дорогу уступают. Ну? Конфетка! И только четыре тысячи прошла: почти девочка.

- И чего? Причём я?

- Э! Какой ты медленный! Ты же хотел «Газель»? Хотел! Вот я тебе и предлагаю.

- Да не шути! Я такую в жизнь не потяну, мне бы грузовичок простенький, лет пяти.

- А вот теперь ты слишком быстрый: «не потяну»! Хунда, дорогой, почему вы, русские, никак не умеете торговаться? Ты цену сначала спроси. Подумай, посмотри с разных сторон, найди изъян. Свою предложи. Послушай, как заводится. Потом отказывайся, если сможешь.

- А чего слюнки пускать? Без толку.

- Иван Петрович, я твой должник, я тебе хочу добра: бери за пятьдесят! Дешевле не могу – не моя цена, хозяйская.

Ну, и какой бы мужик после этого не вышел, не осмотрел, не послушал? Ещё раз оглянувшись, Иван Петрович бочком выбрался через щель.

- Убедился? Она десять лет отработает, если следить будешь. Туда-сюда, на дачу, на рыбалку, и подхалтурить всегда можно на сытный ужин.

- Так я ж не себе – сыну хочу.

- Хороший подарок, отцовский. Он это запомнит. И ещё, думаю, главное в том, что мы, милиционеры, всегда общий язык найдём.

Ивану Петровичу показалось, что это у него внутри как-то потемнело, но нет, действительно – дальше солнышко влипло в лимонное марево приплюснутых к западному горизонту слоистых облаков. И сразу вдоль бетонной стены зашелестели, закачали изнанками листьев осветлившиеся верхушки молоденьких платанов и клёнов.

- Справку от нашего райэксперта я тебе дам, всё как полагается, со всеми печатями. На дорогу хватит. Ты в форме, с корочками – кто тебя потрошить станет? Тем более что и регион ростовский, не чеченский.

- А дома? Как я её на учёт поставлю? – Ветер, метнувшись через дорогу, жёсткой пылью ударил в лицо, и, зажмурившись, он не увидел, как капитан довольно шуруется поверх каски прапорщика.

- Э, ты, дорогой, меня удивляешь! Ты – столько лет в органах, и не найдёшь, как бумагу сделать? Ещё расскажи, что техосмотр на общих основаниях будешь проходить.

- Техосмотр одно, а сверка номеров на МРЕО другое. Я ж видел, как ваши мастера зубилом орудуют, такая порнуха, что и в лупу не нужно заглядывать.

- Ты, наверно, не расслышал, за сколько я тебе её отдаю? За дармовщину-то рисковать всегда приходится.

Зря он так. Иван Петрович понуро покивал, и тем же бочком зашагнул за ворота:

- Прости. Я закрою – не ровён час обход.

- Э! Э... Ты меня прости! Я не то хотел сказать! Прости, брат. Ты только не спеши, не говори сейчас «нет-да», есть время, чтобы подумать. – Хазрат улыбался уже без наглинки, извиняющееся, почти подобострастно. И шёпотом, в прикрываемую щель:

- Э, возьми – настоящая беслановская водка, «Исток», прямо с завода.

Они пару секунд поупирались взаимоупрекающими взглядами. И Иван Петрович сдался: ну, нельзя человеку отказывать два раза.

ДЕНЬ СОРОК ПЯТЫЙ.

- Черкасов, ты, вроде, в разведке служил? – Начштаба Кайгородов в спецназовской разгрузке поверх чёрной майки, на голове зелёный платок, в руке АКС с подствольником – вылитый боевик.

- Так точно! Только, это, я «огневик»: техническая разведка 1140-го дважды Краснознаменного артиллерийского полка 76-й гвардейской воздушно-десантной Черниговской Краснознаменной дивизии. И, ещё, ну, я не участвовал. Я ещё в учебке был, когда наши отсюда вернулись.

- Вольно. Значит так, дружище, скоренько вооружись, только легко – броню и каску не бери, а вот БК полный. Пойдёшь с нами. За черешней.

Славка шипящей ракетой взлетел до кубрика и через минуту уже стоял возле дежурки, сияя почти всеми зубами. Одновременно подошли взводный Малоденко, Серж, Гоша Кулик и Женя-снайпер со своим неразлучным БСК-94 – «бесшумным снайперским комплексом». Причём Женя появился из столовой, что-то счастливо дожёвывая.

Кайгородов оглядел выстроившихся под доской объявлений свой небольшой, но очень даже внушающий уважение отряд, улыбнулся и забормотал доверительно тихим голосом:

- Сейчас сходим за гаражи, пошаримся по огородам, может, чего интересного подметим. Так-то армейцы там прочесали, но наскоро: домишки все поразбиты, растасканы, никто давно не живёт, а вот схроны устраивать очень даже удобно. Вряд ли мы злодеев встретим, но, люди вы опытные, понимаете, что нас там увидеть не должны. Всё, собственно. Мешки под черешню взяли?

- У Жени.

- Отлично. Гоша, у тебя подствольник рабочий? А то у моей «обувки» боёк сколот, может и не пальнуть.

«...Разведывательный патруль выполняет задачи по ведению разведки противника и избегает встречи с ним. Маскировка следов и скрытность действий являются наиболее важными условиями успешных действий. Разведывательный патруль может состоять из командира и 1-4 солдат. Численность патруля должна быть минимальной, так как основными его задачами являются: сбор топографической информации; сбор информации о позициях противника и минных полях; изучение маршрутов и особенностей действий патрулей противника; ведение разведки наблюдением и подслушиванием на путях движения противника и вблизи его баз; разведка маршрутов для своих войск».

Малоденко «калашной» мушкой оттянул верхнюю нитку колючки, вторую прижал ногой. Один за другим они поднырнули в растяг, который потом, пока выскальзывал сам взводный, поддержал Серж. За оградой, по растресканному и проросшему клочками упорной травы асфальту густо ржавели разбросанные пустые консервные банки – ночью бесшумно не проскочить. Первыми в кусты вошли Кайгородов и Серж. Отпустив их метров на двадцать, осторожной цепочкой под кроны покрытых крохотными завязями яблоневых дичков втянулись Малоденко, Женя и Славка. Гоша замыкал.

«Передвигаясь в составе группы, целесообразно выдерживать расстояние между разведчиками 5-6 м (8-12 шагов) для уменьшения риска огневого поражения. Каждый должен знать порядок действий в критических ситуациях и постоянно наблюдать за остальными и за командиром.

Оружие постоянно готово к применению (приклад примкнут, патрон в патроннике, оружие на предохранителе) и переносится в положении, обеспечивающем быстрое применение. Последний боец должен вести наблюдение в тыл и при занятии патрулем положения для отражения нападения или на остановке прикрывает тыл, но каждый должен постоянно "крутить" головой на 360 градусов, что позволяет видеть командира, других бойцов и обнаруживать возможные позиции противника».

Так и двигались: первая пара прокладывала маршрут, слегка расходясь, осматривалась и замирала, пока подтягивалась основная группа. Появлялся замыкающий, давал отмашку на новый переход. Классика! Всё как учили. Из-за этого «как учили» Славка никак не мог избавиться от распиравшего майку щенячьего восторга, и только прятал дурацкую улыбку: «Черкасов, ты, вроде, в разведке служил»? – «Так точно!» – Служил и служу! И хочу служить! Очень хочу!

Экономными галсами обходя часто нарощие стволы лип, буков, клёнов и орешника, мимо фундаментов-руин каких-то бывших заводских строений – цехов или больших складов – растащенных местными по блокам и кирпичам, мимо затянутых мелкой, но злющей крапивой гарей и осыпавшихся авиаворонков, они выбрались к рядам заброшенных «капитальных» гаражей. Большая часть железных ворот давно стащена, какие-то просто искорёжены мародёрами, крыши и стены там и сям зубятся дырами от поработавшей сюда «шилки», один из неразорвавшихся снарядов которой так и остался торчать из земли ушами-стабилизаторами. Но некоторые из уцелевших гаражей заперты на замки или привалены стопками кирпичей. Малоденко тенью проскользнул до дальнего края ряда, присел под кустом на одно колено. Дал отмашку. Гоша остался контролировать этот угол, а они, по двое на каждую сторону, начали осмотр.

«Разведку населенного пункта городского типа целесообразно вести двумя парами дозорных. Двигаясь с небольшим интервалом на одном уровне по разным сторонам улицы, пары ведут наблюдение, прикрывая друг друга. При осмотре строений изнутри старший дозорный остается снаружи, находясь в готовности оказать помощь дозорным и поддерживая зрительную связь с командиром. Дозорные, осматривая строение изнутри, входную дверь обязательно оставляют открытой».

Убедившись, что на воротах поверху не оставлен «сюрпрайс» с вынутой чекой, освобождали узкую щель, заглядывали внутрь – нет ли растяжки за? Оттянув створу пошире,

кто-то один проныривал в гараж для подробного осмотра, второй отходил в сторону, на случай, если ж всё-таки... не дай Бог.

Прошарив одну гаражную «улицу», перешли ко второй. Тут тоже ничего интересного не встречалось: вёдра и бочки – пустые или с нефтяным сырцом, фрагменты перегонных аппаратов, стопки разворованных кирпичей и кафельных плиток, сломанные стиралки, разобранные велосипеды, попорченная мебелишка. В двух местах нашли что-то вроде лежбищ – бомжей, наверное. Перепачканные пылью и ржавчиной они уже заканчивали, когда Малоденко тихонько цыкнул и поднял два пальца. И исчез. Славка, присев, гусиными шажками отступил в гараж, где Кайгородов пытался отжать уголок здорового несгораемого шкафа. Увидев втискивающего спиной, как рак, Славку, начштаба перехватил автомат, сдвинул флажок с предохранителя.

- Что там? – Вопрос беззвучен, одними губами.

- Взводный дал на двоих.

Они присели на корточки в углы ворот, направив стволы на слишком соблазнительно приоткрытую щель. Полуденная солнечная ярость глубоко прорезала мутный сумрак, искрящиеся пылинки резвились в водоворотах вливающегося света, и от их вида у Славки жутко щекотало в носу. Он уже собрался щипнуть себя, когда услышал голоса.

Перебивая друг друга горским фальцетом, к ним быстро приближались два ... старика?.. подростка? Повизгивают, как поросята, на слух хрен что определишь. Промелькнула одна тень... вторая же, ополовинив световой столб, задержалась: чехи остановились прямо напротив гаража и замолчали. В наступившей абсолютной, идеальной, вселенской тишине под подошвами стоящих перед воротами поскрипывали-похрустывали раскалённые добела песчинки, тонко жужжала над розовым грамафончиком оплетшего створы вьюнка малюсенькая цветочная муха, царапала кирпичную кладку перевесившаяся кленовая ветка. Что делать-то? Если полезут? Валить?.. А если гранату скинут?

«Захват противника в плен с помощью удушения локтевым сгибом: сзади левой рукой зажать противнику рот и нос, и, запрокидывая ему голову назад, правой стопой толкнуть его в подколенный сгиб. В это же время горло противника обхватить правой рукой так, чтобы локоть оказался под его подбородком, и провести удушение локтевым сгибом. Для усиления приема надо левую руку наложить на запястье правой руки, а противника взвалить себе на спину либо усадить на землю».

Мгновенно замокший Славка бездыханно смотрел на чуть белеющие напротив лицо и руки начштаба, готовясь с отставанием в сотую долю секунды повторить, зеркально воспроизвести любое его действие. Чехи опять что-то загнусавили. Вслед за Кайгородовым Славка медленно-медленно перенёс тяжесть на носки, готовясь к прыжку, высвободил из-под автоматного ремня правую руку, погладил, примеряясь к рукояти ножа – в таком ограниченном пространстве не постреляешь. Шаг... второй.... Из-за солнечной занавеси показались чёрные пальцы, зацепившись за край створы, качком потянули. Ещё и ещё. Осевшие ворота не поддавались, и в проём вдавилось носатое безбородое лицо, ослеплено хлопающее глазами. Подросток! Просто подросток!

Продолжая повизгивать, молодые нохчи завернули за угол, и из укрытий бесплотными джинами проявились разведчики.

Бетонная труба водонапорной башни вонзалась в небо рваной розеткой застывшего разрыва ракеты или бомбы. Какое точное попадание – могут же наши, когда захотят – наверняка на ней был вражий наблюдательный пункт. Под башней сквозь остролистые заросли одичавшей сливы дыбились обломки бетона с торчащей арматурой, а вокруг собранные из разной натасканной с развалин дряни заплатанные заборы делили обширные посадки грецкого ореха на несколько участков по три-четыре сотки. Справа, сквозь высоченную сирень совершенно неожиданно пробеливала речная беседка, сплошь перевитая тёмными виноградными лозами. Надо же, какая красота! Такое только в кино видеть приходилось. Но вблизи лиричность решётчатой сени портилась вытопанной травой,

множеством окурков и пивных банок. Местные «мичуринские сады» с молодёжной тусовкой? Ага, вот и использованные шприцы.

«При осмотре населенного пункта следует обращать внимание на кусты, деревья, отдельные строения, глубокие канавы, овраги на окраинах, где противник может располагать подразделения охранения, а также на крыши, чердаки окна высоких зданий, фабричные трубы, откуда он может вести наблюдение. В зданиях, подготовленных для обороны или занятых наблюдателями противника, обычно не наблюдается признаков жизни и создается впечатление, что там никого нет, но именно эта пустота должна насторожить разведчиков».

Позаглядывая за заборы, вновь сошлись к башне. Малоденко мимо дверного проёма осторожно втиснулся внутрь через низкий боковой пролом. Славка заглянул за ним: перегнившая труха обрушившихся перекрытий поросла высокой, бледной от нехватки солнца, крапивой, вдоль стены остатки сварной лестницы ржавой спиралью вели наверх, на широко проломанный посередине пол верхнего этажа, где на четыре стороны глазели полукруглые пустоты окон. А база-то оттуда неплохо наблюдается!

Мусорные кучи – а чего внизу только нет, даже тёмно-бордовая детская коляска, с последним жёлтым колёсиком и широкая трамплинная лыжа – сплошь прокраплены птичьими метками: под бетонным козырьком-опояской, на который когда-то опирался водяной бак, как древесные грибы-трутовики, плотно лепились гнёзда ласточек. Синее-синее небо в бетонной розе часто крестилось и щебетало пролетающими короткими росчерками, но внутрь чёрные с алым горлом птицы влетали молча, здесь звучали лишь бубенчики вывешивающихся с гнёзд желторотых попрошаек.

- Куда засмотрелся? Не отвлекаться! – Лёгкий толчок в плечо вернул Славку из пионерлагеря, где он мог часами сидеть возле подстанции, наблюдая за завораживающей ловкостью неподражаемых в своей королевской красоте охотников на комаров.

Из-за серого забора, жидко поросшего плётками одичавшего винограда, острыми листиками выглядывала густо отяжелённая красными бусинами черешня. Серж подсел и с него в сад попрыгали Малоденко, Женя и Гоша. Капитан Кайгородов и Славка остались «на шухере». Стоя спиной друг к другу, обсасывали до косточек перевесившиеся наружу мягкие уже тёмные ягоды, сплёвывая подальше в стороны.

- Там, за поворотом, улица уже жилая. Кстати, если не ошибаюсь, четвёртый или пятый дом по правую руку – Идигов живёт, Хазрат, капитан с автовокзальной милиции. У него ворота красные. У всех синие, а у него ярко красные. Как носки у папы римского. Так что, начальника издалека видно.

Возвращаться всегда быстрее.

- Мы раньше Фитиля с собой брали. Но он, сволочь, уже учёный, за так не бежит.

- Куда «не бежит»?

- А, бывало, бросишь вперёд палку, он и мчит во весь опор. Зацепит проволочку и не заметит – лохматый же. Так что метров на десять успевает проскочить, пока граната грохнет. Только завизжит от страха. Четыре или пять растяжек снял, теперь контуженный напрочь, глухой. И умный – больше ни в какую наперёд не хочет. Мол, ветеран, сын Полкана.

Подныривая под колючку, осторожно передавали друг другу переполненные пакеты с черешней. Растрескавшийся, узорно проросший одуванчиками и кашками асфальтный двор встречал блажащей расслабухой. Эх, как хорошо же «дома», можно и развьючиться, и вздохнуть-потянуться. Славка скинул разгрузку и от переизбытка чувств прошёлся колесом – во как!

- Черкас, а покажи-ка ножичек. Это «Аллигатор», что ли?

- «Аллигатор-2».

- С орехом. Красиво жить не запретишь. И чего ты с ним умеешь?

- Ну, а что нужно уметь?

- Теорию знаешь? Или сразу практику изучали?

- Изучали, всё изучали.

- А ткни меня. Ткни, не робей.

Славка оглянулся на как-то враз напряжённо прищурившиеся, словно по какому-то приказу мгновенно похолодевшие лица омоновцев. И даже Кайгородов тоже не благодунничал, хмуро отступил, и, обнимая рыхлые пакеты с «трофеями», даже слегка отвернулся – мол, ни при делах, разбирайтесь сами. Гоша, не отпуская Славку глазами, медленно положил автомат, выпрямился:

- Давай-давай, покажи, чему там нынче в «Войсках Дяди Васи» учат. Всё тому же «стилю крупных мужчин» – «повалить и утоптать»?

Славка помял пальцами деревянную рукоять, не зная, каким хватом атаковать – «прямым», с острием клинка вверх от большого пальца, или «обратным» – от мизинца острием вниз. Чему, спрашиваете, учили? А тому, что существует *«три главных принципа работы ножом – скорость, точность и простота»*.

Первый выпад пробный, «понарошку» – но, сдёрнутый за рукав, Славка очень даже всерьёз пролетел мимо, едва не «запахав» носом землю. Второй! – Гоша чуть-чуть отклонился с линии атаки и чувствительно встретил тычком под мышку. Ах, так! Теперь Славка широко резанул воздух около Гошиного лица, а когда тот опять попытался прихватить рукав, резко согнул руку и дернул на себя. Однако захваченный в локтевой сгиб за кисть, Гоша не стал вырываться, а податливо, по ходу рывка, крутнулся, и Славка поймал на шее, под затылок, славный «ура-маваси-гери»! Аж искры брызнули. Гоша, покачав на ладони его «аллигатор», оглянулся и послал нож в стоявший в метрах десяти столб. Хороший нож Аллигатор-2!

- Сам видишь, какая ошибка: ты действуешь не от обстоятельств, а от представления, от надуманности. Это неправильно: ты будь готов, просто всегда готов ко всему. А когда это случится, тогда всё равно думать будет некогда, и тело само сработает, без головы.

- Не сильно, дружище, больно? – Кайгородов опять как родной. Да и остальные такие тёплые и пушистые.

- Не. Нормально.

- Ребятишки, а зачем спецназу крутой нож?

- Крутой нож спецназу нужен, чтобы в любых условиях быстро-быстро, тихо-тихо и тонко-тонко колбаску нарезать!

- А потом и в зубах поковырять.

- И больше он ничем от гвоздя не отличается.

В умывалке Славка дождался, пока Кайгородов уложит в прозрачную сумочку пасту, щётку, лезвие и мыльницу.

- Товарищ капитан, у меня вопрос. Личный. Можно?

- Конечно, дружище, можно. Ну, какая проблема?

- Нет, не проблема, просьба. А как бы к вам в ОМОН перейти? Нравится мне у вас, очень. И атмосфера, и отношения товарищеские, и то, что спорту столько внимания. А, главное, служба, ну, с повышенной ответственностью, мужская. Короче, всё нравится!

- Да, это ты прав, ОМОН – это ОМОН. Тут тебя не сдадут, лишь бы ты тоже не сдавал. А, вообще, как в органы-то пришёл?

- Чтобы на юридический поступить. Следователем хочу стать, по серьёзным делам. Так, ведь, учиться-то, всё равно, заочно придётся – мать одна. И... жениться решил. То есть, я, получается, уже как бы женился, мы даже в церкви повенчались, расписаться только не успели – очередь. Но, как вернусь, так сразу и оформим всё официально.

- Что ж, дружище, мыслишь ты очень даже правильно: учиться нужно обязательно, у нас и здесь девять человек студенты. Я сам, вот, даже во второе высшее замахиваюсь. Правда, не решил пока куда. Ну, а на свадьбу-то пригласишь?

- Весь отряд!

- Тогда по окончании командировки подавай рапорт.

ТОТ ЖЕ ВЕЧЕР.

- И как настроение? Муж пишет?

- Да замечательно всё, втянулись, даже дни уже не считаем.

Людмила, следовательно из Железнодорожного, откинула со лба тыльной стороной ладони выбеленную прядь, и в ответ тоже улыбнулась, но только жалобно:

- Товарищ командир, а как бы по городу проехаться? А то все шесть месяцев проторчим у плиты, что потом дома рассказывать? Хотя бы до магазина прогуляться.

- Что ж, можно что-нибудь придумать.

- «Придумать» в смысле – «проехаться»?

- «Придумать» в смысле – «рассказывать». Дома. Что-либо о героизме и подвигах, которые всегда имеют место и время для настоящих бойцов.

- Не честно. Не хорошо.

- Ладно, ладно, обязательно прокатим. Посмотрите и на город, и на чеченцев, и на магазины, так что порасскажете.

- А когда?

- Скоро. – Гусев как всегда улыбнулся неразжимаемыми губами и, уже отворачиваясь, повторил. – Скоро. И, главное, обязательно.

- Товарищ командир, а если что, я и в разведку могу.

- Запомню!

Людмила опять отмахнула непослушную прядь и засмотрелась в спину майору. Спohватившись, заскоблила лопаточкой мигом прихвотившийся к раскалённой сковороде чернеющий в коричневых пузырях лук – ну, вот, на секунду отвлекись! Теперь придётся пережаривать.

Дежурили они со Светланой, совсем ещё молоденькой девчонкой из «конвойки», в очередь – сутки на сутки. Это получалось с пяти утра до часа ночи: дважды подходили «нарядники», помогали с водой, картошкой, мясом, нарезкой и прочим укропом-луком, мыли полы, плиты, столы, баки, перетаскивали тяжести; трижды столовая заполнялась гремящим, жующим, молчащим или говоряще-хохочущим личным составом; между всем четыре-пять раз выпадали получасовые перекуры, когда можно было наскоро принять душ, погулять «на воздухе» или же чуток поваляться в кубрике. На ночь заготовка завтрака для караульных, и, совершенно на ватных ногах – по лестнице в комнату. Отбой. А свободный день начинался поздно, после не столь восстанавливающего, сколько изнуряющего духотой сна: хотя они договаривались, что уходящая на смену открывает светомаскировку, но утренний воздух прогревался слишком быстро, и в подпотолочную щель, вместе с шуршанием листвы, чириканьем и пересвистом, опять заливалась липко-жёлтая жара. Так что оторвать голову от пропечённой подушки получалось никак не раньше полудня.

В свои двадцать девять Людмила впервые очутилась так далеко, да тем более, на почти сказочном Кавказе. Школа, институт, служба. Уж как-то так сложилось, что по окончанию истфака педагогического, папина двоюродная сестра уговорила вместо школы пойти в детскую комнату милиции – мол, не такая рутина, как с тетрадками, а, главное, в органах жильё можно скорее выслужить. С жильём, правда, вышла накладка – Горбачёв уже сдавал дела Ельцину. Да и про «меньшую» рутину тоже обещано было смело. Но, когда Людмила впервые увидела своё отражение в форме, она разом поняла другое, важное: вот, оказывается, для чего она росла такая. Такая не «такая»: от детсада и до окончания школы дружила исключительно с мальчишками, всегда коротко остриженная, бегала с ними по гаражам и подвалам, прыгая с крыш в сугробы, первой из одноклассниц начала курить, а потом в институте записалась в секцию дзюдо, добившись первого разряда, а ещё закончила курсы водителей на В и С! Гимнастёрка, китель с маленькими, по плечу, погонами, пилотка с кантиком – в старом трюмо детство и юность «неправильной» девочки обрели свой таймый до срока смысл.

А что не по-маминому, ну это....

- Ну, чему ты можешь чужих детей учить, если сама своей семьи не имеешь? О чём ты думаешь? О ком? О каком принце?..

«Тик-так, ходики, пролетают годики...». В какой-то момент на сотый раз услышанный пощёк оказался последним, и Людмила ушла. Снятая комната на подселении с тоже молодыми, но уже родившими двух бегающее-ползающих близняшек, шофёром и маляршей автобазы, вряд ли можно было считать своей крепостью, но... «жизнь не сахар и не мёд...» если, действительно, «никто замуж не берёт». Зубастая песенка злорадно цепляла за самое больное, вытаскивая в ночь то, что старательно пряталось днём. Тик-так. И не принц, и ни барон.... Не сапожник, ни портной.... Тик-так. Ни-кто, ни-ко-го.... Прошло-пролетело пять лет постыдно лгучей, от начала безнадёжной связи студентки-спортсменки-послушницы и преподавателя, тренера и гуру. Пять лет прятаний, урывков и самооговариваний. С неизбежным прощальным скандалом и прочей истеричной грязью, отличающей сильных, но трусоватых стареющих мужиков. И наступило откровенное одиночество упустившей свою пору «старой девы». Со всеми сопутствующими редкими встречами, надуманными надеждами, философскими разочарованиями. И новыми встречами, надеждами.... «Тик-так, ходики...».

А «меньшая рутина» разворачивалась в круговую панораму массовой деградации безработных окраин гигантского, изначально-промышленного и поэтому напрочь обесмысленного перестройкой города. Каждый день, каждое дело вскрывали всё новые и новые факты человеческого падения: алкоголики и тунеядцы родители, матери-наркоманки и садисты-отцы, сутенёры, насильники, просто ублюдки без чувств или психопаты на каких-то остатках забытых и забытых природных инстинктов рожали совершенно ненужных им детей, обрекая новоявленных малюток-воров и проституток на невыносимые для нормального человеческого сознания пытки голодом, холодом, побоями, туберкулёзом, сифилисом, наркотическими ломками. Уродство рожало уродство, и, казалось бы, о чём речь: рассечь, немедля разъять, развести по сторонам, чтобы прекратить это воспроизводство и разрастание порока! Но эти же самые искорёженные, изорванные в клочья, но неистребимые инстинкты странно, в противлении разуму, продолжали стягивать узы этих «семей» – и вдруг вспоминающие о брошенных неделю или месяц назад грудничках, на какой-то миг протрезвевшие матери бились в истериках от короткого, но искреннего раскаянья, и из этой же внезапной вспышки стыда и тоски урки-отцы резали вены и вешались в камерах, а их чуть подлеченные от побоев малыши упорно бежали из чистых и сытных приютов назад, в грязно-холодные и голодные бараки и полуподвалы – «домой, хочу домой!» Неразрешимая шарада, нераспутываемый клубок боли, ужаса и сердечной тяги....

«Лишение родительских прав»... «привлечение к уголовной ответственности»... «направление в детдом»... «психиатрическая экспертиза»... «исправительная колония для несовершеннолетних»... «принудительное лечение».... То и дело Людмила вглядывалась в отражение, пытая – а разве сама она не теряет веру в тот самый инстинктивный зов любить и быть любимой?

«...пролетают годики...»

Проводя дело очередного своего подопечного, которому, не смотря на едва стукнувшие четырнадцать, общество готовило, в общем-то, заслуженные нары и баланду, Людмила оказалась в кабинете следователя РОВД «железки», в чьей разработке находилась серия квартирных краж. Войдя в кисло прокуренную дешёвым папиросным табаком, узкую и ослепляющее светлую от окна во всю дальнюю стену, комнату, Людмила укололась о жёсткий прищур сухой, как миляровский кощей, чёрно-смуглой в облачке мелкой серебристо-седой химки, старухи. Поздоровавшись, присела бочком к столу, начала выкладывать бумаги и озвучивать заготовленные заранее доводы в пользу малолетнего «фигуранта». Старуха, продолжая колоть поверх железной оправы прищурами, перебирала шишковатыми, увешенными узорно-огромными серебряными перстнями, табачно-жёлтыми пальцами справки, характеристики и прошения. Изредка задавала вопросы короткими хриловатыми фразами, выслушивая ответы с какой-то, как показалось, брезгливостью. Людмила от этой демонстрируемой недоброжелательности, было, оробела, но, когда ей

совсем уж просто, слишком однозначно указали ненужность её стараний, неожиданно взорвалась. Ну, нельзя же так – всех под одну гребёнку, нужно же учитывать обстоятельства! А если это как раз тот единственный на тысячу случай, когда можно хоть немного отступить от профессиональных шор! Да, мальчишка воровал, но воровал, чтобы кормить двух своих сестрёнок: отцы по зонам, а мать уже полгода в розыске! Какой толк садить? Что в нём колония сможет исправить? Она только закрепит – ведь он пойдёт как вор, уже по блатной масти. А нужно только-то, что пристроить детей под надзор.... На ломающийся Людмилиин голос старуха скрипела с явным злорадством:

- Посмотрю я: будешь ли ты через полгода такой же гуманной, когда твой Робин Гуд ещё десяток инвалидов и матерей-одиночек обворует. Сама знаешь, как шпана беззащитных щиплет.

- Это всё отговорки. А вот точно: насколько можно, настолько нужно продолжать проводить воспитательную работу.

- Значит, «отговорки»?

- Значит.

- И ты будешь настаивать, что «он хороший»?

- Буду.

Низко повисла пауза, в которой даже как будто похолодало. И вдруг:

- Ладно. Тогда сойдёмся на следующем: я переквалифицирую твоего придурка в свидетели, а ты переходишь к нам – на деле проверить свой настойчивый гуманизм.

- Но...

- Вот когда ткнёшься носом в собственную... кучу, когда утрёшь слёзки у тех, кого твои «хорошие» ограбят и изнасилуют, тогда и посмотрим. Давай, пиши рапорт – я из тебя сама следака буду делать. – И добавила-прихлопнула своё знаменитое на полвека:

- Не трусь, Марусь, ведь я Дубровская.

Людмила уже год занимала кабинет, освободившийся после поводов на пенсию своей легендарной учительницы, даже успела по-новому переоформить его панелями «под бук», сменив почти уже антикварную мебель, оставив на память лишь повывавший всякого стол, когда через порог робко, так же, как когда-то она сама, переступил высокий, какой-то солнечно пушистый, до воздушной прозрачности тщедушный стажёр.

Это был принц.

Ну, и что из того, что Игорёк на шесть лет младше, что он из Тальменки и рыжий? Она-то сразу поняла, что он – принц!

Молодожёны решили, что по разу съездят в «командировки», внесут первый вклад на ипотеку, и дальше уже смогут выплачивать за жильё из жалований. Первой в Чечню отправилась Людмила – ей-то не рисковать, отработает на пищеблоке, и заодно всё посмотрит – что да как? Хотя, конечно же, подруги оказались тут как тут – мол, как пить дать, она его потеряет, это, мол, баба может полгода ждать, а мужик по любому «уведётся». Но она-то знала, что Игорёк не «любой». Потому... потому, что она это знала только одна – он принц. А теперь и вовсе успокоилась: здесь оказалось совсем не так страшно, как представлялось. Войны нет, и, если выполнять все уставные требования, то не опасней, чем дома, с родными бандитами. Главное – дисциплина и аккуратность. А Игорёк у неё очень даже дисциплинированный.

Золотистые квадратики лука расплылись по поверхности докипающего рассольника. Смотря из-за стойки на сидящих за длинными столами одинаково обритых, одинаково загоревших бойцов, Людмила, не особо вслушиваясь, уже наверняка знала: кто, с кем и о чём сейчас говорит. Молодые, стайно кучкуясь у окон, подтрунивали над поочередно избираемой из своего же круга жертвой, и, засиживаясь до последнего, щедро делились, как всегда молодым кажется, таким уже богатым жизненным опытом. Старшие омововцы, из повоевавших, садились по двое-трое и держались степенно, двигаясь нарочито неспешно,

изредка переключаясь «со своими» шифрованными недоговорками, только посвящённым понятными полужестами, полунамёками. Офицеры вообще молчали.

А ещё их со Светланой окружала особая, плотно-услужливая вежливость, ну, прямо как в сказке про семерых богатырей. Всё подчёркнуто по-братски, и лишь чуть-чуть флирта, по самой грани заметного: вокруг пищеблока всегда толклись, вытанцовывая ритуальными кругами, как женихи-комарики над вечерней кочкой, многочисленные добровольные помощники. Но так, чтобы кто пристал или предложил чего – нет, такого не было. Пока не было. Комарики, они ж не нападают, они только приманивают самок.

ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ.

Слабенький с утра, часам к десяти поток машин заполняет воздух над перекрёстком рёвом, выхлопами и пылью. Все с поводом и без повода перегазовывают, сигналият, разворачиваются только с тормозным визгом, подрезая и обгоняя справа, смело прыгают по колдобинам и ямам.... КАМАЗы, ЗИЛы, Газели... Сирены, сигналы... Жигули, волги.... Самые джигиты из джигитов вырывают по остаткам тротуаров....

«В Ставропольском крае, Степной район, совершено разбойное нападение. Похищена отара овец в кол-ве 1100 голов. Подозреваемые скрылись на 5-ти КАМАЗах и а/м ВАЗ-21099»... «Активизировать досмотр автотранспорта и граждан проходящих через КПП. Во время досмотра автотранспорта и граждан соблюдать меры личной безопасности»....

Сирены, сигналы, перегазовки и визг тормозов.... Солнце выжелтило всё небо, асфальт размяк, бронник как сковородка или вафельница, каска – скороварка. Ребята выливают прямо за ворот двухлитровую бутылку воды, но через пять минут уже совершенно сухие. *«Исключить формализм.... Проводить более тщательный досмотр автотранспорта и лиц, находящихся в нём...».* Сотни досмотров и три-пять протоколов на день. Не густо. Хоть и не пусто.

С каждым днём нехорошее предчувствие вязко облепляло майора Гусева, всё плотнее обжимая плечи, давя в затылок. Впрочем, это нормально для военного человека. Даже, может быть, это и есть основной признак правильно выбранной профессии: бояться заранее, загодя, до того, как «это» должно произойти. Что «это»? А чья-то кровь и смерть. Двенадцать лет в ОМОНе, да из них десять Кавказских, закрепили проклятую необманивающую интуицию офицера страшным опытом «двухсотых» с непереносимыми вопросами матерей, криками вдов и глазами сирот. Поэтому Гусев суеверно благодарил судьбу за фору – за это мучительное время предчувствий, которое отпускалось ему на разгадывание заготовленного судьбою же ребуса. И если хватало логики, и он успевал просчитать направленность развития ситуации, то – бывало! бывало же! – ничего и не случилось. За неразгадку же приходилось платить всегда. Собой или кем-то.

То, что ночной обстрел был не идиотской вылазкой с целью поугубить, это яснее ясного. Разведка боем? Да, десяток рассыпанных по зелёнке автоматчиков прикрывали выпускаемые почти наугад, для шороху, миномётные залпы. Да и снайпера обстреливали омовские огневые точки со слишком большого для какой-либо результативности расстояния. Для реальных-то результатов чехам удобней было б атаковать базу со стороны старых гаражей, только оттуда, при наличии достаточного перевеса, можно в несколько минут вывести огнёмётчиков вплотную к зданию и зажечь оконные одеяла-светомаскировки. И вот тогда-то отряду гарантирован всеобщий братский копец. Никакие фугасы не остановят.

Так что же они готовят? Сколько на смену прибыло сибиряков, им известно с первого дня: поимённый список отряда «духи» наверняка получили с момента его подачи в райотдел, караулы тоже отследили, и теперь вот «срисовали» план обороны.

«...соблюдать меры личной безопасности».... Это-то обязательно. Если ещё год назад, когда на ОКПМ из-за скапливающихся очередей для досмотра вспыхивали излишние страсти, базировавшимся рядом армейцам достаточно было выставить пару-тройку гранатомётчиков или просто повертеть над особо нервными пушкой, чтобы джигиты

мгновенно успокаивались, то теперь русские в каждом споре вынуждены считать свои и чужие головы. Аргумент простой: кого больше? И всё чаще решали «...избегать конфликтов, не отвечая на провокации». Когда большие фуражки приняли решение о выводе вэвэшников из города, черти, кажется, даже не сразу поверили в такой подарок: не прикрываемые армейской бронетехникой и достаточным количеством солдатиков, милицейские КП, из реальной федеральной силы в на время придавленном девяносто девятым годом разбойничьем гнезде разом превратились в пункты декоративного присутствия. Город буквально на глазах набухал легализующимися после бесчисленных амнистий бандитами и убийцами. Главное, черти почувствовали моральный перевес, перестали бояться. И хотя изолированные друг от друга, оставленные армией, Российские ОМОНЫ и СОБРы своей редющей сетью ещё пока продолжали выхватывать членов «бандформирований» и «бандподполий», но чаще довольствовались простыми гопстопниками и ворами.

«...меры личной безопасности»... В какую-то из предыдущих смен ребята крупно написали на стене над блокпостом «ОМОН – НЕПОБЕДИМ!», но сегодня это уже не предупреждение врагу, это уже заклинание для себя. Что для чертей вывести на атаку полтысячи стволов? Раз свистнуть. И тогда любому ОМОНу жизни на два часа, и никакая помощь не подоспеет: у комендатуры своих сил не хватит, а Ханкала для начала должна будет проверить достоверность сигнала, а уж потом, по результатам авиаразведки, штаб сможет принять решение об адекватности ответных действий...

«...личной безопасности»... Вот как коровы прошли сквозь заграждение? Это вовсе не шутка. Особенно напрягло то, что никто из местных не спохватился. Якобы не спохватился.

Когда, когда это должно случиться? И что?.. ОКПМ: двести на триста метров – маленький островок, форпост Русского мира, Русского правопорядка, во всё густеющем, всё напирющем море безвластия и беззакония, с каждым днём всё больше дуреющем от безнаказанности.

И Хазрат не зря кружит, халвой липнет то к одному, то к другому, ищет слабое звено. Ребята пробили по компу: Идигов Хазрат Саид-Эминович был боевиком в банде у Шамаева, когда тот 6 октября 1991 года штурмовал здание КГБ республики, с 95-го активно «духарил» по горам вдоль Дагестанской границы, а в 1999-м «добровольно» сдался из отряда Ширвани Басаева, выложив кривой АК и музейный маузер. Богатый, чёрт: буквально из-под амнистии сразу же попал в органы, а вот теперь купил очень даже солидное место замначальника отделения на автовокзале. У него там и пара киосков, и магазинчик напротив под присмотром. В прошлую смену попытался выйти и на кого-нибудь из офицеров, предлагая по дешёвке две угнанные «десятки». Обжётся, и теперь щупает прикомандированных.

«...Похищен Мурцихамов Аюп Мушиевич 1971 г.р.. Похищен на 2-х а/м ВАЗ-2106 белого цвета, у одного а/м г/н 629...».

«...В 16-10 с улицы Плановая 29 был похищен Измаилов Абдул Харжлевич 1980 г.р.. Одет: белая футболка, спортивные брюки бирюзового цвета. похитители были в камуфлированной форме с авт. оружием на двух авт/моб.: иномарка белого цвета г/н 935 и ВАЗ-21099 серебристого цвета г/н 962...».

«...На ул. Никитина 3были похищены двое: гр. Мордамигнов Ибрагим Хасанович, 83 г.р. и Можалиев Исламбек. Похитители были на 2-х а/м: УАЗ белого цвета без г/н и ВАЗ 2107 белого цвета без г/н. похитители были в камуфлированной форме, масках, с авт. оружием. Похитителей было около 10 человек...».

«...А/м БМВ чёрного цвета, трое вооружённых преступников в камуфлированной одежде, один с бородой. В г. Шали похищена девушка, движутся в г. Грозный...».

«Похищен... похищена...». Подойди к любому, самому что ни на есть «мирному», «цивилизованному» и «профедеральному» чеху и быстро прошепчи: «Есть раб». И получишь автоматический ответ: «Почём»? Это после, через секунду нохчо сообразит, заволнуется, что его, возможно, разводят. Но вначале – цена раба.

«Мурцихамов... Измаилов... Мордамигнов...». Это ж все чехи, то есть – свои своих.

Да какие они, к чёрту, меж собой «свои»?! Свои чеченцы только внутри рода-тейпа, а вне родни человека тут просто не существует. Здесь нравственно лишь то, что приносит благо тейпу, безотносительно всего остального мира: чеченец «прав» – отчаянно защищая честь девушки своего рода и спокойно развращая или насилая «инородку», «прав» – с почтением относясь к своей матери и тут же пробивая кастетом голову «чужой» старухи. Вынутый из своего тейпа-муравейника, чечен мгновенно погибает, ибо он, точно так же, как муравей, не способен в одиночку видеть, понимать, принимать решения. А вот отношения меж тейпами уже ничем не отличаются от отношений уголовных «бригад» и «общаков» – нагреть или подставить конкурентов, убить, ограбить или, вот – выкрасть и продать в рабство любого, оказавшегося без защиты родственничков – дело обычное. И при чём тут «братья-вайнахи» и прочая кинжально-папаховая ичкерийская показуха? За ящик консервов и пару одеял сосед на соседа настучит с удовольствием. Правда, если будет точно уверен, что русские его не сдадут.

Из всего исключением в памяти зарубился командир чеченского ОМОНа Мусса Газимагамадов. Похоже, он искренне верил в Россию. За что и убит.

«...Для совершения диверсионно-террористического акта активными членами бандподполья подготовлена террористка-смертница и а/м, начинённый в-в. вероятное направление движения террористки Ачхой-Мартановский р-н., Урус-Мартановский р-н., н.п. Асиновская, н.п. Шали, г. Грозный, г. Аргун, г. Гудермес».

А что «шахидки»? Эти «матери», рвущие в куски других матерей вместе с детьми?

Телевизионщики вылепили красивую легенду о мести молоденьких вдов за погибших мужей. За любимых мужей. Да только какую-то такую «любовь» можно хотя бы заподозрить в неграмотном, неразвитом сознании пятнадцатилетней девочки, отданной замуж решением родителей, и потом до старости не смеющей даже поднять глаза, а не то, чтобы открыть рот, если её не спрашивают? Да из всех чувств это полудикое, забитое создание знает только страх. Страх не угодить своему мужу-хозяину, ужас чем-либо провиниться в его глазах или в глазах его родственников, кошмар оказаться на пару-тройку лет бесплодной – тогда её просто вышвырнут на улицу, лишив детей и всякого будущего, кроме прислуживания за хлеб или проституции. Нет, тейповое сознание рачительно: женщина – это, прежде всего, воспроизводящая матка, а вдова – обуза, и её, уже не «приносящую пользу», просто применяют в последний раз. Пояс «шахидки» и взрыватель в руке – отправленная тейпом-«бригадой» к кафе или на концерт, она знает только одно: «после» её детям и родителям выделяют долю от «общака». А если откажется – их ждёт голодная смерть или то же рабство.

Гусев включил и выключил видик, по ползущим титрам так и не поняв, какой фильм начинался или заканчивался, и опять заметался по крохотному кубику, растирая деревенеющую шею. Пойти, разве, подёргать железо? Мягкими шажками пересёк длинный зигзаг полутёмного коридора, возле разошедшейся филёнчатой двери с картонной табличкой «Спортклуб КАБАН» и соответствующим рисунком бородатого поросё в «сфере» и бронежилете, остановился, прислушался: через щели, вместе с настоем пота, выбивались скрип турника, звяканье штанги и гантелей, вкусное хаканье и хуканье, вперемежку со вспышками развесёлого гогота. Тема для шуток одна – половое воздержание. Ну-ну, пусть хоть так разряжаются, если помогает.

Ещё головная боль: из его тридцати трёх омовцев настоящих, проверенных ветеранов, с опытом в пару-тройку командировок, да с реальными боестолкновениями – пятнадцать человек. Это с офицерами. Из приданных, если не считать, – а лучше бы не считать! – «солдата удачи» Воеводу и малоуправляемого Рифата Амирханова, ещё трое побывали на Кавказе в срочную, но не в деле. И две барышни-поварихи.... Любой непроверенный новичок – это всегда риск: в девяноста восьми случаях из ста потери личного состава связаны с нарушением устава, ослаблением дисциплины, утратой бдительности. И это не теория. Практика.

«Исключить формализм... избежать любых конфликтов...».

Каждое утро и вечер, на построениях Гусев с нарастающей тревогой всматривался в лица подчинённых: в жёстко ограниченном квадрате относительной безопасности отряд на втором месяце, словно тенью, стало накрывать тоскливым раздражением. Особенно те, кто впервые оказался в командировке, кто ещё не умел эмоционально не тратиться на первых же метрах полугодичного «марафона», начали то и дело заводиться на глупостях, вспыхивать совершенно по мелочам. Правда, до открытых конфликтов пока не доходило, но.... Глаз да глаз. Конечно, и «старики» тоже подкисают. Одно время комендатура погрозилась использовать омонцовцев на точечных зачистках в сборных отрядах вместе с краснодарцами, курганцами, ярославцами и хантымансийцами, но пока всё оставалось в планах.

Козе понятно, что на КП нужны обычные «гибоны», это их прямая обязанность – машины потрошить, а спецназовцы должны бы только прикрывать. Да только кто бы вас, товарищ майор, спрашивал? Вот и не сплясывайте. И, вообще, отставить политику для кухонных застолий: на службе каждый офицер решает вопросы, согласно компетенции конкретно занимаемой должности. Его прямая задача, как командира сводного отряда ОМОН областного ГУВД – руководить реализацией комплекса мер, регламентируемых Уставом, а так же выполнять приказы и распоряжения Грозненской комендатуры Чеченской республики согласно положению о ОКПМ. Но! Опять же, как командира, его главная забота – сохранить вверенный личный состав любыми возможными способами и средствами. Чтобы не довелось вновь чернеть под стонами матерей, криками вдов и сирот. И первое, и второе очень даже возможно, если обойтись без «фанатизма» десятилетней давности – нынче это не для чего и не за кого. Уже на два раза проехали.

Проехали, да не доехали. Или не въехали? То, что впереди опять война, неизбежная, по полной, понимают уже многие. В том числе и те, кто активно делает вид, что «алес ист абгемахт»: двукратно размножающиеся в каждые пять лет горцы не долго усидят в захваченной ими долине, уже скоро они выжрут тут всё, и будут просто вынуждены двинуться дальше. «...В Чечне и на всём Кавказе мир и безопасность...» – да просто проходит инкубационный период, наращивается масса, и, одновременно, готова плацдармы! И не так долго ждать того дня, когда третья война полыхнёт уже по всем крупным городам России. По всем. Война ради войны. Потому что для ичкерийцев война есть форма существования, без неё им просто нечем жить. Без грабежей и работорговли они – ... вымрут.

На столе, из-за растущего с каждым днём вороха бумаг выглядывала гнутая перламутрового пластика рамка: жена и сын, Вера и Гера, «один белый, другой серый» – два его «любимых гуся». Вспомнил, как перед командировкой ходили с сыном в театр оперетты на сказку «Волшебная лампа Аладдина», и как на открытии занавеса его резанул усиленный динамиками крик муэдзина – так, что потом сил едва хватило дожидаться антракта.

Тоже мне, режиссёрская находка.

В феврале 95-го угловая трёхкомнатная квартирка на последнем этаже панельной пятиэтажки, пятью окнами на три стороны открывала широкий сектор обзора. Остальные четыре разведгруппы так же укрылись вдоль набережной Сунжи. Где? А можно догадываться: засада – это когда ты есть, но тебя нет. Приказ – только наблюдение, самостоятельный выход на связь лишь в случае обнаружения значительных сил противника. И сколько потребуется так таиться, ведомо только штабу. Главное, что б вообще не забыли. Переселённые в пересохшую ванную и на тоже давно пустующую кухню, хозяйка квартиры – молодая супружеская пара и пожилая одинокая женщина «на подселении», оказались артистами Грозненского драматического театра. Парень – осетин, а барышни обе русские: Альберт, Нина и Вера Леонидовна. На удачу омонцовцев других жильцов в подъезде не было. Поэтому в гостиной, рядом с оббитой одеялом балконной дверью, за которой, пардон, находился импровизированный «холодный» туалет, расположилась пулемётная точка, в крайних окнах заняли позиции снайпера. Так и дежурили – трое на трое, сменяясь каждые четыре часа.

Ночной снегопад немного освежил фантастический для выросшего в мирном мире советского человека пейзаж с разбитыми артиллерией и ракетами, догорающими

панельными «хрущовками». Но чёрно-полосатое пожарищное небо заново осыпало город жирной нефтяной перхотью, постепенно возвращая реальность грязного грозненского ада. Пальба со Старопромысловского и с Заводского районов слышалась страшная, автоматный и пулемётный фон с равномерным туканьем артиллерии периодически перекрывали подлетающие «сушки» со своими эффектно дымными стрелами ракетных залпов. Но здесь, за парком Кирова, на углу Тбилисской и Садовой, было тихо. После недели хаотичных метаний по зачисткам освобождённых штурмовыми отрядами зданий и кварталов с плотными перестрелками, с первыми потерями самых близких, самых родных товарищей, после которых так трудно уговорить других – да и себя! – брать «чертей» живыми, после гонок на обстреливаемых со всех дыр бэтэрах, ползаний по подвалам или беганий по чердакам, после снайперских и фугасных дуэлей, выколупывания из невероятных укрытий и схронов совершенно необъяснимого количества великолепно вооружённых и экипированных боевиков, здесь, в этой на несколько раз разграбленной, вымороженной и закопченной самодельными нефтяными горелками, но всё же жилой и такой тихой квартире, им всем дико захотелось спать. Спать, просто спать. Гусев, тогда двадцатичетырёхлетний лейтенант, оставшись на первую смену, маятником бродил от поста к посту, расталкивая и уговаривая терпеть, прямо так, с открытыми в бинокль глазами, отключающихся бойцов. Бродил и говорил, бродил и говорил, ибо знал – если остановиться и замолчать, то сразу упадёт, и никакой силы не хватит в ближний час-два его разбудить. Ни грому, ни молнии.

После пересменки и заслуженного отдыха жизнь стала легче, и жить стало веселее. Отоспавшиеся первыми, дежурившие ребята разговорились с хозяевами, подружились и вместе попытались из сухпайной тушёнки и «местных» картошки и кукурузы сварить супчик. Соскучились за неделю по жидко-горячему. Собственно на запах Гусев и вынырнул из черноты своего сна или обморока: чего-чего, а лаврового листа, хмели-сунели и круглого перца в квартире было запасено с избытком.

Так как на кухне теперь «жили» Альберт и Нина, то стол, отодвинув цинки с патронными лентами, накрыли посредине большой комнаты. Застелили его настоящей скатертью, сервировали разнокалиберной, оставшейся от грабителей, посудой, украсили нефтяными светильниками, и, собрав тоже весьма разнообразные сиденья, подразнивая дежуривших с их индивидуалистическими котелками, объявили начало общего пира. Хозяева, давно не видевшие ни мясные, ни *мясорастительные консервы*, ни *хлебцы армейские*, ни *чай растворимый с сахаром*, а уж тем более *повидло* и *леденцовую карамель*, вдруг как-то заробели, сникли, а потом женщины разом расплакались. Кусал кривящиеся губы и худенький, чуть заикающийся Альберт:

- Ребята, так получилось, что сегодня у Веры Леонидовны день рождения. Мы давно живём в одной квартире, и давно уже больше, чем соседи, практически родня. Тем более, что и на работе опять вместе. Поэтому я позволю себе от её имени, пока она не может, высказать: вы самые дорогие, самые желанные сегодня у нас гости. Вас Бог сюда привёл.

Омоновцы, набывчившись, играли желваками, не в силах опустить ложки в одуренно пахнущий кавказскими пряностями, серый от тушёной свинины, негустой (на девять человек четыре последние картофелины) супчик с ярко желтящимися поплавками распарившейся кукурузы. Так и сидели, ждали, пока хозяйки не успокоятся. А потом раздался стук в дверь.

Когда Алик отодвинул задвижку, Гусев, которому в крохотной прихожей некуда было спрятаться, прямо из открываемой щели выхватил и вкинул в квартиру высокого, одетого в чёрное пальто мужчину, которого тут же завалили на пол, прижав затылок стволами. Выскользнув на площадку, Гусев осторожно осмотрел полумглу подъезда, спиной вдоль стены – холодный палец на тёплом спусковом крючке – спустился до первого этажа, дал отмашку наверх – чисто. В выбитую коробку входной двери опять завивались пышные хлопья влажного февральского снега. Вечер, не вечер: от пожаров свет на улицах низовой, от солнца не зависящий. Просто днём он желтеет, а ночью синюшно-красный. Подъезд, загаженный, засыпанный стёклами, бумагами, у входа раздолбанная скамейка, обгорелые тряпье, невнятная рухлядь. А, говорят, это был красивейший город Кавказа. Уголок рая.

Высокий чеченец с длинными, расчёсанными на прямой пробор, чёрными с проседью волосами, не смотря на щетину и наново расцарапанную ссадину на верхней скуле, сохранял аристократическую невозмутимость. Он уже сидел за столом, между хозяев, и Алик суетливо раскупоривал принесённую им бутылку «Киндзмараули». Правда, без командира к еде никто не прикасался, ждали. А Нина впервые чуть улыбнулась:

- Это наш главный режиссёр, Ваха Исламбекович, он зашёл поздравить Веру Леонидовну.

- Извините, но по-другому нам нельзя.

- Никаких обид, всё совершенно объяснимо.

- Только вам предстоит ещё одно неудобство: мы не вправе никого выпускать из квартиры, пока нас не снимут с наблюдения. А когда это произойдёт, никому не известно.

К утру Грозный накрыло непроглядным туманом. Вчерашний свежевыпавший снег отяжелел, поплыл, всё активной капая с крыш и балконов. Ослепшая артиллерия молчала, и только басовитые АГээСы нарушали привычный уже автоматный перебрёх.

Они сидели на развернутом к окну старом, изодранном и прожженном диване, Гусев зачем-то на десятый раз перебирал тихо звякающие пулемётные ленты и слушал.

Слушал:

- Я, когда закончил ГИТИС и вернулся в Республику с дипломом, сразу получил столичный театр. Понятно, что честолубие захлёстывало, иной раз и через край лилось, но в оправдание могу сказать одно: мне хотелось работать, только работать, больше всего работать. Ведь планов у нас, интеллигенции, было громадьё, и перспективы – попасть в классики: чеченская культура начиналась с нашего поколения, с тех, кто родился в Казахстане и после. Это мы должны были – и могли! и хотели! – сделать всё, чтобы наш народ имел за собой не только историю войн и... войн. Как тебе сказать? Наш народ древний и молодой одновременно, он уже умирал, и возродился заново. Теперь он опять полон сил, потенции, у него опять многое, очень многое впереди, но его нужно долго-долго окультуривать. Гранить и полировать, чтобы из алмаза родился бриллиант. И поэтому нами с совершенно искренним воодушевлением было воспринято задание идеологического отдела ЦК Республики: собрать национальную труппу. Я ж грозненский – тут учился, ходил в кружки во Дворце пионеров, потом комсомолил, так что знал достаточно тех, кто так же хотел, чтобы о чеченах узнал весь мир. Но! Если с мужчинами-артистами складывалось более-менее, то с женщинами... Мы же все здесь, вроде как, росли вместе: русские, армяне, осетины, азербайджанцы, чеченцы, ингуши и греки – вместе играли в футбол, вместе ходили в горы, бегали купаться, в кино, на танцы. Русских, конечно же, в Грозном было большинство, и это они задавали общий тон нашего интернационализма. Но, был и один особый нюанс: чеченские девушки на танцы и вечеринки не ходили никогда. Никогда. Как тебе сказать? Ведь впервые массово чеченцы спустились в долину только после Казахстана, в конце пятидесятых. У нас очень крепкое понятие семьи, рода, крови, традиций. Восемьсот лет наш народ жил в горах, точнее – выживал, восемьсот лет выживал, и там выстрадал закон: без родни ты просто никто.

...Мы и сами ещё слишком горцы. Мы – первое поколение культуры, пионеры и... маргиналы искусства. Поэтому наибольшие трудности лежат не на поверхности, а внутри нас самих. Как стать личностью? Как научиться самому выстраивать свою собственную судьбу? Самому отвечать на вопросы жизни, и не бояться ответственности за принятые решения. Как тебе сказать? В горах человек только частица рода, и люди больше всего боятся оскорбить традиции предков и потревожить представления родственников о том, что достойно, а что недостойно нохчо. Да и здесь, в долине, не так просто обрести право на самостоятельность. Многим не хватает этой вот внутренней смелости. Даже тогда, когда в жертву средневековым, давно уже окаменевшим идолам приходится приносить свои живые чувства и мысли, свои сегодняшнюю любовь или ненависть.... Ты только представь, как я радовался каждой чеченке, которая – вернее, родители которой решались отдать её на сцену!

...Я хотел работать, и у меня получалось – была хорошая пресса, интересные гастроли, фестивали, победы в конкурсах. Каждая премьера – событие: очереди в кассы, шум, цветы, поклонники. Вокруг театра собрался круг единомышленников, и не только из представителей искусства, но много итээровцев, учёных-нефтяников. Я уважал себя, и меня уважали. Хвалили в ЦК и на рынке – мы делали своё дело, про нас узнал весь Советский Союз. Это была честно заработанная слава. А в это же время где-то рядом по пивным протирали комсомольские штаны эти завистливые бездари – «поэт» Яндарбиев и «писатель» Удугов.

...В конце восьмидесятых все вдруг стали шептать: «Барт», «Барт». То есть, «Единство». И все разом заговорили о трёхсотлетнем притеснении вайнахов русскими, о том, что именно чеченцы должны возглавить кавказские народы против имперских поработителей: мы же «нохчо», то есть, прямые потомки высадившегося на Арарате Ноха! Ноя, по-вашему.

...На призыв Дудаева среди моих друзей – то есть, среди тех, кого я считал друзьями, начались массовые метаморфозы: для них кровь вдруг стала превыше всего. И ещё: все партийные секретари в один миг оказались муфтиями и шейхами. Тех же интеллигентов, кто не успел мгновенно перекраситься из красного в зелёное, травили, гнали, да просто убивали. За машину, за кожаное пальто, за... часы. По велению муршидов чеченских инженеров, врачей, учёных и профессоров истребляли наравне с русскими, а то и злее – как предателей.

...Как тебе сказать? Ты не знаешь, что такое муршиды, вы все в России этого не понимаете. Это образ мыслей родоплеменного выживания. А ещё вы не понимаете, что древние авторы самых разных цивилизаций одинаково называли «гору» Кавказ «краем мира». Именно отсюда, по мусульманскому преданию, выйдут накануне Судного дня Йаджудж и Маджудж (по-вашему Гог и Магог), чтобы губить народы, но будут сокрушены Аллахом. Я думаю, что Дудаев, этот горский еврей, прикидывающийся мусульманином, – один из них. Кто будет вторым?..

...Как объяснить, что против вас воюют не какие-то там уголовники, бандиты и мародёры? Против вас воюет иное сознание. Горцев даже осудить по российским законам невозможно, бесполезно – они никогда не поймут, не примут вашего суда, так как у них другое понимание мира. Совершенно иное. Со своим толкованием добра и зла. Каким судом и, главное, кого вы собираетесь в Чечне судить, если здесь ни у кого ни за что нет личной ответственности, если каждый в любом действии лишь исполняет волю своего тейпа? И судить нохчо может только тейп. Здесь все на родовой поруке.

...В то, что творилось в Грозном с девяностого, цивилизованному человеку просто не поверить: убийства, грабежи, издевательства, пытки и насилия в каждом доме, в каждой квартире, день и ночь. Альберт, бедный Альберт, он же слабый, тем более – осетин, здесь совершенно один, поэтому он не смог защитить ни себя, ни своей Нины. Пожалуйста, вы не спрашивайте их о том, что им довелось тут пережить, пощадите их.

...И где была Москва? Где? Из Грозного и станиц изгнали всех русских, оставшиеся – либо рабы, либо беспомощные старики. Так почему вы их, нет – нас, нас! – не защитили?! Непобедимая Советская Армия, всемогущий КГБ – где вы были?..

Наблюдение свернули через двое суток, а ещё через три дня Гусев со своей группой на бээмпэшке мчался, разбрызгивая грязную снеговую кашу, по Лермонтова в сторону Чеховского сквера. Омоновцы мёрзли на броне, уже опытным путём зная, что только так есть шанс выжить при попадании в засаду: ПТУРС сжаривал находившихся внутри всех разом. Вонючая резиновая гарь густыми хлопьями переваливалась через закопченные скелеты пятиэтажек и вяло змеилась вдоль дороги, из-за стелющегося чёрного шлейфа проглядывали исковерканные, побитые осколками и пулями заборы и детские площадки, спиленные и переломанные деревья, дико контрастируя с хорошо и во множестве сохранившимися оптимистичными плакатами и лозунгами советских времён. И всюду побитая, покорёженная бронетехника – да сколько ж наших тут пожгли?!

Хлопок раздался впереди в метрах тридцати и не на дороге, а левее, возле когда-то розово-белого кафе-«стекляшки». БМП сходу вильнула вправо, и они горохом раскатились по ёжащемуся зелёному сквозь снежную корку газону. Но за несильным взрывом ничего не последовало. Скорее всего, сработала противопехотная мина. Под кем? Прикрываемые КВПТ, короткими очередями крошащего оконные пустоты бывшего кафе, Гусев с бойцами добежал до лежащего вверх лицом такого знакомого ему человека: Ваха, разметавшись длинными руками, быстро-быстро хлопал ладонями по грязным лужицам, а побелевшие глаза широко, но слепо искали небо. Правая ступня была оторвана и куда-то отлетела, а левую ногу только переломило по голени. Выдернув шнур, Гусев перетянул брызжущую артерию, ребята пережали вторую. Вкол в бедро шприц-тюбик с промедолом, за края пальто потянули раненого к машине, оставляя ярко-красный вихляющийся след.

- Гусев... опять ты.– Ваха пришёл в сознание уже в госпитальной палатке, слёзы короткими дорожками стекали до щетины и там уже неспешно расплзались овальными бляшками грязи. – Баркал, ваша, – спасибо, брат. А я домой ходил. Смотрел. Только нет у меня теперь дома. Сгорел.

ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ.

Чехи подвезли «чушку». Мусульманам грех даже прикасаться к свинье, но дикие кабаны – бедствие для прикавказских огородов, и раз в месяц рано-рано утром к воротам подъезжала синяя «шестёрка», в багажнике которой лежала тщательно укутанная полиэтиленом окровавленная туша: грех-то грех, а тысчонка лишней не бывает. На носилках «чушку» заносили во двор, поближе к яме для мусора, обмывали и на листе старого ДВП палили газовой горелкой. На запах горящей щетины кроме советчиков в круг собирались три собаки, кот, пяток сорок и несчитанные мухи. Иван Петрович – «расчленитель» со стажем, напару со Сверчком они на два раза оскоблили длинноносую расхитительницу моркови и буряка и вывалили в старую пластмассовую ванну вонючую требуху. Мухи, сороки и собаки потеряли всякий стыд, зато зрителей поубавилось.

- Ну, вы, сукины дети, можно подумать, что вас не кормят. – Сверчок, относивший в «расчленёнку» в кухонный холодильник, пытался ногами отгонять лезущих носами прямо в тазик Полкана, Фитиля и Стрелку. – Пошли отсюда! Разбросаете кости, и отдувайся за вас. Пошли!

- Да кинь им по куску пищевода, пускай грызут.

Потом пришлось выделить ливерную долю коту. Мухи же давно брали своё сами, и только сороки, громко комментируя происходящее, нервно ждали своего часа.

- Чем помочь? – Рифат, непривычно для своего природно-гусарского тонуса понурый и красный, словно прищипанный, угрюмо переминался за спиной Ивана Петровича.

- Вон, со Сверчком относи к холодильнику.

- Нет, я бы здесь чего-нибудь. Только, это, я сырое мясо брезгую.

- Ну, сматывай шланг, убирай горелки.

Вернувшийся с кухни Сверчок как-то наглово оглядел Рифата:

- Ты чего как мешком ушибленный? *«Паду ли я, стрелой пронзённый...»*, а?

- Да пошёл ты!

- Уже иду! – Утаскивая тяжеленную ляжку, Сверчок гоготал, копируя «армянское радио»:

- «Э, дарагой! Мусцина – это у кого дэнги эсть. А то, что ти падумала – тот самэц».

- Слушай, ты! – Рифат вздёрнулся вдогонку, но удержался. – Старый, лучше я свалю куда по периметру. А то нервы сегодня ни к чёрту.

Случилось же следующее.

Рифат с утра был в наряде на пищеблоке. Заготовки к обеду на полсотни ртов – беспросвет, одной только воды четыре бака заливай-да-сливай, что крупы, что мусора –

ведрами, да ещё картошка со всякими овощами, да хлеборезка, короче – крутись. Какая-то с ранья вся в себе задумчивая, Людмила запустила компот и вяло перемешивала густеющую со дна рисовую размазню, как вдруг, словно наконец-то проснувшись, хлопнула ладошками:

- Пойдём, перекурим?

- Пойдём! Мила, знаешь же: что ты ни предложи – я с радостью. Даже туберкулёз зарабатывать.

- «Туберкулёз» – это сильно. Ограничимся потемнением с мокротами.

Они мимо бани узким проходом вышли под навес, и даже в тени сощурились дневному свету. Рифат широким жестом протянул «Parliament», отщёлкнул большим пальцем крышечку:

- Во, как чехи нас любят. Слабее не дарят.

- Везёт вам. К нам на пищеблок такого не долетает.

- Так ты только скажи – чего нужно, всё достанем. Нет, в самом деле – никаких же проблем: утром даёшь задание, к обеду исполняют. Только скажи! Повели, царица!

- Ну, надо ж, какие мы...

- Какие? А? А?

Любой мужик знает: если законтачил, так не тормози! Рифат, поднося огонёк, внимательно заглянул в лицо: Людмила прикуривала, а глазки-то где-то, ох, далеко и глубоко.

- Заботливые. И хозяйственные.

- Ладно уж, «хозяйственные», зачем так приземлять? Ты ж меня совсем не знаешь, а на самом-то деле я очень даже романтическая натура. Конечно, внешне всего лишь сержант, но внутри-то поэт, можно сказать – тот же Денис Давыдов. Помнишь? –

Ради Бога, трубку дай!

Ставь бутылки перед нами,

Всех наездников сзывай

С закручёнными усами!

Чтобы хором здесь гремел

Эскадрон гусар летучих,

Чтобы Грозный ... э... присмирел

На моих руках могучих!

«А зубы у неё какие белые! Смеётся, а сама плывёт, эх, чёрт, точно плывёт! А что? – тоже человек, и рано или поздно человеческое должно стать нечуждым».

- Ты, Рифат, действительно, гусар! Ну, просто всё про тебя!

- Да, трудно отрицать. Скорее всего, в прошлой жизни я и был Денисом Давыдовым. Ты как, веришь в реинкорнацию? Но ведь тоже точно обо мне: «*Я не поэт, я – партизан, казак. Я иногда бывал на Пинде, но наскоком...*».

- Ты же не «казах», ты же сам говорил, что татарин!

«Какие белые у неё зубы. И смех... созревший. Точно созревший». Они возвращались всё тем же, слишком узким коридорчиком, и дошли до поворота в кухню, где Рифат наконец-то смог поравняться и обнять:

- Мила, постой... «*О, пощади! Зачем волшебство ласк и слов, Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокой...*».

Людмила левой рукой перехватила его запястье, правой прижала плечо и, подседая на колено, широкой дугой бросила через себя. Припечатавшись всем телом в каменный пол, Рифат зацепил ботинками стоящие столбиком пустые бочонки из-под сухого молока, и они весело поскакали и покатались во все стороны. Откуда вдруг возник лейтенант Вахреев? Зампотылу огромной гильотиной навис над распластавшимся перерождением гусара-поэта, и если б не хохот Людмилы, то, наверное, тут же бы его и развоплотил.

Рифат, морщась, трудно сгруппировался, и, присев на корточки, зашарил вокруг, хотя Людмила уже подавала очки:

- Ради Бога, Рифатик, прости! Но ты так удобно встал.

Вахреев ещё пару секунд похлопал ресницами, и тоже расплылся:

- А ты, оказывается, у нас летун! Бетман в сравнении с тобой просто пингвин! Пойди-ка помоги Петровичу, а то потери в личном составе нам ни к чему.

- Я ж только стихи почитал. Дениса Давыдова. Потом свои... хотел. – Раскрасневшийся Рифат, напрыгивая, быстрыми двойками шлёпал раскачивающуюся на постанывающей цепи «грушу». – Нет, какова она! Я-то думал, что – она с высшим гуманитарным, понимает. Какое! А тут ещё интендант пыльным мешком из-за угла. Подсматривал или как? Что, поварили только для господ офицеров? Типа, как журналистки – для генералов. А сержантскому составу что делать?

Славка, уперевшись ногами в стену, откинулся на железно-сварном, умягчённом несколькими слоями поролон, высоком стуле, и тупо смотрел через бойницу на уходящий в зелёнку пустой проулок с полуразрушенными-полужилимыми панельными четёхэтажками. Там дальше, далеко над кронами зубилась водонапорная башня. До смены ещё сидеть и сидеть, днём под крышей делать совершенно нечего, всё вокруг неизменно, и хорошо, что Рифат зашёл, хоть поразвлечёт своими проблемами, иначе утянет в сон, просто ужас, как после обеда развозит.

А Рифат всё никак не мог успокоиться: впервые за всё время командировки на него вдруг напал приступ спортивной активности. Он и кругов двадцать по залу пробежал, и поотжимался, и поподтягивался. А теперь, вон, «мешок» лупит. И говорит, говорит:

- Если, Черкас, раньше главным героизмом считалось просто умереть за Родину, то теперь нужно обязательно и побеждать. А если кто без победы вернулся – всё, сегодня уже не герой. Тем более, раз за бабло и за льготы. Ох, и бабло! Ну, ладно, нам, эмвэдэшникам, действительно хоть что-то, да платят, а армейцы-то свои заслуженные по году выпросить не могут. А если выпрашивают, то только за тридцать процентов отката. Мальцов стреляют, подрывают. Безо всякой войны. А с них откат. Вот сучары! И ещё плевков – бывших «духов» «героями России» награждать. Плевков на могилы, на костыли этих вот мальцов. Потом по телеку руками разводят: «Как это, как это Арби Бараев в «Норд-Ост» попал? Как это, как это»? Да пока он на Кавказе наших фугасил, его родной брат Малик давно «Мосфильм» закрышевал! Чего, трудно, что ли, ему было кое-чего там припрятать? Вся Москва уже под Кавказом. Вся. Куплена с потрохами. Вот и вопрос: воюем мы, блин, с чертями, или дровичимся?

- Рифат, ты слишком много знаешь.

- Не дождёшься! И вообще, именно оттого, что я «много знаю», я сюда и езжу. Потому, что я одинаково ненавижу и нашу падаль, и чертей. Одинаково. И поэтому, рано или поздно, но я своего чёрта замочу. Одного, но грохну. Мне это, Черкас, очень нужно, очень. Понимаешь? За всё то зло, что в моей стране творится. За всех и за всё.

- Понимаю. И уважаю.

Славка, прижав автомат к груди, бочком сполз с приподнятого на ящиках стула, разминаясь, покачался на полупальцах. Отошёл к другой бойнице.

- Ты бы только кончал со злобой дня. Лучше давай о высоком. О дамах, драмах и стихах.

- Ты мои-то, что я прошлый раз давал, прочитал? Ну, и как? Я только тебе доверяю. Других интеллигентных людей здесь мало. А сегодня ночью, пока все дрыхли, я ещё настроил. Просто прёт фонтаном, как в болдинскую осень. И классно так получается: про нас, наше дело и про кремлёвских сук. – Рифат вытащил из кармана сложенный пополам листочек, развернул, приблизил к лицу и зашептал срывающимся хрипом:

- *Требуха ваша – смысл жизни,*

Вам в Кремле очень сладко живётся.

Вы забыли, что есть место

Оно Родиною зовётся.

Вам бы жахнуть коньяка или виски,

Или впарить бы шприц ханки,

И уже по фиг, что есть детки,

*По которым не спится мамкам.
Вор с вором за дубинку дерутся –
Пол России уже продали.
Вам от спеси вдобавок неймётся –
Вы войну, а не мы начали.
Называете нас дураками,
Будто б нам другого не надо,
Вам плевать, что мы умираем,
Лишь бы вам жировать – гады!*

По мере чтения шепоток крепчал, из груди к горлу волнами поднимались рокотливые ноты, глаза стекленели, на лбу взбилась раздвоенная жила, и последняя строка прозвучала совсем как требование прокурора о высшей мере.

- Здорово! Ты точно сам?

- Нет, Пушкин помогал. Александр Сергеевич.

«Вор с вором за дубинку дерутся, Пол России уже продали» – вот оно, народное творчество! Живоносный фольклорный источник. Не иссекающий. Так, наверное, былины когда-то складывались. Об Алёше-поповиче и Змее-тугарине: «...*есть детки, По которым не спится мамкам...*». Хотя, в чувстве-то ритма ему не откажешь.

А почему Славка всё реже вспоминает о матери? О ней и доме? Что: птенец вырос, оперился, и – чик-чирик, «скрипач не нужен»? Почему он не может понудить себя даже представить, с каким лицом она смотрит вечерние и утренние «вести», как по телефону с подругами часами обсуждает любые слухи и отголоски того, что кто-то где-то от кого-то узнал-прочитал, услышал о Грозном?.. Не от того ли, что она обсуждает это с подругами, а не с Сашей и, тем более, не с Анной Константиновной?.. Эх, мама, мама.

А, может быть, это совершенно естественная и вполне нормальная самозащита психики от перегрузки, затяжного перенапряжения, когда наконец-то осознаёшь, реально включаешься в то, что Устав гарнизонной и караульной службы действительно написан чьей-то кровью? Когда – нет, не понимаешь, а чувствуешь, всем телом, снаружи и изнутри ощущаешь, что на войне, даже вот такой, извращённой, уродливой, с поддавками и подставками, без фронтов и боевых целей, без стратегии и тактики, где не называется конкретный враг и не даётся надёжный тыл – нужно все двадцать четыре часа, все тысяча четыреста сорок минут быть здесь и сейчас, полностью, без остатка, без заначки на расслабленное плюханье по волнам памяти. Нужно быть готовым, готовым на всё. Тот урок с «ножичком» Славке зарубился накрепко, спасибо.

И с мамой всё не столь просто.... Хотя, конечно же, нужно сесть и написать письмо. Нужно. Одну страничку, всего двадцать строк – через эту самую «самозащиту».

Ведь находятся же несколько минут, когда, тайна тайн, фотография в ладони теплеет и оживает, и с неё, улыбаясь или хмурясь, тихо-тихо, никому более не слышно спрашивает и сама же отвечает Саша. Александра, любимая. И Славка легко и во всём соглашается с ней (или с собой?) – это всё равно! И раз в неделю эти самые вопросы-ответы в белых, с полосатым кантиком, узких конвертах – через комендатуру, Ханкалу, Моздок, Пятигорск, Москву, через сонно-совиные или пылливо-крысиные глазки и коготки неразлично серых цензоров-оперов – прорываются, и по косою летят, через полстраны, над полями, лесами, горами и реками – на Восток и на Север, к ней, к его венчанной жене: «Кого Бог сочтает, человек да не разлучит».

А мама?

Когда на вступительных в НЭТИ он напрочь завалил математику, то, помнится, в первый раз так здорово, до полной отключки, надрался. Неведомым способом добравшись до дома, всю ночь со стенами метался меж диваном и унитазом. Однако никакого втыка на утро не последовало. Более того, ближе к вечеру, когда бедовая головушка кое-как вернулась на природное место, на кухне за чаем с молоком, состоялся длинный и странный разговор «по душам» – с излишне сладкими и замысловатыми экивоками.

Ибо днём, пока «несчастный ребёнок» полуспал-полубредил, мама, всегда болезненно реагирующая даже на случайное цепляние темы «отцовства», сама позвонила своему «бывшему» насчёт учёбы в коммерческом СГУ. При этом «ему» было на три раза подчёркнуто, что это только ради сына она переступает через свои принципы, и настаивает, чтобы «он» зашёл завтра для разговора.

Нужны деньги? И только-то?

Славка, нахохлившись, сидел напротив грузного, обильно потеющего от мак-кофе и напряжённости, густо уже седого человека, исподлобья урывками высматривая его облепленный капельками большой круглый нос, бугристую кожу обвисших мясистых щёк, огромные беспокойные руки, беспрестанно трогающие и шевелящие посуду, скатерть, карманы клетчатого пиджака. Сидел, смотрел, слушал, и никак не мог определиться – да разве ж по этому толстяку он тосковал когда-то в детстве, когда обижали в саду и в школе, разве ж его ненавидел после, когда узнал, что заступает только мама, «мамочка», «мамуля», а это так обжигающе стыдно и так долго потом высмеиваемо, что лучше таить, терпеть все обиды и любые несправедливости? Разве этот, оплывающий блестящим жиром и шипящий не вяжущимся с огромным телом тенорком, чужой, неприятно чужой «Алексей Алексеевич» – и есть тот самый «папа», которого он представлял или лучшим другом, или врагом-предателем? Ещё вчера, ещё сегодня утром?

- Главное, что там дают настоящую бронь. Цена для меня пока приемлемая, а к получению диплома, глядишь, и армия уже станет профессиональной. Куда ты хочешь – на экономиста или психолога?

На левом безымянном играла гранями монограммы массивная печатка, свежее отполированное золото завораживало, магнетизировало, и текст присвистывающих слов рвался и путался, не сразу образуя связный смысл. Так что этот, вдруг появившийся из необсуждаемого табу, «отец» ему втюрирует? Про «сложившиеся обстоятельства» и «никогда не отпускавшее чувство ответственности»? И про возможность «наконец-то, через её наступившую вменяемость» хоть чем-то «загасить свой долг»?.. «Долг»? Кому? От кого? Да пошёл бы он! Пошёл!!

Славка оглянулся-закосил на неплотно прикрытую фанерную дверь, за которой в своей комнате затаилась, вылавливая каждый шорох, воинственно покрашенная и наряженная с утра мама. Какая же она жалкая в этом дурацком красном с блёстками, пятнадцать лет «выходном» платье и дико-продавщическом, по толстому слою крем-пудры, гриме, который только ещё беспощаднее выявил морщины лба и шеи. Какая же она жалкая....

- Я ничего от вас не возьму.

- Ты же мой сын.

- Я этого не знаю. И я хочу в армию.

Если курилка для широкого общения, то за стиркой можно тихо пооткровенничать. Сверчок и Славка вольно разложились с четырьмя тазиками на узком, обтянутом полиэтиленовой плёнкой столе, на восьми ногах протянувшимся вдоль дорожки от умывалки к туалету. Ну насколько же явственно, что Сверчков сельский, из выросших на собственном молочке: есть в этих круглоглазых, круглощёких крепышах что-то такое, что ничем не смоешь, не спрячешь, что-то... натуральное. Без ароматизаторов и консервантов. Жулькая и отжимая огромными и красными, как клешни краба, кистями пузырящееся бельё, Сверчок полушёпотом на который раз разъяснял то, почему он так со свадьбой оконфузился.

- Интересно, какие здесь зимы? Говорят, сыро. В прошлый раз я тоже до позвонков прокоптился, когда на срочной под Аргуном, около нефтевышек, три месяца торчал. Там в поле четыре скважины забитые стояли. Только всё равно чехи-охранники, ну, из местных, по несколько автоцистерн в день откачивали – нефть-то совсем близко, сама шла, только черпай. Понятно, что нашему комсоставу, чтоб не бухтели, по мелочи откидывали. Лейтенантик молодой, поначалу погоношился, но его прапора быстро в свою веру обратили, типа: «стаж идёт, служба тянется, а ты жажнул, косяк забил, и мама не горюй»! Так что

отцы-командиры каждый день после обеда в полном отрубке свой стаж натягивали. Я-то уже на втором году был, сам «духов» чмонил, дни до приказа вычёркивал. Кажись бы – кайф, ни надзора, ни заботы, во все четыре стороны воля. Ага, но попробуй за колючку сунуться! Через пять лет в горах обрезанным найдут, если сильно фатовый.

...Выживали как «маугли» или «последние герои»: по земле блохи, промеж пальцев грибок, из жратвы одна перловка или горошница, про хлеб и не вспоминали – понос, как потоп, всеобщий! А на личную гигиену – двести грамм воды в сутки. Прикинь: жара что сейчас, днём под брезент даже заглянуть страшно – крематорий, дышать можно только на дне окопа, и, блин, эти двести грамм! Если жопу не подмоешь, значит, назавтра ходить не сможешь, так что за три месяца мы только дождём умывались. К оконцовке как негры стали, только у тех хоть зубы блестят, а у нас и во рту помойка. Хэбэшки тоже чёрные, колом, на сгибах скрипят – земля ж насквозь нефтью пропитана. И где ж у нас только фурункулы не открывались! И под мышками, и в паху, и на шее. Меня от запаха мази Вишневского до сих пор выворачивает.

Короче, полный копец! Сидим, бляха-муха, сохнем до чуматы. Богомолы или тарантулы наловим и стравливаем – на карты уже смотреть невозможно, байки все на сто рядов перетёрты, коноплю в округе до корней выкурили. И из всех развлечений – когда к вышкам кадыровцы подскочат, с охранников дань собирать. Тогда нам кино: у чехов ор, руками машут, стволами друг в дружку тычут. Местных понять, конечно, можно – кому ж охота свои денежки отдавать? Но тем как бы Москва выдала добро нефтедобычу по республике крышевать. Комедия, как они друг дружку пугали. Только, один раз, видимо, в цене совсем не сошлись, и так разгорячились, что начали под ноги стрелять. А наш литёха в тот момент совсем никакой спал, и чего ему приснилось, теперь никто не узнает, но только он как выскочил из своего блиндажа, с криком «в ружьё!», прыг в бэтэр, да поверх чехов две длиннющие очереди как зазвездячил! Кадыровцы мигом в машины и по газам.

...А ночью часовых ножами сняли. Пацанов, как свиной, порезали. Кровищи – земля же сухая, не впитывала.... Нас, рядовой состав, не тронули: просто по палаткам в упор с «калашей» попалили. По верхам, для острастки. Мы с нар на пол попадали, со сна как черви головами в землю заталкиваемся, а сверху, бляха-муха, брезент трескается, хлопает, и пули свистят. Обделались все. Чехи же, ещё и пели: «Калинка-малинка моя!» А лейтенанта и прапорщиков увезли. С концами.

...Главное, всё это так как-то быстро случается – готовишься, готовишься, ждёшь, окопы роешь, ствол чистишь, а оно всё неожиданно и быстро: бац-бац-бац! А потом опять тягомотина: следователи, прокурор. И видно, как все лгут, заминают, чтобы кадыровцев выгородить: «Откуда, мол, вам известно, что это они были?».. От верблюда!.. Я с тех пор вообще не могу в гражданке ходить. Неуютно без формы, словно голый.

Сверчок отнёс таз с мыльной водой к сливу у умывальников, отвернул вентиль, и, пока из полутонного бака набиралась чистая, со стоном подставил под струю загорелые до кофейности затылок и плечи: у-уф, кайф! Сощурившись, осмотрелся: небо вокруг солнца выгорело до хлопковой белизны, на раскалено-разжиженной плите заасфальтированного двора всё живое попряталось в любые маломальские тени и щели, и только разнокалиберные кузнечики из упорно живой, хоть и пожухлой травы наперебой пели гимны своему зелёному Гименею. Да сытые мухи резвились в сорокаградусном мареве вокруг измазанного свиным жиром ДСП.

- А вообще, Славк, я ж, было, хотел в ОМОН проситься. Классно у них.
- Ты с командиром или замом поговори.
- А! Теперь, после этой долбаной свадьбы, не на что надеяться. Хотя ж в бою-то я не струсил. Как думаешь?
- Так ты на это и напирай.
- Попробую. А ещё... правда, что у тебя тут с чеченкой шуры-муры начались?
- Кто сказал?
- Болтают. Только мне что-то не верится: такого не бывает.
- Чего не бывает?

- Ну, с чеченкой. Чтобы их девка с русским. Убьют сразу.
- У нас особый случай.
- Смотри, поостерегись.
- Не помешаю? – Иван Петрович приткнулся к торцу со своим тазиком. – Требухой испачкался, сполоснусь, пока время есть.
- А можешь свободней. Я уже всё. – Славка сплеснул последние капли. – Пойду, развешаю на солнышке.
- Ты, это, иди за двор, к колючке, а то здесь уже все верёвки заняты.
- Слушаюсь!

Мимо глубокой ямины под «непищевые отходы», мимо выгородки с вечно спящими за ненадобностью овчарками, промеж раскидистых конских «пальм» Славка вышел к заворотной двухэтажке, на крыше которой столько пережил. А, кстати, он потом, когда собирал гильзы, промерял: обе снайперские пули вошли значительно выше и не смогли бы зацепить. Но, всё равно, он теперь перед Женей должник.

От задней стенки здания, по-над притоптанной полынью к остаткам непонятной конструкции из гнутых и сваренных труб тянулись капроновые шнуры, увешанные цветными прищепками. Славка поставил тазик, вынув первую майку, с хлопком стряхнул её и растянул на ближнем шнуре. Потянулся, было, за второй, но, уловив за колючкой какое-то чуть заметное движение, присел в низкие и редкие травинки: кто?! Что там?

Шагах в двадцати за ограждением, где начинались заросли буков и акации, стояла Лия. В неизменных белом платочке и длинно облегающем коричневом платье.

- Привет.

Её двадцать шагов, да с этой стороны десять – на таком расстоянии голоса не слышно, только губы шевельнулись. Выпрямившись, Славка отёр ладони о брюки и, подойдя к колючке, осторожно навалился на столб:

- Привет.

Она, чуть помешкав, тоже сделала несколько быстрых мелких шажков, ловко переступая через густо рассыпанные ржавые банки, но до проволоки не дошла, остановилась на полпути и чуть-чуть заметно улыбнулась себе под ноги:

- Как ты?

- Нормально. Служим. Стоим на страже конституционного порядка и восстановления народного хозяйства. Жуликов ловим по возможности. Жарко только у вас, непривычно жарко.

- Ты из Сибири?

- Так точно, из самой глубины сибирских руд.

- Далеко.

- Но ты знаешь, мне это чем-то даже нравится: и климат у нас почеловечнее, и сами человеки тоже... не так часто стреляют.

- Я знаю, мне мама рассказывала.

- А кто у тебя мама?

- Она русская. Вернее, украинка. – А и, правда: лицо у Лии совсем светлое, и такие большие карие глаза у хохлушек тоже часто встречаются. – С Херсона. Только очень давно с нами не живёт.

- Умерла? Прости.

- Нет. Тебе не понять.

- Прости.

- Я завтра опять приду?

- Согласен.

- Тебе чего-нибудь нужно?

- М... не знаю.

- Ладно, пока.

- Пока.

Она резко повернулась и, всё теми же мелкими ловкими перешагиваниями, почти убежала в заросли. Тоненькая, вся какая-то беспомощно гибкая, как червячок. И чего приходила? Совсем ещё девчонка.

Славка уже хотел вернуться к своему тазику, когда заметил, нет, ощутил в кустах новое шевеление. Ну, что ещё? Из рябой тени акации, словно из кипящей серо-зелёной мути, проявился силуэт большеголового худенького человечка. Стоп! Где Славка видел это?! Скособоченный карлик в сером перешитом плащике и синих женских сапогах.... Это, это же... горбун! Тот самый.... И тогда он точно так же покачивался на каблуках, и разной длины его руки с толстыми прокопченными пальцами прихлопывали набитые чем-то карманы.

По глазам изнутри черепа ударило эфирно жидким пламенем. Славка глубоко выдохнул и осторожно отнял ладони от лица: видение не пропало, и он очумело смотрел, как неловкой припадающей походкой маленький человечек удаляется вслед Лие.

- Слав, ты чего? Красный весь. И глаза как у быка. Давление? – Старый заглянул из-за плеча неожиданно, и, если бы в другое время, то, наверное б, испугал.

- Так. Солнышко допекло.

- Зря с босой головой ходишь. Не Сибирь. И ещё, это, Слав, погоди-послушай, что сказать тебе хочу. Не обижайся, от чистого сердца, поэтому прямо в лоб: ты бы перестал с этой соплюшкой играть! Чего-то мне нехорошо, неудобно. Я, если честно, уже не раз себя корил, что начал тебе записочки передавать. Не могу объяснить толком, но кошки скребут.

- А чего ты так обо мне заботишься? Я, вроде, давно большой мальчик.

- Большой-то большой, но всё равно мальчик. Для меня вы все здесь как сынки.

- А это уже совсем лишнее.

Иван Петрович извиняющеся дёрнул плечом, и, ещё на раз расправив на провисшей верёвке свою блеклую тельняшку-безрукавку, неспешно направился к базе. Бузит парень, булькает. Все они, нынешние молодые, не научены уважать чужой возраст. И опыт. Словно все безотцовщина.

Вот и со своим Александром он тоже, было дело, хлебнул, пока выправлял пропущенное: малой рос, формировался, ему для подражания живые мужские примеры требовались, а отец с дежурства да на подработку, в детсаду же всех подряд воспитывали тётки. Первая учительница – женщина, классная – естественно, и в старших классах из мужиков – только историк да физрук. Вдобавок, Александр сызмальства каким-то бирючом пошёл, всё сам по себе, молчком да бочком, ни в какую секцию или кружок не загонишь. Вот и пришлось уже с подростком за всю систему воспитания отдуваться, как однофамильному сержанту Павлову – делая вид, что «его много»: на зарядку вместе вставать, в бане париться, показывать как по-военному драют пол и заправляют постель, чистят обувь и гладят брюки. А, иной раз, буквально силой вывозить на хоккей или рыбалку. Ещё парень узнал, что он должен уметь варить украинский борщ и уступать место в транспорте, бить точно в челюсть, всегда и от всех защищая сестрёнку. А за враньё, за спрятанный дневник с двойками или, там, грубость к матери, случилось порой и «плюшек» ему получать. Напрашивался, чего скрывать. Но, а как иначе? Рожаем для себя, а воспитываем для чужих.

Ивану Петровичу стукнуло тридцать два, когда врачи окончательно утвердили: детей от него быть не может. Такой вины перед женой никому никогда не избыть, и он ей честно предложил разводиться – пока в силе и в красоте, вполне успеет найти себе счастье. Алка неделю с ним не разговаривала, два раза съездила к матери, почернела, подурнела, одни глазищи светились, как после болезни. А потом предложила взять сына в детдоме.

Они остались теперь на всю жизнь – те ужас и боль, которые они пережили, когда десятки детских личиков, как подсолнушки, потянулись к ним со всех сторон в немой (им это настрого запрещали воспитатели) мольбе: «Возьмите, пожалуйста, возьмите меня»! Светлые и чёрные, лобастые крепыши и худенькие скелетоны, постарше и совсем ещё малютки: «Возьмите, пожалуйста, возьмите меня»!

Поэтому Ленуську они привезли прямо из роддома.

Конечно, поволновались, но брат с первой же секунды впал в тихий, зачарованный восторг перед живой, шевелящейся куколкой, и никак не хотел расставаться с ней. Особенно полюбил вместе с мамой купать «пупсику», напевая в ванной сестрёнке самим сочиняемые песенки.

ШЕСТЬДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ.

Ханкала. Разогнавшись по идеально гладкой долине, ветер рвал рокот четырёх «вертушек», беспрестанно контролирующую периферию необозримого скопления длинных барачков, ангаров и сараев, напоминающего временные города нефтяников или золотоискателей, забранных в каре тройной линии обороны. Забивая мельчайшим песком и травяной пылью доты и вкопанную бронетехнику, ветер плескал знамёнами над штабами, посвистывал в проводах, солил глаза и прибывал белые дымы дальних учебных атак.

Под зенитным, жёстко лучащимся солнцем в отстойной очереди у полуцилиндрического металлического ангара калился пропылённый до серебристости «урал». Ребята из пустых ящиков и бортовой доски соорудили скамейку и, вжавшись в узкую тень машины, блаженствовали под возбуждающе пахнущим степью ветром и терпеливо ждали. Ждали приказа на загрузку полагающихся запчастей, оборудования, бытхимии, припасов и продуктов. Короче всего, что требуется для поддержания жизнедеятельности и боеспособности сводного отряда. Ждали уже больше часа, наблюдая, как мимо, просительно сгорбившись, шныряли в поисках флегматичных, но изумительно, как чеширские коты, умеющих прямо на глазах растворяться в никуда ханкальских штабников и снабженцев, прибывшие из разных точек офицеры – с выпученными глазами и распухшими папками-портфелями, такими смешными в сильных руках спецов, десантников, летунов и погранцов. Рода войск различались по головным уборам – кто в краповом, кто в голубом или чёрном беретах, кто в потешно-огромных зелёных и синих фуражках, лёгких пилотках и выгоревших кепи. А так-то, какого только нынче разнообразного камуфляжа даже в одном подразделении не насмотришься, словно перед тобой не регулярная армия, а съезд партизан или рыболовов-любителей.

- Чего, орлы, пригорюнились? Зуб, выше голову, улыбнись и подтянись! Или съел что несвежее? – К шестерым, уже накурившимся до горловой наждачки «грузчикам» присоединился неунывающий Колян, несколько минут назад подвёзший офицеров на своём, не смотря ни на какие ремонты, так почти и не реагирующем на рулевые усилия «уазике».

- Да нет, ничего. Просто сегодня у дочери день рождения. – Вовка Зубов, водитель «урала», выковыривал палкой в грязном песке камешки и, как шайбы клюшкой, посылал их в заднее колесо.

- Э, брат, поздравляю! Сколько ей?

- Три года.

- Поздравляем!

- Спасибо.

- Так, это ж, отметить нужно!

- Чем? Я бы сейчас, не дыша, двести-триста на грудь поднял.

- А я бы и четырёхста не постыдился.

- Ладно, нахлебники, давай по кругу.

- Косячок?! Откуда?

- Тихо, блин! Реквизировал.

- Ну, за здоровьице новорожденной! – Тихо-тихо, по паре затяжечек с подсосом и со старательным испусканием душистого дымка подальше в небо. – За здоровье!

- Вот я и думаю: достался же дочке папка – и на годик я здесь проторчал, и теперь опять. – Некурящий Зуб достал пластинку «стиморола», покрутил, понюхал. Потом махнул и отдал тоже некурящему Коляну. – Ещё одна командировка, и жена меня точно из дома вытурит.

- Не вытурит. Где ещё такого верного мужа найти? Мы ж ей справку всем отрядом подпишем: мол, полгода ни к одной юбке не приставал. Отличный семьянин и характер нордический.

- Посмейтесь. Блин, зачем нас сюда загоняют? Кто мы, зачем здесь без дела торчим?

- Кто, кто? Разменная мелочь, копейки, которые никому не жалко. При большой-то игре.

- Ага, и с большим «интересом».

- Отставить разговорчики! – Колян дурашливо щёлкнул каблуками. – Какая-токая «мелочь»? Мы – телохранители России, мы здесь для того, чтобы... себя подставить, когда «это» случится.

- А когда случится?

- А пусть лучше никогда. Но с нытьём, всё равно, заканчивайте. Язвы заработаете.

Прав Колян, конечно прав: стоит только отпустить вожжи, и всё, ничем потом не остановишь – тоска ударит. Лучше о весёлом. Или злом.

- Вчера ездили с начштаба к краснодарцам, так прикинь: они в доме местного вора в законе базируются – такой дворец, обалдеть! Белым мрамором даже четырёхметровый забор и снаружи, и внутри отделан. Три этажа: лестницы тоже мрамор, двери – дуб. И баня у них шикарная. А ещё два спортзала, гараж крытый. Даже бассейн на улице, правда, пустой. Но, самое кайфовое, что хозяин, говорят, нынче в Москве новый дом, ещё круче отгрохал.

Мимо неспешно профланировало несколько пузатых ханкальцев: мутные глазки в себя, по жирным ляжкам постукивали коробки-кобуры «стечкиных». И с кем эти хряки заготовились стреляться? Им только шпор и перьев не хватает для полноты героического вида. А что? Говорят, один местный полкан, ни разу не выезжая из Ханкалы, умудрился даже в феврале себе тридцать один «боевой» закрыть. Зато тем, кто в горах ляжку тянет, не более пяти деньков в месяц засчитывают. Экономят государственные деньги: бюджет-то не резиновый, на всех всё равно не хватит.

- Мучаются, бедолаги, шести часов дожидаются. Как только «окопники» за КПП, тут у «штабных» сразу праздник начнётся. Водяра, тёлки, рассказы про то, у кого дома какие тачки и дачки прикуплены.

- Стаж прёт один к полутора, звания с ускорением. А если где какая стычка с потерями, так они, суки, за нашу кровь ещё и ордена себе понавешивают. Кто-то под пулями да через гранаты прыгает, а кто-то над стаканом... хреном дрыгает.

- «Ордена дают там, где их дают». Но, не завидуй: что ты со своими контузиями и ранениями, что они со своими циррозом и геморроем – по статистике одинаково к пятидесяти шести загнётесть.

- Так и на кладбище та же дерьмократия продолжится. Я зимой деда хоронил на Мочищеском, давненько не доводилось там бывать. Слышь, оказывается, что теперь на главной алее, где раньше только доктора наук, директора заводов и народные артисты лежали, нынче подряд памятники цыганским баронам возвышаются. Чёрный мрамор с золотом – «Оглы», «Оглы», «Оглы», аж в глазах рябит! И под каждый монумент никак не меньше четырёх участков скуплено. Даже «братва», и та где-то в сторонке скромненько порусски ютится.

- Так прикинь, сколько романэ на наркотиках гребут.

- Не в этом дело! Я что подумал: вот, лет эдак через пятьсот начнут археологи кладбище исследовать, ну, и наверняка подумают, что это наши национальные герои лежат. Кто ж поверит, чтобы своих врагов народ на самом почётном месте хоронил, как царей или фараонов?

- Хочешь сказать, что Тутанхамон с Хеопсом тоже в своё время ханку оптом толкали?

- Попробуй, докажи, что не так. Вон, какие гробницы отгрохали.

На КПП, на пальцах у неразлично пропитанных серой пылью солдат-контрактников блестели золотые печатки. А рядом вдоль трассы по обочинам и кюветам на километры растянулись фуры, грузовики и микроавтобусы со скучающими в очередях нохчами – так уж

повелось, что все грозненские и станичные магазины, палатки и ларьки снабжаются со солдатских складов. Но турецкое золото «контрабасов» и дачки снабженцев – собачьи крошки со стола хозяев, гоняющих составы стройматериалов, оборудования, техники, горючего, одежды, продуктов, медикаментов – из России в Чечню и обратно, миллиардами высасывающих «финансовое обеспечение восстановления разрушенного войной народного хозяйства республики». Собачьи крошки.

Примостившись, кто где, опять в удушающих «шелестяшках» под бронежилетами и разгрузками, они напряжённо терпели выбоины, ухабы и вихляния – летать по Чечне нужно мухой, ибо, что с того, что в сопровождающем офицерском «уазике» работает ГМД, подавляя потенцию и радиосигналы на взрыв фугаса – духи могут и просто проволочки протянуть. Или со степи пострелять. Элементарно. Ящики и коробки дёргались направо и налево, сползали, но более-менее держались, а вот завёрнутая в полиэтилен, жадно, до мослов уже обрезанная неведомыми любителями шашлыков говяжья задница прыгала под ногами как живая. Снаружи, затянув капюшоны, глотали скрипучую и горькую пыль пулемётчики Сергей и Жора, а остальные почти ничего не видели, даже если выглядывали в откинутые лючки крыши. Степь да степь. Ровная, просто идеально выглаженная. Где-то пропаханная и яро зеленеющая, где-то запущенная в разноцветный отдых, степь утекала в горизонт, где без всякого перехода над предвечерней сизостью круто нависали ломанные зубцы отрогов. Промелькнули ряды крепких, одинаково кирпичных усадеб богатой станицы, на высокой стеле у сворота – «... основана в 1770 году». По центру сиял оцинковкой новенький минарет. Старинное русское кладбище с железными крестами – сплошная свалка.

- А на чеченском, смотри, смотри – штык над могилой. Это значит, что кто-то неотомщённый похоронен.

- Так много же таких штыков.

- Мало, блин! Прикинь: у каждого чеха по десять-пятнадцать детей. А профессия на всех одна – разбой. Поэтому, когда семья теряет семь-десять сынов, это для них норма. Норма! Больно, конечно, но не смертельно. В горах вообще только так и можно остальных выкормить. Нам с тобой не понять: у нас одного мальчонку убили, и – всё! Всё! Нет больше фамилии. Ни Ивановых, ни Петровых, ни Сидоровых. Одного «двухсотого» достаточно, чтобы целый русский род пресечь. А для чёртей и десять погибших – не конец.

- М-да, этого нам не понять. Ни за что не понять.

ЗА СЕМЬСОТ ЛЕТ...

Любо, братцы, любо,

Любо, братцы жить...

Притеречье заселялось русскими поморцами ещё до тринадцатого века. Когда ослабел владевший Днепром Киев, когда новгородско-псковско-смоленско-ростовское войско Мстислава Удалого и Константина Всеволодовича разгромило при Липице владими́ро-суздальские полки Ярослава и Юрия Всеволодовичей, а затем, победив волжских болгар, северяне заложили у впадения Оки крепость Нижний Новгород – тогда наново отворился древнейший ладейный путь из Поморья в сказочный Каспий. Новгородские и псковские ушкуйники, то торговавшие, то творившие набеги по побережьям Персии, нуждались в пристанище, плацдармах-колониях, которые они обрели, освоив пустынное, поросшее изобилующими птицей и зверем тростниками, устье Терека. Державшие за собой местные степи ногайцы, только летними месяцами пасли в долине свои табуны и отары, на зиму откочевывая к побережью. Загнанные же ими в леса племена горцев были крайне малочисленны – так что, если и существовало в долине полумифическое «царство Серир», то, скорее всего, оно принадлежало древним аланам, предкам осетин, покинувшими эти земли ещё задолго до Тимура. Ингуши же и чеченцы, как известные сегодня народы сформировались из различных этнических групп намного позднее, где-то к семнадцатому веку. Посему, прельщаемые благодатностью ничейных земель, славянские колонисты споро

продвигались вдоль рек Аргун, Баас, Хулхулау, Сулак, Акташ и Сунжа. Как свидетельствует археология, осваиваясь по лесистым склонам Качкалыковского хребта, в Воздвиженском и Татартупском ущельях, поморцы ставили по северному высокие срубы на столбах, творя всё, как на далёкой, но не забываемой родине: внутри – по правую руку печь, а по левую – иконы, снаружи резали наличники, венчая крыши характерным коньком. Первопоселенцы, не заводя пахот, хозяйствовали охотным и рыбным промыслом, очень медленно обрастая огородничеством, и, сами дерзкие воины, для спокойствия от лихих же соседей-кочевников, в первую очередь седлали высокие горы-«гребни». Отсюда наследное название их потомков – «гребенские казаки и казачихи». Прозвание «казаки» добавилось гораздо позже, когда в пятнадцатом веке потянули на Кавказ от входящей в силу Москвы новгородские, тверские и вятские любители вольницы, подгоняемые великим голодом начала двадцатых годов. Шли они, огибая казанских работорговцев, оружием отстаивая свою мечту о свободе, и отсюда «казак» – военный термин, которым турки обозначали вольных всадников, не платящих дани. Именно в этом значении слово «казак» и стало самоназванием для русских мигрантов, в XV-XVI веках заселявшим степные просторы между Волгой и Днестром.

Упорно сторонясь прибылых, веками не роднясь с западными смердами и южными казаками, аборигены-гребенцы и до нашего времени сохраняют северные «оканье» и двуперстие, по-поморски семь дней оплакивают невест, почитают Святки и не представляют «ни в пиру, ни в похмелье, ни на поминках» стол без рыбы. В отличии от выходцев из южных славян, их старики не верят в днепровско-дунайских русалок, но точно знают нагих, с отвислыми закинутыми на спину грудями, лабаст, живущих в болотах, омутах, подобно кикиморам и ягам Оки и Двины. Главное же то, что в гребенских былинах не запечатлелась, произошедшая позже их поселения на Кавказе, борьба Руси с монголо-татарами.

Летом 1556 года отряды стрельцов и казаков под командованием воеводы Черемисинова и атамана Филимонова взяли Астрахань, что привело к овладению Русским Государством всем Северным Кавказом до Терека. В тот же год произведён указ, определивший отношение к казачеству, как постоянной военной силе, и гребенские казаки стали привлекаться на службу Русским Царям: получая от казны порох, оружие и продовольствие, ответно они «десятками» и «сотнями» сопровождали государевы посольства и торговые караваны, помогали союзным России кабардинским и иным князьям, защищая их городки и острожки от нападений персов и горцев. По старообрядческому преданию Казачье Войско Терское было организовано Иоанном Васильевичем Грозным именно по просьбе Кабардинских князей Черкасских, присягнувших на верность Русскому государству и вступивших в Опричнину: «Государь-де, Иоанн Васильевич, пожаловал их и велел на реке Терек в устье реки Сунжи город поставить».

Отсюда, с «Терки»-Терека, в 1606 году уже четыре тысячи казаков отплыли в Астрахань, дабы участвовать в водвороте Великой Смуты.

С середины семнадцатого века Россия и Польша впервые договорились разделить свои южные фронты: поляки повели войну только в Турции, а русские в Крыму. Но в 1650 году, притесняемый Персией Имеретинский Царь Александр принес присягу на верность Русскому Царю, и проблем у нас сразу добавилось: Россия получила могучего противника при крайне ненадёжной защите. Казачество, хоть и привлекалось к службе, но на вольных условиях. Так, громившие, было, персидский флот и совершавшие удачные набеги по восточному побережью Каспийского моря, казаки Стеньки Разина весной в 1670 года вдруг да повернули оружие против Москвы! Именем двуперстия бунтовщики взяли Астрахань, Царицын, Саратов и Самару, опустошили окрестности Симбирска, Тамбова, Нижнего Новгорода, пока, наконец, не потерпели поражение уже под Симбирском.

Правление Петра I – время активных административных и военных реформ, направленных на усиление централизма и укрепления окраин великой Империи. И в 1721 году Гребенское казачество становится регулярным войском, с переводом в подчинение Военной коллегии. Первоначальный срок службы определялся в 30 лет, затем, в 1856-ом

году сократился до 25, а в 1891-м – до 20 лет. Казачьи станицы соединяли собой сплошную кордонную линию, где через 2-3 версты располагались сторожевые посты. Возлагались на станичников обязанности чинить дороги, строить мосты, поддерживать укрепления крепостей, заготавливать лес для строительства, проводить земляные работы, но, конечно же – прежде всего Терско-Гребенское и Кизлярское казачество участвовало во многих военных кампаниях: от боёв под Чигириным и Азовом, до Русско-Японской и Первой мировой войн.

В междуречье Сулака и Аграхани в 1723 году закладывается крепость – Святой Крест (Будёновск), близ которой, по распоряжению правительства, расселяется тысяча семей донских казаков. Через двенадцать лет, после Ганджинского договора с Ираном, донцы переселяются на левобережье тремя станицами: Бороздинской, Каргалинской, Дубовской, под общим названием Терско-Семейного войска.

В 1735 году на левобережье Терека в шестидесяти верстах от Каспийского моря был заложен город Кизляр. Этот старейший русский город на Кавказе, в XVIII – первой половине XIX века он являлся главным военно-политическим центром и назывался «русской столицей Кавказа». В 1762 году крещёному кабардинскому князю Кончокину было разрешено переселиться в урочище Мездогу, и в 1763 году здесь было заложено укрепление, преобразованное позднее в город Моздок, заселённый грузинами, армянами, осетинами и греками. В 1771 году создан Моздокский казачий полк, в который входили станицы Галюгаевская, Ищерская, Наурская, Мекенская и Калиновская. Кстати, именно Ищерскими, Наурскими и Галюгаевскими казаками в том же 1771 году избирается войсковым атаманом Емельян Пугачев. Беглый донской казак наобещал местным станичникам поехать в Москву, дабы выхлопотать повышенное жалование и провиант, но, вместо этого, по дороге объявил себя очередным самозванцем, с известными всем печальными последствиями.

1785 году указом Екатерины II было создано Кавказское наместничество в составе двух губерний: Кавказской и Астраханской. Кавказская губерния вобрала в себя все земли на Северном Кавказе, расположенные между Кумо-Манычской впадиной на севере и реками Терек, Малкой и Кубанью на юге.

В 1832 году было создано единое Кавказское линейное казачье войско (КЛКВ), куда вошли станицы от Средней Кубани до устья Терека. Все казачьи войска были переименованы в полки, принимавшие самое активное участие в Кавказской и Турецких войнах.

Ермолов, Паскевич, Головин, Грабе.... С 1817 года Россия мирила и смиряла мятежный Кавказ, всякий раз предательски бьющий в спину – как только она теснила границы Оттоманской Империи, защищая и освобождая единоверцев – кабардинцев, осетин, грузин, армян, болгар, греков.

Православие – идеологическая матрица, в которой из южных и северных славян, угров и тюрков отлилась Россия. Православие, унаследованное Москвой от Византийской Империи, сотворило Империю Российскую. Империю, в которой, на основе восточнохристианских пониманий добра и зла, правды и неправды, мер свободы и принуждения, на тысячу лет на величайших просторах состоялась сложнейшая симфония и великих и малых религий, культур и этносов – кочевых и оседлых, с бесчисленными кастами, сословиями, цехами и общинами. Империя – наднациональная семья, где старшество – ответственность, а младшество – возлюбленность, и каждый народ находит своё место и востребованность.

Ислам и Православие. Ещё в самом начале четырнадцатого века правивший в Персии потомок чингизидов, христианин хан Олджайт перешёл в мусульманство, а вскоре Ислам стал официальной религией Золотой Орды. Однако и Персия, и Орда довольно вяло вели религиозное принуждение своих ситилитов, довольствуясь административным господством, и окончательная исламизация Кавказа произошла лишь к середине 18-го века, когда здесь объявился новый доминант – Турция. Только тогда прекратились межэтнические браки

прибывавших славян и местных народностей, а так-то живы семейные хроники, утверждающие, что Фроловы пошли – от донцов, а Тихоновы – от татар, Рогожины – от калмыков, а Егоркины, Титкины и Гулаевы – от бежавших от ислама чеченцев из тейпа Гуной – ибо в отличии от персов и турок, русские никогда не ставили задачей прозелитство, и кавказскими язычниками христианство принималось совершенно вольно, из личных побуждений.

Но особенностью религиозной жизни попавших в Российскую жизненную сферу чеченцев оказалось то, что они не восприняли пришедший на Кавказ суннизм в чистом виде, а изначально оказались во власти сектантства – суфийских муршидов. Гностическое учение, основанное на психосоматической практике, веками критически позиционировало себя к основным мусульманским конфессиям, произвольно трактуя наследие Пророка, образовывало тайные братства-«вирды» на закрыто-семейных принципах. И поэтому тейповое сознание горцев идеально подлегалось под устаз (учительство) суфиев.

Впрочем, не гладко шли религиозные дела и у местных русских. С 1738-го года у гребенских казаков начались осложнения с государственной Церковью: вышедшие из Руси задолго «до Никоновского исправления», гребенцы, не принимая непосредственного участия в расколе, хранили приверженность к «старым отцовским обрядам» и крестились двумя перстами, ходили «посолонь», двоили аллилуйя. Когда духовные власти попытались принудить казаков отступить от двуперстия, то они в 1745-ом году заявили кизлярскому коменданту: «креститься тремя персты казаки не будут, хотя бы за то пришлось им пострадать и умереть». Для разрешения конфликта потребовалось вмешательство Сената, постановившего запретить преследовать казаков-староверов – *«понеже они живут в самом пограничном месте и по их легкомыслию, тако-ж по нынешним конъюнктурам для того обрасчения строгости употреблять несходственно»*.

Постоянно растущее автохтонное население и активная миграция в долину славянских, армянских, грузинских и греческих поселенцев к концу восемнадцатого века остро поставили земельный вопрос. Как рапортовал управляющий Кавказской губернией генерал-лейтенант Ртищев: *«земли состоящие в Кавказской губернии не приведены ещё в точную известность... народам надлежащим порядком не отмежеваны и каждое состояние и звание людей не надлено узаконенною пропорциею земли отчего... каждый старается удержать оные за собою по одному только самовольному праву сильного, и одни делают распашки... от чего беспрестанно продолжаются между жителями и в особенности между поселенными казаками и крестьянами и частью азиатцами споры и жалобы»*. Генерал-губернатором было решено *«утвердить во владение казакам те земли и леса, которые были заняты при первом... переселении на Линии и придать нужное количество земли в той пропорции, которая назначена в 1797 году»*: командирам – 300 десятин, старшинам – 60, рядовым казакам – по 30 десятин.

Только через почти сто лет, в 1869 году было принято Положение «О поземельном устройстве в казачьих войсках», объявившее все станичные земли в общинном владении, с выделением земельных паев всем обязанным отбывать воинскую повинность казакам, достигшим 17-летнего возраста. Однако полпая давалось и вдовам, и сиротам, а также из свободных земель выделяли участки семьям, в которых было много дочерей. Наделялась земля казачьим офицерам взамен пенсий.

Одним из доходнейших промыслов Терского казачества было виноградарство с винокурением. В целях поднятия культуры вино-водочной отрасли и подготовки специалистов в Кавказской губернии государевым указом в 1807 году в Кизляре было открыто первое в России училище виноградарства и виноделия. Большой спрос на кизлярские (терские) виноградную водку и вино вызвали настоящую виноградную лихорадку на Тереке. Наибольшее развитие виноградарство и виноделие в этот период получило у гребенских казаков, так, в 1825-1828 годах только в пяти станицах Гребенского войска виноградниками было занято около 500 десятин, вина добывалось ежегодно до

216000 вёдер, из которых более половины шло на перекур водки. Только одна станция Червленная производила в год до 148 тысяч вёдер вина.

Ввиду наступления мира, в конце 60-х годов XIX века Терское войско становится Терской областью, которая поделена на три отдела – Пятигорский, Кизлярский и Сунженский, и четыре округа – Владикавказский, Хасав-Юртовский, Нальчикский и Грозненский. Интересно и показательно то, что и после официального «замирения» продолжая вялотекущую оборонно-карательную войну с горскими разбойниками, казаки накрепко вошли в симбиоз с кочевниками-скотоводами: главными поставщиками скота в регионе были ногайцы. Экономические структуры двух этносов – садово-огородной и виноградарской казачьей и животноводческой ногайской, дополняли друг друга, взаимовыгодно развиваясь на строго определенных территориях.

В марте 1917-го в Грозном настала полная неразбериха: тут создаётся орган Временного правительства – Гражданский комитет, но, параллельно, образуется и Грозненский совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Воспользовавшись русским расколом, националисты мгновенно проводят Чеченский съезд, на котором избирают «Чеченский национальный совет», по вдохновению которого начинаются систематические нападения чеченских банд на участок Владикавказской железной дороги «Грозный-Хасавюрт», а после вывода из города регулярных частей Русской армии – грабёж и поджоги нефтепромыслов. Под новый же год город вообще на пару месяцев оказался в руках чеченской «Дикой дивизии»!

В восемнадцатом году Моздокскими и Владикавказским съездами избран Терский народный совет, как орган власти Терской Советской Республики, в который вошли представители кабардинского, балкарского, чеченского и ингушского народов, терского казачества и «иногородних». Однако, когда с весны 1919-го Грозный занимают войска Кавказской Добровольческой Армии генерала Врангеля, то, по предложению Орджоникидзе, во Владикавказе Съезд вооруженного ингушского народа тут же провозглашает независимую Горскую Советскую республику, в которую затем вошли Чечня и Ингушетия.

Безнаказанностью междувластия Гражданская война на Кавказе обратилась чеченцами и ингушами во всеобщий круговой грабёж и захват рабов. Они выступали то на стороне красных, то белых, всегда преследуя только свои корыстные цели. Вступая в договорённости, тут же предавали поверивших им «союзников». Так что, не смотря на «окончательную и бесповоротную победу коммунизма», достаточно крупные банды, организуемые на родственно-тейповых началах, контролировали в горах целые районы и в 29-м, и в 30-м, и даже в 32-м году.

У казачества с новой Советской властью отношения складывались, мягко сказать, тоже неоднозначно. Так, если среди дончаков нашлось немало убеждённых сторонников большевизма, а многие кубанцы желали просто «самостийности», то за терцев все было решено с того момента, как Орджоникидзе назвал главной опорой большевиков чеченцев и ингушей: Съезд вооруженного ингушского народа первым делом принял решение о «ликвидации чересполосицы», то есть, о выселении казаков в глубь России и передачи их земель горцам, главным образом тем же чеченцам и ингушам. Против такой резолюции выступила только осетинская делегация. Для выполнения данного решения «ландскнехтов революции», так называл чеченцев и ингушей Троцкий, дополнительно вооружили и укрепили отрядами Красной гвардии, и всего за несколько дней 1918 года было истреблено около двенадцати тысяч казаков – в основном стариков, женщин и детей, так как большинство мужчин находилось на фронтах, а семьдесят тысяч были изгнаны из своих домов. Ряд станиц сегодняшнего Пригородного района Северной Осетии превратились в «аулы». После ухода Деникинцев жертвами геноцида стали даже семьи тех казаков, что сражались в Красной Армии.

Поэтому с 1920-го по 1923-й годы на Тереке существовало повстанческое движение. Особо уполномоченный ВЧК по Северному Кавказу Ланде: *«Станицы и аулы, которые укрывают белых, будут уничтожены, взрослое население расстреляно, имущество конфисковано, все люди, оказывающие то или иное содействие белым бандам, будут подвергнуты расстрелам; у большинства находящихся в отрядах белых остались в городах и станицах родственники, все они взяты нами на учет. В случае продолжения бесчинств и выступлений белых, все взрослые родственники сражавшихся против нас будут арестованы и расстреляны, имущество конфисковано, малолетние высланы в Центральную Россию. В случае массовых выступлений отдельных станиц и городов мы будем вынуждены применить в этих местах красный террор: за каждого убитого красноармейца или советского работника поплатятся жизнью сотни лиц, принадлежащих к буржуазным слоям».*

Большевики спешили покончить с казачеством физически и юридически: 29 февраля 1920 года неизвестно из кого собранный в Москве «1-й Всероссийский съезд трудового казачества» объявляет о «ликвидации казачьего сословия», а 18 января 1921 года ВЦИК постановил «образовать автономную Горскую ССР, в состав которой включить территории, занимаемые ныне чеченцами, осетинами, ингушами, кабардинцами, балкарами карачаевцами и живущими между ними казаками и иногородцами, а именно: а) Чеченский округ (бывший Веденский и Грозненский округ правобережная часть Кизлярского отдела и восточная часть бывшего Сунженского отдела)».

К середине двадцатых Терское казачество фактически перестало существовать, земли казаков были переданы в ведение вновь образованных кавказских республик, уничтожено даже само наименование «казак» – в паспортах терские и гребенские (потомки поморцев!) казаки записывали «украинцами».

Интернационалисты ленинско-троцкистского периода видели для дела «мировой революции» главную опасность в национальном великорусском самосознании, и в своей борьбе за овладение Россией делали ставку на любые антирусские, антиправославные силы. Однако очень скоро оказалось, что горские родоплеменные союзы, используемые в Гражданской войне за право на грабёж городов и станиц, в принципе не встраиваются ни в какую государственность, оппозиционируя к любой власти, в том числе и к подарившей им готовое жильё в окультуренных садами, пашнями, оросительными системами и дорогами долинах.

Это особо ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны, когда горцы массово принимали сторону фашистских оккупантов. Так в показаниях захваченного НКВД «работавшего» по Кавказу немецкого разведчика, полковника Губе Османа, читаем: *«Среди чеченцев и ингушей я без труда находил нужных людей, готовых предать, перейти на сторону немцев и служить им. Меня удивляло: чем недовольны эти люди? Чеченцы и ингуши при Советской власти жили зажиточно, в достатке, гораздо лучше, чем в дореволюционное время, в чем я лично убедился после 4-х месяцев с лишним нахождения на территории Чечено-Ингушетии. ... Я не находил иного объяснения, кроме того, что этими людьми из чеченцев и ингушей, настроениями изменческими в отношении своей Родины, руководили шкурнические соображения».*

Ещё до начала войны разрозненные уголовно-бандитские группы с помощью фашистской агентуры обретали идеологическую базу, объединяясь затем и под единое подпольное руководство, что позволило в январе 1942-го во Владикавказе (тогда Орджоникидзе) провести нелегальное учредительное собрание «Особой партии кавказских братьев» – ОПКБ, которая, среди главных целей ставила:

«а) объединить все антисоветские организации и группировки в единую братскую партию ОПКБ и расширить эту партию по всему Кавказу;

б) обеспечить полную дезорганизацию тыла, остатки советской военицины на Кавказе, ускорение гибели большевизма на Кавказе и действовать во имя поражения России в войне с Германией;

в) *создать на Кавказе свободную братскую Федеративную республику – государство братских народов Кавказа по мандату Германской империи;*

г) *обеспечить за кавказскими братьями неограниченные права для политико-административного и хозяйственно-экономического управления Кавказа со всеми его ископаемыми и прочими богатствами и руководствоваться лозунгом ОПКБ "Кавказ – Кавказцам!"»*

Как тут не вспомнить «лесных братьев», сроенных явно по тому же клише и теми же портными? А это слова самого Гитлера, эхом повторяемые и в наше время: «Там, на Востоке, сохранился след древней германизации Северного Кавказа – Чеченцы – арийское племя». Так, за активную помощь диверсантам-парашютистам под командованием офицера германской разведслужбы Ланге, Алаутдин Хамчиев и Абдурахман Бельтоев были награждены рыцарскими орденами.

Докладная записка заместителя наркома госбезопасности, комиссара госбезопасности 2-го ранга Б. Кобулова на имя Л. Берия «О положении в районах Чечено-Ингушской АССР», по результатам инспекционной поездки в октябре 1943 года: *«По данным НКВД и НКГБ ЧИ АССР на оперативном учете было 8535 человек, в том числе 27 немецких парашютистов; 457 человек, подозреваемых в связях с немецкой разведкой; 1410 членов фашистских организаций; 619 мулл и активных сектантов; 2126 дезертиров... На 1 ноября в республике оперируют 35 бандгрупп с общей численностью 245 человек и 43 бандита-одиночки. Свыше 4000 человек – участников вооруженных выступлений 1941-42 гг. – прекратили активную деятельность, но оружие – пистолеты, пулеметы, автоматические винтовки не сдают, укрывая его для нового вооруженного выступления, которое будет приурочено ко второму наступлению немцев на Кавказ».*

За двадцать лет большевики так и не смогли приручить горцев, сколь бы старательно не заигрывали с ними, сколько б не вкладываясь в их развитие и образование, в том числе, создав в 38-м году чеченскую письменность: представители Советской власти, первые лица её правоохранительных и идеологических органов всегда предпочитали родственные связи личным убеждениям или карьере, и начальник(!) Республиканского НКВД Албогачиев-Терлоев писал брату – главарю банды: *«Привет тебе! Я очень огорчен, что твои горцы раньше положенного времени начали восстание. Я боюсь, что если ты не слушаешь меня, и мы, работники республики, будем разоблачены... Смотри, ради Аллаха, держи присягу. Не назови нас никому».*

И туда же: *«Начальник Старо-Юртовского райотдела НКВД Эльмурзаев вместе с районным уполномоченным заготовительной конторы Гайтыевым и четырьмя милиционерами, забрав 8 винтовок и несколько миллионов рублей денег, скрылся в горах...».* *«При приближении линии фронта в августе-сентябре 1942 г. бросили работу и бежали 80 человек членов ВКП(б), в т.ч. 16 руководителей райкомов ВКП(б), 8 руководящих работников райисполкомов и 14 председателей колхозов ЧИ АССР...».*

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР: *«...Во время Великой Отечественной войны, когда народы СССР героически отстаивали честь и независимость Родины в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, многие чеченцы и крымские татары по наущению немецких агентов вступали в организованные немцами добровольческие отряды и вместе с немецкими войсками вели вооруженную борьбу против частей Красной Армии, а также по указке немцев создавали диверсионные банды для борьбы с советской властью в тылу, причем основная масса населения Чечено-Ингушской и Крымской АССР не оказывали противодействия этим предателям Родины».*

Два раза успокаивался Кавказ. Впервые – когда увлечённые агентами Франции и Польши, проигравшие войну русским войскам, чеченцы массово эмигрировали в Турцию. Второй – Сталинское выселение в Казахстан. Эти были жёсткие, жестокие акции, но они реально дали хотя бы краткие периоды спокойного земледелия, роста промышленности, нефтедобычи на Кавказе, периоды благополучия для большинства разноплеменного

населения этого благодатного края. Да, это тяжёлая, вызывающая естественный протест разума и эмоций у любого, воспитанного в христианской вере, в европейской культуре человека, но – это правда. Может быть, существует иное разрешение вопроса «бескровного» соседства с горцами, веками, уже генетически воспринимающих жителей долины только как средство для собственного жизнеобеспечения? Вот мнение профессионала – командира 28-й стрелковой Горской дивизии, до того подполковника царской армии А. Д. Козицкого, подавлявшего чеченские восстания 20-х - 30-х годов:

«Несколько слов о методах борьбы на Кавказе. Те мягкие меры, которые мы применяем, отнюдь не влияют на горцев так, как бы они влияли на культурное население. Наоборот, у них возникает впечатление о нашей слабости. Это из сущности быта горцев вытекает... Взять, например, случай с изуродованным красноармейцем 28-го кавэскадрона в Чечне, когда селение, жители которого замучили красноармейца, не понесло должного наказания, а выискивались отдельные виновники, которых селение укрыло. Данный случай они отнесут к нашей гуманности, которая им непонятна, по условиям их нравов и обычаев (кровавая месть, несоблюдение которой позорит весь род).

Возьмем пример 1925 года, когда я брал шейха Асалтинского в Дае, я заставил аул привести его, и это можно сделать всегда. У них, как ни у кого, круговая порука. У них нет случая, о котором не знало бы все население. Нет скрывающегося бандита, места которого не знает население. По их адатам ответственность несет не преступник-убийца, а весь род и поколение. Мы не разрушили ещё этих взглядов, мы считаться с этим должны».

И как бы откомментировали эти слова боевые офицеры, участники сегодняшних Чеченский войн?..

Репрессированное, почти уничтоженное физически Свердловым, Орджоникидзе и Троцким, казачество даже в запрете и гонениях оставалось естественной, природной опорой России, не взирая на политические режимы, оно продолжало считать себя воинским щитом Державы, которая превыше общих обид, важнее личной жизни. Эту державность и использовал Сталин, когда начал борьбу с интернациональной «гвардией» Ленина-Троцкого: в русле заявленной им политики укрепления государственности и возврата исторических традиций, в сентябре 1935 года было опубликовано правительственное постановление о введении в Красной армии званий, упразднённых Октябрьской революцией, и уже в декабре, на праздновании годовщины ОГПУ (!), в Большом театре, в третьей от Сталина ложе присутствовала группа казачьих старшин в форме царского образца, с золотыми и серебряными аксельбантами. 20 апреля 1936 года выходит постановление ЦИК СССР о полном восстановлении казачества, вплоть до возвращения формы и атрибутов, а приказом наркома обороны Ворошилова от 23 апреля ряд кавалерийских дивизий получают наименование «казачьих». Показательно, что приказе, в частности, говорилось о том, что при переименовании 10-й территориальной кавалерийской Северокавказской дивизии в 10-ю Терско-Ставропольскую территориальную казачью дивизию, необходимо исключить из её состава все эскадроны горских национальностей.

Нефть.

Первое упоминание в рукописях Пушкарского приказа о найденной «казанской чёрной нефти» – 1637 год. А в 1823-ем в Моздоке братья Василий, Герасим и Макар Дубинины сооружают и пускают первый промышленный куб для перегонки тяжелой Вознесенской нефти. В долине реки Кудако Краснодарского края отставной уланский полковник А. Н. Новосильцев пробурил скважину, из которой в 1864 году ударил первый в России фонтан нефти, и к началу двадцатого века наша страна заняла в мире первое место по её добычи. В приснопамятном 1913 году мы добывали приблизительно одиннадцать миллионов тонн, а в 14-ом в начал эксплуатироваться первый русский нефтепровод «Грозный–Петровск-Порт» (Махачкала).

Что без нефти сегодняшний мир? Нефть и газ были, есть и на обозримое будущее останутся основой обеспечения человечества энергией и сырьем.

А что без неё сегодняшняя война?

Изобретение двигателя внутреннего сгорания принципиально изменило характеристики наземных военных действий, захватив и связав их в единый рокошующий клубок с морем и воздухом. После Первой мировой нефть из составной части войны становилась её первопричиной. «Мои генералы ничего не знают об экономических аспектах войны», – проговаривался Гитлер, и к началу 1942 года Берлин спланировал операцию «Блау», основной целью которой была кавказская нефть, затем должны были последовать месторождения Ирана и Ирака, откуда предполагалось продвижение на Индию. Германский министр вооружений и военной промышленности Альберт Шпеер признал на допросе в мае 1945 года, что «потребность в нефти, несомненно, была основным мотивом» при принятии решения о вторжении в южную Россию».

Начало Великой Отечественной войны большинство казачьих формирований встречало на западных границах. Уже в 4 часа утра 22 июня 6-я Чонгарская кавдивизия вступила в бой, первым получил боевое крещение 94-й Белоглинский казачий полк. Кроме кавалерийских, из кубанских и терских казаков были сформированы пехотные пластунские дивизии.

С объявлением войны в станицах началось формирование и добровольных сотен. На сборные пункты казаки прибывали на колхозных лошадях со своим обмундированием и холодным оружием. 63-х летний казак из станицы Родниковской Михаил Грачев пришел в кавэскадрон с шестью сыновьями, а кубанский казак Иван Зубенко стал служить в части с женой, двумя дочерьми и 17-летним сыном.

2 августа 1942 года под станицей Куцевской 17-й кавалерийский корпус в составе 12-й Терско-Кубанской, 13-й Кубанской и 116-й Донской казачьих дивизий остановил наступление фашистов, двигавшихся от Ростова на Краснодар. Но чаще кавалерийские группы совершали рейды в тыл врага, и, как правило, назад через линию фронта пробиться удавалось немногим. Только когда в 1943 году кавалерийские дивизии стали объединять с танковыми в конно-механизированные группы, это сразу расширило боевую эффективность кавалерии, и резко снизило потери личного состава.

Воссозданные Казачьи войска достойно показали себя на всех фронтах Великой Отечественной войны, и, попоив коней в Эльбе, казаки затем продемонстрировали своё боевое искусство самураям в освобождаемом Китае. За подвиги в боях с врагом 262 кавалериста стали Героями Советского Союза, 7 кавкорпусов и 17 кавдивизий заслужили звания «гвардейских».

После смерти Сталина русофобская политика развернулась с новой силой. Русские, и, прежде всего, казачьи земли опять раздавались Хрущёвым укрупняющимся «союзным социалистическим республикам», старинные города и процветающие станицы заселялись кочевниками, открытые Великой Отечественной войной православные храмы наново закрывались и разрушались, искажалась история. Именно в этом антирусском контексте 16 июля 1956 года прозвучало: *«...Учитывая, что осуществление ограничений в правовом положении находящихся на спецпоселении чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны с Северного Кавказа, в дальнейшем не вызывает необходимости, Президиум Верховного Совета СССР постановляет: Снять с учёта спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов Министерства внутренних дел СССР чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны с Северного Кавказа».*

В казахской ссылке суфийское братство сторонников Вис-хаджи, боясь сокращения рождаемости (карательные органы, да и сами казахи жестоко казнили молодых чеченцев, попытавшихся наладить традиционное воровство скота и грабежи соседей) объявило благословенным институт многожёнства. Оставшиеся в поселениях старики обязывались спать со всеми «свободными» женщинами и девушками. Поэтому на «историческую родину» вернулось трижды (!) увеличившееся за тринадцать лет число репрессированных. И

никакие горы уже не могли прокормить стольких потомков «...людей, готовых предать, перейти на сторону немцев и служить им».

Гребёж и работорговля – вековая основа экономики горцев. Сложившееся исторически (родовая замкнутость) и обоснованное идеологически (религиозная секта) «моральное право» на господство человека над человеком, народа над народом «подтверждалось» «первородством» чеченцев, которые, согласно своим мифам, единственные на Земле ведут непересекающуюся родословную от Ноха (Ноя), с момента высадки того на Арарате. Появившееся ещё в конце восьмидесятых движение «Барт» (Единство) проповедовало идею расового превосходства чеченцев над остальными кавказскими народами (не говоря о славянах) и исторической миссии по утверждению над всеми своей гегемонии. Не смотря на антропологические доказательства несуществования «ичкерийской» нации, с не сложившимся самодостаточным языком, даже не имевшие до недавнего времени собственной письменности чеченцы на самом примитивном уровне воспринимали нацистские идеи, инициировавшие их из сообщников уголовно-рабовладельческих банд в очередной «богоизбранный» народ. Окормляемый «кавказским Геббельсом» Мовлади Удуговым, «Барт» учредил газету, первые номера которой печатались в типографии Народного фронта Латвии. Финансировала газету чеченская диаспора в Москве, завоз тиража в республику осуществлялся студентами московских вузов. Далее сторонники Дудаева рассылали гонимых в горные аулы и юрты для агитации, добавляя к печатному слову видеоролики о «русских зверствах в отношении вайнахов». И, наконец, в действие вступил многодневный митинг-зикр на площади Шейха Мансура – суфийская разработка воздействия на толпу, уже опробованная в Армении, Азербайджане, Молдавии и Литве.

И Россия познала своё Косово:

В следствии геноцида с 1991 по 1994 год территорию Чечни и Ингушетии покинули 54000 казаков и казачек (всего же, по данным ФМС, русскоязычного населения с территории Чечни Ингушетии бежало около 300000), более 12000 казаков и казачек было убито или пропали без вести (общее число жертв, по данным МВД РФ, порядка 30000). И как же тогда казаки просили у Кремля хоть какого-нибудь оружия! Хоть какого-нибудь. Ведь, до захвата в 1992-ом году дудаевцами армейских складов, ещё можно было отбиться самим, можно было не допустить «показательной казни» атамана Сунженского отдела Терского казачьего войска Александра Подколзина, мученической смерти настоятеля Православной Церкви в Урус-Мартане отца Анатолия, обезглавливания казачьих старейшин в станице Червленой. Как пример геноцида – станица Асиновская, где боевиками Дудаева было зверски убито 49 человек, все жительницы станицы (русские, украинки, армянки) в возрасте от 12 до 80 лет изнасилованы, осквернены и сожжены православная церковь, один священник убит, другой похищен. Все дома заняты чеченцами, имущество у убежавших отнято.

Это вот за эти 120 000 захваченных домов и квартир в русских городах и казачьих станицах сегодняшние «жители Чеченской республики», в случаях разрушения их в ходе боевых действий, получают с русских же по 350 000 рублей компенсации. В то время, как истинные беженцы не могут высудить у «своего» правительства и пятидесяти, чтобы приобрести хоть какую-то халупу в местах, где нет и не предвидится никакой работы.

С нашим атаманом

Не приходится тужить....

В ТОТ ЖЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ.

А разгрузиться они не успели. Когда их «урал» уже вворачивал в ворота базы, в напаренном воздухе решительно потемнело, и низкое – по вершины пирамидальных тополей, небо разом навалилось на долину и город непроглядно фиолетово-чёрным шевелящимся войлоком. От этого на земле всё стало жёлто-серым, плоско-бесплотным и бесшумным.

Когда вслед за природой испуганно приглож и двигатель, они, напоследок качнувшись по ходу торможения, в озадаченном молчании передавая друг другу оружие, попрыгали на мягкий асфальт двора и заоглядывались. И в этот самый момент по каскам, плечам и спинам с шелестом покатались матово-белые комочки.

Первые льдинки, мелкие и нечастые, предупреждающе небожно поклёвывая лица и руки, весело погнали всех под навес, и только Зуб задержался, захлопывая лючки бронированного кунга. Он почти успел, почти добежал, когда низкое войлочное покрытие прямо над базой оглушительно разорвалось в мелкие клочки. Частая бело-голубая сетка расхлестнула воздушную темноту, выбрызнув в пересекающиеся зубчатые трещины непереносимо слепящую сжиженным светом плазму.

И хляби разверзлись.

Круглые градины, величиной с пробки от пластиковых бутылок, вбиваясь и рикошета, застучали, загремели, зазвенели по шиферу, железу, листьям, асфальту, скамьям и столешницам, за пару минут покрывая все горизонтальные плоскости нетающими горками пупырчатой полупрозрачной коросты. До поры таившийся в вышине ветер наконец-то сорвался, и со всей накопившейся злобой низвергнутого с километровых высот холода щедро вколачивал в прокалённую до песочной сухости землю заряды всосанной через воронку циклона космической шрапнели. Нежные широколиственные деревья, осыпаясь, дрожали и гнулись по кругу, вымаливая пощады, но их рыхлая южная древесина не выдерживала плотного давления и ломилась, ломилась под карающими ветряными метаниями и скрутками.

После третьего, точно такой же сеткой исчертившего всё небо от края до края, ослепительного и оглушительного разряда, град помешался с каплями дождя, а затем и вовсе уступил хлынувшим нераздельным струям нежданного потопа. Разряд! Разряд! Ещё и ещё. Воздух, точнее, непродыхаемая взвесь из воздуха и воды почти непрерывно разряжалась сотнями и тысячами сплетённых змей и змеек, избавляясь от накопленного напряжения небесных претензий к тому, что творилось на этой, так скоро забывающей о заключённых заветах, так часто неверной своему обещанному земле. Треск угрожающе близких молний, гул сливающихся с крыши, брызжущих пеной водопадов, сникшие, переломанные плети ветвей и давно подзабытая прохлада настраивали на соответствующе вечное.

- Что, девчонки, любо? Вот силища-то! – Белозубо скалясь, Колян близко заглянул в лица жмущихся друг к другу поварих.

- В такие минуты только и понимаешь свой истинный размер. В сравнении с природой.

- А-а, человек ко всему привыкает, ничем не образумишь.

В мерцающей слепоте сместились все понятия о масштабах, и двор казался сплошным бурым морем, редко блестящим в кипящей бескрайности островками забитых трав. Насколько было видно сквозь тёмно-серый ливень и встречный ему светло-серый туман, придавленные небесным гневом деревья окончательно смирились и только подрагивали от боли.

Но вот между вспышками и громом появился тонкий, однако с каждым разом всё заметнее увеличивающийся зазор, и по сплошному разливу коричневой мути часто заиграли-запрыгали недолговечные серые линзы.

- Пузыри – это к концу.

- На югах грозы всегда короткие.

Поскрипев дверьми, за угол, мимо курилки, к ОКПМ полубегом по лужам прошлёпала отдыхавшая смена, спеша вне очереди подменить попавших под нежданный разгул стихии патрульных. Ох, и досталось же ребятишкам!

Где-то над центром ещё выплясывали тончайшие волоски молний, но долго докатывающийся гром дробился в неуверенное незлое бурчание. Вот и всё. Между верхней и нижней твердями вновь воссияло супружеское примирение: в синем-синем небе осветлённые, вспененные лёгкостью облака косо сползали к вычертившимся ледникам

Сунженского хребта, а замыкавшую их отход двойную радугу звонко приветствовали высокие ласточки.

- Гроза над Грозным. Звучит-то как!
- А окопам – копец. Тоже звучит. Но грустно: придётся заново прокапывать.
- Да, каналы. Так, может, пока туда карпов запустить?
- И толстолобиков.

Стекающая со всего двора вода ручьями собиралась, заполняя почти до краёв, в яму для мусора. И вздувшаяся шапка хлама предательски выдавала чьи-то, казалось, насовсем упрятанные секреты быта и гигиены.

- Вот, оказывается, где мои шлёпанцы.
- А чего это к ним какая-то резинка прилипла?
- Это от твоих трусов.
- Странное соседство.
- Я бы сказал: занятная дружба.

Грязный, но чрезвычайно довольный собой Фитиль тащил в пасти выгнанного потопом из норки и тут же придушенного толстого чёрного хомяка. Полкан и Стрелка, след в след аккуратно обегая розово парящие лужи, заинтересованно эскортировали удачливого охотника.

- Блин, настоящий интендант: кому – война, а кому – мать родна. Хомяку горе, а кобелю добыча.

- Да, ладно ты, отстань: Фитиль правильный ветеран, имеет право на контрибуцию.

К восьми вечера солнце почти окончательно испарило все следы водяного буйства. Только облепленная взбитым песком трава, расправившись, возносила, как щиты павших героев, ещё совсем зелёные сбитые листья.

Пора на смену. Ивану Петровичу у любимых ворот, где свои четыре часа докарауливал Рифат.

- Держи! – Рифат отсыпал в протянутую ладонь горсточку кедровых орешков. – Последние, из дома. А что на ужин?

- Всё то же: еда. Гречка со свининой.

- Понятно. Слышь, старый, такое дело – там Черкас в самоволке, ты его потом запусти.

- Какой самоволке?

- Самой обыкновенной. Оне где-то тут недалече по садочкам с племянницей твоего лучшего друга прогуливаются. Младой Печорин юной Бэле романтические байки, поди, разводит. Про любимую жену, в том числе.

- Постой! Погоди: какая племянница? Чья?

- Да Хазрата. Ну, пигалица из магазинчика, от которой ты сам же ему записочки таскал. Не бойсь: Славка с «калашом», а я ему ещё гранатку подкинул. Всё, бывай, жрать охота.

Иван Петрович растерянно проследил уходящих за разводящим Рифата и Андрея, потом прильнул к пробоине-окошку: никого. Пустая дорога, мёртвые кусты напротив. Да что с такого угла увидишь? Они же, наверняка, вниз, в бывшие сады подались. Ох, ёкэлэмэнэ! Вот и дотаскал записочки. Если что, то всё теперь на нём будет, на старом дурале. Если что случится.... Ладно, не нужно ничего заранее накручивать. Не нужно, пока ещё ничего не произошло.

Что бы хоть как-то отвлечься, Иван Петрович по возможности неспешнее расщёлкивал пересохшие мелкие орешки, по одному перетирая в зубах сморщенные ядрышки со вкусом такой далёкой родины. Не ценил дома-то, чаще семечки покупал. Ладно, надо будет по возвращении на даче кедр посадить. Самому не достанется, но внуки вспоминать будут. Внуки. Приятно-тревожное слово. Какое-то даже щекочущее, как бы слезинка в носу. Эх, единственно, о чём они с Алкой не додумались, так это о том, что он в этой командировке снохины роды пропускает! Нужно было б на осень проситься, чтоб сноху

из роддома принять, и успеть внука на руках подержать. Или внучку. Срок, по подсчётам, через две недели, если кто в эти подсчёты верит. Хотя сейчас наука – УЗИ и всякое другое. Хе-хе, две недели – и будешь ты, Старый, дедом.

Без четырёх девять.

Славки нет, а после десяти начнёт темнеть. Ёк-ёк-ёк! А эта соплячка, ну, чего ей-то надобно? Приключений? Каких? Ладно, случилась беда – влюбилась в русского, ну так вздыхай себе потихоньку. В платочек или в подушку. Всё равно ничего не получится. А, не дай Бог, узнают родственнички – забудут до смерти. Да что там «узнают», даже если заподозрят.

Без двух, а Славки нет.

Всё, старый дуралей, дотаскал записочки! Теперь пускай сопля. Ведь чуял, чуял, а смелости отказать не нашёл.

Где-то в «зелёнке» с лёгким эхом бабахнуло. Граната?! Воевода свесился с крыши:

- Ага, граната. Кажется, где-то возле водонапорной башни.

Всё.

Вот оно и случилось.

Затрясшейся рукой Иван Петрович ухватил с бруствера рацию, отжав кнопку, прижал к губам. И пропадающим голосом засипел:

- «База»? «База»! Это «Камчатка-1». У нас чэпэ. Черкас, Черкасов в самоволке. И сейчас слышали взрыв.

Десять бойцов через ворота, десять напрямую под проволоку. Промеж других пронырнул и Рифат. Не оглянувшись.

А начштаба светло-серыми ледышками всё большее процарапывал под опущенный козырёк каски:

- Так когда он ушёл? При тебе? Во сколько?

Иван Петрович молчал. Молчал. Молчал!

- Ну, Павлов, сам всё знаешь. Молись пока.

Славка сразу догадался, что Лия поведёт его к той старой беседке. А где тут найти более романтическое место для свидания, да с объяснением? И как откажешь, если девушке «очень-очень нужно поговорить, очень нужно»? Сквозь расправляющуюся листву, счастливо искрящую тысячами мельчайших цветных капель недавно отошедшей грозы, узкими жёлтыми лучами косо прорезалось вечернее солнце, навстречу которому из травы покачивался жидкий парок. Ноги мгновенно до колен промокли, а головы и плечи то и дело шаловливо обрызгивали цепляемые ветви.

Славка шёл, болтал, буробил и балабонил что попало и о чём угодно, а сам всё мучительно искал: как бы умудриться помягче объяснить, объясниться, чтобы не обидеть, не оскорбить девчонку. Ну, если ж у неё появилось понимание своего положения, если нашлись силы на душевный протест «закону гор», то пусть лучше бежит отсюда, пусть уезжает в Россию, куда подальше. Что ей здесь? Полуживотное прозябание? А там уж где-нибудь и когда-нибудь она обязательно встретит своего... своё счастье.

Прости, Михаил Юрьевич, но Славка сегодня явно не Печорин и, тем более, не Демон. Нынче, скорее уж, он пребывает в роли Онегина: ...*Чем меньше женщину мы любим, Тем легче нравимся мы ей...* Вот-вот: *и тем её вернее губим...*

- Так ты школу не закончила?

После каждого его вопроса пауза.

- Шесть классов. Почти.

- А не хочешь дальше учиться?

Опять несколько секунд до ответа.

- Дядя Хазрат не хочет.

- А родители? Прости, твой отец?

- Мой отец далеко. – А ещё Лия всё время словно что-то рассматривала под ногами. Ни разу глаз не подняла. – Он в Турции.

- Ох, ты! А чем занимается?

- Бизнесом. Пять братьев, которые после войны живые, все в разных городах живут. В Стамбуле, Петербурге, Москве, Тюмени. Дядя Хазрат один здесь.

- Пять братьев. А сколько было? До войны?

- Девять.

Обходя часто нарощие стволы клёнов, буков, кусты сиреней и акаций, мимо фундаментов-руин былых заводских строений, мимо затянутых крапивой гарей и осыпавшихся авиаворонков, они вышли точно на водонапорную башню, рваной розеткой царапавшую напаренную яркую синеву. А вон и белая речная беседка, перевитая тёмными виноградными лозами. Всё как он и предполагал.

- Здесь красиво. Тебе нравится? – Ого, Лия в первый раз взглянула почти в лицо. Ну, на грудь-то уж точно.

- Красиво.

И что теперь? ...*Быть может, чувствий пыл старинный Им на минуту овладел, Но обмануть он не хотел Доверчивость души невинной...*

- Прости, что я спрашиваю и спрашиваю. Просто мне всё интересно, впервые же в Чечне. Почему ты с дядей, а не с отцом?

- Моя мама не смогла сына родить. Три девочки. А раз она не чеченка, украинка, то её отправили домой. Младшие сёстры в горных юртах, у родственников помогают, а меня, как старшую, дядя Хазрат себе взял. Сказал, что из меня «мехкари» получится.

- Это что значит?

- «Мехкари» – по-вашему «сторож земли». Так в старину вайнахи называли девушек-первенцев в семьях, где не родились мальчики. «Мехкари» должны были носить мужскую одежду и уметь владеть оружием. И им разрешалось выходить замуж только после того, как они совершат подвиг на войне. Принесут добро тейпу.

- Ты тоже должна совершить подвиг? Шахидкой стать, что ли? А только что потом замуж выдавать?

Зря он так. Лия резко отвернулась, сжавшись как от удара. В самом деле, дурацкая шутка: девчонка ради своих чувств на такой риск пошла, что ему, русскому, никогда и не понять – ведь у неё и религия, и обычаи предков сейчас вверх ногами, а он вот так. Юморит.

- Прости. Я опять не подумал.

Эта пауза особо долгая. Ну, и?.. Переходим к главному? ...*Мечтам и годам нет возврата; Не обновлю души моей... Я вас люблю любовью брата – И, может быть, ещё нежней....*

И по домам.

Лия, отвернувшись, продолжала молчать. И Славка заскучал: вот только сцен наигрывать не надо б. Он, ведь, между прочим, тоже рискует. И, главное, без особой нужды, из одной жалости. Ну, может, ещё и из любопытства. Он медленно несколько раз шагнул, чтобы просмотреть тропку вдоль разномастного забора, из-за которого знакомо выглядывала осыпавшаяся черешня.

А, кстати, как там ласточки? Славка неловко полез в пролом. Перегнившая труха обрушившихся перекрытий поросла высокой, бледной от нехватки солнца, крапивой, вдоль стены остатки сварной лестницы ржавой спиралью вели наверх, на широко проломанный посередине пол верхнего этажа, где, под бетонным козырьком-опояской, холодными склепиками лепились опустевшие гнёзда ласточек. Значит всё, весёлые щебетуны уже поставили на крыло птенцов и покинули башню до будущего года. Оглядевшись напоследок, прижал АКС и пригнулся, чтобы вылезти обратно. Стоп! Стоп-стоп-стоп: всё обильно закапано бело-серыми птичьими метками, а вот справа от входа куча хлама чистая. И сломанная детская коляска – в прошлый раз она лежала... вон там, у стены. Он точно запомнил, что у неё было одно колесо. Жёлтое. Коляска, дырявый тазик, смятые коробки,

тряпье – и ни точки помёта! Ну-ка, ну-ка, ну-ка: из-под кучи слишком нахально торчал угол толстой полиэтиленовой плёнки.

Подцепив полиэтилен ногтями, Славка осторожно, а потом сильнее потянул ускользящий край. Сдвинулось! Вместе с мусором. Интересно! И опять поддалось. Перехватившись, приподнял и увидел освобождающуюся из-под рассыпающегося навала оббитую старой оцинковкой квадратную крышку, такую же, как у погребов. Это... это же схрон?.. Точно, схрон! Ни фиги себе.... Но тут кусок плёнки выскользнул, и, ловя равновесие, Славка широко отшагнул.

Когда рычаг-предохранитель отлетает, ударник под действием боевой пружины накалывает капсюль-воспламенитель. Через три-четыре секунды по горючему составу замедлителя огонь доходит до капсюля-детонатора. И если щелчок воспламенителя ещё слышен, то взрыв уже нет.

Славка скорее догадался, чем ощутил, что пяткой зацепился за тонкий капроновый шнурок и боковым зрением успел-увидел выкатывающийся из-под серой обувной коробки зелёный шарик РГД-5. Раз. Два. Три. На «четыре» он щучкой влетал под лестницу, и взрыва, действительно, не услышал.

Голубые глаза с трудом сфокусировались на карих.

- Ли-я?

Тонкие губы шевелились, но ничего, кроме звона не было слышно. За белым контуром её платка близились что-то ещё. Это тоже глаза, но в черноте масок. Выставив стволы, три камуфлированных тени заслонили далёкий-далёкий лоскуток вырезанного зубцами синего неба. Славка поднял невесомой правой рукой невесомую же рубчатку «лимонки», а левым указательным попытался попасть в кольцо. Но расширившиеся карие глаза так близко-близко отразили голубые, что он опустил, развёл руки.

Со второй попытки свет возвращался вместе со звуками. Вернее, это были даже не звуки, а дёргающая, вибрирующая боль, проникающая в мозг через затылок, прижатый к бетонному полу. Это где-то рядом частил дизель электростанции. Свет размяк и распался на составляющие – оранжевую «сороковку», помаргивающую в такт движку под закопчённым низким потолком, серую стену, сплошь заложенную мучными мешками, грубо сколоченные, заляпанные бетоном и известью козлы. Бочки, много красных полиэтиленовых бочек. Повёдя незатёкшим глазом, Славка различил железную лестницу, по которой пятками вперёд спускались чьи-то начищенные ботинки. Сморгнув слёзу, заново различил лампочку, мешки и Хазрата. Чеченец чуть склонился, и, улыбнувшись, коротко, без размаха пнул. Славка не хотел, совсем не хотел, но это так получилось – через неразмыкаемые, неразлипающиеся губы крик вырвался сам, когда носок ботинка сместил переломанные рёбра.

- Не кричи, гаски. Не услышат.

В третий раз свет пришёл не только со звуком, но и с чувством тела. С болью тела. Дизель тарахтел чугунным кузнечиком, и лампочка всё также помаргивала, но теперь над ним стояли трое.

- Эй, гаски! Ты думал: наши чеченки, как ваши русские – бляди?

Хазрат опять чуть пригнулся, и Славка закрыл глаза: «Господи! Только бы не закричать»!

- Чего ты думал, свинья? Ты хотел осквернить нашу девушку? Так?

«Только бы не кричать, не кричать...». А чего он, действительно, хотел? Чего? Да просто, просто посмотреть – неужели все чеченцы такие роботы, неужели в них нет ничего живого? Хотел просто-напросто посмотреть!

- Ты думал: это она тебе пишет? Так? Слюни пускал? Воображал? Так?

Нет. Все нет! ...*обмануть он не хотел* Доверчивость души невинной....

- Это тебе мой сын Умар писал. Он писал, а Лия относил. Она молодец, завела, как осла морковкой. Только зачем ты в башню пошёл? Сидеть нужно было в беседке.

Умар – это тот, который первым засмеялся, левый. Наверное, младший. А Лия – «мехкари». Вот она и совершила свой подвиг, «принесла добро тейпу». Теперь её выдадут замуж. Славка опять трудно сморгнул.

- Что ты, гаски, плачешь? То кричишь, как овца, то плачешь, как девка! Ты же – ОМОН, ты – «непобедим», а? Что, ранена рука? – бей второй! Сломана нога? – пинай другой! Нет, все вы, русские, все вы, гаски, – не воины, не мужчины.

Проклятые слёзы, проклятый стон! Но губы всё же расклеились, разорвали корку сукровицы, и распухший, непослушливый язык, царапаясь о сломанный зуб, вытолкнул:

- А-вы-вол-ки. Вур-да-лаки.

- А ху бох? Что ты сказал? Да, ты прав, гаски, прав: мы волки. Волки! А вы – овцы. Вы – бараны, у вас даже своего пастуха нет. Кто вас сюда гоняет? Кто дома стрижёт? А? Израиль? Бараны вы, русские, послушные бараны, и пока вами правят Ваксельберги, да Абрамовичи с Фридманами – мы вас будем есть. Рвать на части.

- Вы-чер-ти. Ту-пые-черти.

- Ля иляха илля Аллах!

Ни света, ни звуков больше не было. Не было и боли.

...Трасса, вырвавшись за серпантинную тесноту, вольно развилась, широко обходя берёзовые холмы и просекая изумрудящиеся до горизонта поля озимой пшеницы. Редкие встречные машины со свистящим шорохом ударяли в приоткрытое окно разогретым ветром, и столбы электропередач ровными взмахами проводов отбивали такты сердечного марша.... Когда унесу я в чужбину... Под небо южной стороны...

Хазрат как окаменел, даже почти не дышал, и только, выдаваемые подёргиванием век, мысли бешено металась, замкнуто рикошетила в черепе: «Зачем, почему этот полез в башню? Как догадался? Лия тоже ничего не поняла: вдруг пошёл, вдруг стал тянуть мусор. А не она сама?.. Нет, она не знала, ничего не могла знать! Да и не предала б, она верная. Что-то не так получилось у них самих, где-то совершён промах...». Теперь предстоит долгий разговор с шейхом Исламбеком, да будет доволен им Аллах. Долгий и трудный: «Почему Хазрат так плохо замаскировал схрон»? – «Виноват, вокх стаг». Исламбек, кроме срыва операции, попытается повесить на него и всю сумму за утерянное оружие и БП. Но тут он и бросит к ногам шейха неверного в искупление – *отплатой за зло пусть будет соразмерное ему зло*, разрежет горло и сольёт нечистую кровь за свою вину – *в мести жизнь для вас, люди рассудительные*. Может, удастся сторговаться на половину. В любом случае, не одному же ему за всё отвечать. Только русский не должен ничего сболтнуть. И не сможет: Хазрат, аккуратно, чтобы не запачкаться, оперся косточками кулаков на край козел и наблюдал за сыновьями, которые уже, не так, как когда-то в первый раз, а ловко и точно срезали русской свинье уши – «цаа хум цахез» – «ничего не слышу», и вырезали глаза – «цаа хум ца го» – «ничего не вижу». Русский опять немного покричал, подёргал ногами, но скоро отключился. «И язык тоже!» – в этой войне *мусла* благословенна.

Хорошо – дик ду! Любому отцу радостно смотреть, как растут его волчата, быстро растут, в настоящих волков. Они уже умеют убивать, умеют казнить врагов Ичкерии. Дик ду! Им это много придётся делать, очень много, молодым большие дела предстоят. Уже один брат спрашивает, когда он их к нему в Москву отправит, другой к себе в Питер ждёт – воины везде в цене. Но, пока рано, пусть пока здесь, с отцом поработают, поучатся, окрепнут.

- Переверните его на живот! А то захлебнётся.

Старший, Хамад, с силой приподняв выскальзывающую в расслабленности руку, в два взмаха срубил палец с золотым кольцом. Хороший нож *Аллигатор-2!*

...Кольца, с которых они не догадались сорвать бирки, непривычно тяжелили пальцы, а надетые короны совсем не подходили по размеру – у него она едва держалась на макушке, а Саша, наоборот, утонула в своей по брови.... Где-то, высоко-высоко по мосту, догоняя и ослепляя друг друга, мчали неразличимые отсюда автомобильчики, справа в зашторенных окнах старинного здания муниципального банка разыгрывались немые сцены театра теней

из жизни уборщиц, а здесь никого. Никого, кроме двух обнявшихся.... Так не бывает. - Что не бывает? - А вот так: милиционер и Лермонтов. Это какая-то неправда. Недоразумение, которого не должно быть.... Мою жестокую кручину, Мои обманчивые сны....

Одиннадцать сорок-две.

«Ну, Павлов, сам всё знаешь. Молись пока».

Сам знаю. Знаю. Знаю, что сам. Сам, вот этими руками, подставил парня. Знаю....

Молись. Молись.... Эх, если бы уметь, если бы! В такой жопе только и остаётся – когда больше надеяться не на что. Не на кого. «Молись». А как? У него же не то, что слов, а даже нужных мыслей в запасе нету. Тех, которыми молятся. Эх, если б да пронесло! Как-нибудь. За что-нибудь. Мимо.... Как сказать – «Господи, Иисус Христос, помоги мне»? Ну, мол, как-нибудь. Чем-нибудь.... Да только за что? За что же может пронести? Молись.... Нет, вовремя не научили, а теперь поздно. Тогда, когда случилось, уже всё поздно. Всё. «Господи, Господи... ведь не за себя ж прошу. Ты ему, ему помоги! А мне-то... чего? Мне так и надо». Так и надо. Своими руками подставил парня.

И вдруг слово нашлось – «вразуми». Да! Да! «Вразуми»!! Где, когда, от кого он слышал это старинное, как бы нарочитое, давно неупотребимое словечко, но такое вот нужное, и именно сейчас, сию минуту нужное? Ну, конечно же, от тещеньки, от дорогой Таисии Степановны: «Вразуми меня, Господи! Вразуми Ты меня»!!

Иван Петрович не уловил исходного момента и не прочувствовал источника толчка, вдруг кинувшего его к воротам. Ничего до конца не соображая, он, как бы чужой волей, стянул поперечную трубу запора, отжал половинку и выскользнул наружу. В темноте снизу надвигались, бурвя ближним светом асфальт, тонированные синие фары. Иван Петрович вышагнул на середину дороги, передёрнул затвор, опустил предохранитель. «Газель» тоненько проклаксонила, сбросила ход и вильнула влево.

- Иван Петрович, дорогой! Не узнал? – Раскрыв дверку, Хазрат вывесился в рамку отрытого окна. – Это же я!

- Стой. Покажи, что везёшь.

- Иван Петрович, дорогой, это я!

Иван Петрович был уже рядом, и Хазрат, всё улыбаясь, присел на водительское кресло, правой рукой зашарив за спиной в темноте кабины. Выстрелы раздались как бы сами по себе: просто АКСУ дважды дёрнулся, и обе пули попали капитану в бедро. Хазрат, выкручивая руль, медленно вывалился под колесо. С противоположной стороны Хамад плечом вытолкнул свою дверку и выпрыгнул прямо в кусты. Ладно, в темноту палить бесполезно. Иван Петрович обошёл фургон, подёргал ручку. Под острым углом выстрелив в замок, раскрыл сразу обе половины.

Посредине пола лежал завернутый, как в паутину, в перевитый скотчем полиэтилен большой кокон. А к дальней кабиной стенке прилип оскалившийся Умар.

- Включи свет!

- А?.. А ху бох?

- Включи свет и разверни!

Господи! Лучше бы он этого не видел....

- Живой! Он живой! Живой! – Горцы визжат, как крысы. И воняют. Когда Иван Петрович в несколько рывков за брючный пояс вытянул царапающего ногтями железо Умара и завалил на асфальт, с крыши двухэтажки пыхнул прожектор, длинным эллипсом охватив и машину, и кусты, и барахтающихся людей. Слеплённый Иван Петрович только слышал, как снизу по дороге и из ворот на свет топотали бойцы, но зато хорошо разглядел по-крабьи бочком напозающего от кабины Хазрата. С протянутой ярко красной ладонью:

- Ваша! Брат! Не трогай.... Это мой сын, ваша!

- А то – мой.

Вдавливаемый промеж лопаток укороченный ствол отпрыгивал только на первых выстрелах, а потом стал уходить, погружаться в перемалываемую пулями плоть.

- Мой. Мой сын. Все они... мои.

НА ВТОРОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ.

В город, после недельной отлучки, возвратилась жара. Кирпичные стены заново прокалились, но из-за ремонта дороги окна открывали только в ночь, когда затихали отбойные молотки, и слабел запах свежего гудрона. А днём... Саша, на третий раз приняв душ, белой медведицей в новом махровом халате с охлаждённой бутылочкой «карачинской» металась от кухни в комнату и обратно. Наконец-то пластмассовая кукушка, тоже умученная духотой, вяло вытолкнула дверку и несколько раз подкукукнула. Новости! Саша включила телевизор – первыми же всегда дают «оттуда» – и, опустившись в кресло, откинулась, поправляя влажные волосы. Давно потерявшее свою оправу круглое зеркальце соскользнуло с подлокотника и, упав плашмя, расколосось ровно посредине.

Под заключительный аккорд заставки экран заполнила рыженькая головка неправдоподобно зелёноглазой корреспондентки:

- Вчера в Грозном нашими милиционерами обнаружен крупный склад вооружения и боеприпасов. Кроме гранат, патронов и обычного стрелкового оружия, в подвале разрушенного промышленного здания хранились гранатометы, взрывчатка и даже огнемёты. В ходе операции был тяжело ранен один сотрудник МВД, а так же один террорист, имя которого в интересах следствия пока не раскрывается, тоже ранен и взят в плен. Можно было бы поздравить «федералов» с очередной удачей, но в ходе операции произошёл вопиющий инцидент: старший прапорщик, исходя только из подозрений, цинично расстрелял чеченского подростка, практически мальчика, и, как оказалось, на глазах его отца. Я прошу прокомментировать случившееся представителя Министерства внутренних дел РФ в Чеченской республике. Товарищ генерал, как можно критически относиться к тому, что творят бандиты, если наш российский милиционер вот так убивает несовершеннолетнего на улице города, покой которого он должен охранять?

Рыженькую круглую головку сменила квадратно сизая:

- Иначе, как «предательством» классифицировать такое преступление нельзя. Предательством своего ведомства, своего мундира, принятой присяги, и вообще всей той общечеловеческой гуманистической идеи, которую мы все призваны отстаивать перед угрозой международного терроризма. Мы не партизаны, не Денисы Давыдовы, мы – органы правопорядка, система, гарантирующая правосудие и права человека. Если каждый начнёт сам думать, сам решать... это не приведёт ни к чему. К сожалению, как видите, будановский урок не охладил некоторые пылкие головы, и поэтому я со всей ответственностью заявляю: мы боролись и будем дальше самым решительным образом бороться и пресекать! Мы очистим свои ряды от таких... куклуксклановцев. Ибо всем совершенно очевидно – чем раньше мы покончим с подобными мерзавцами, тем скорее на Кавказе наступят мир и безопасность!

- Вчера премьер-министр Российской Федерации встретился с представителями....

Отбросив пульт, Саша подошла к окну. Глядя сквозь плотный тюль на укачивающие и рассеивающие солнечный свет глянцево-сизые тополиные листья, осторожно приладила ладонями тяжёло потянувший живот: вот, мамочка разнервничалась, и дитя тут же забилося, затолкло ножоночками. Ну, тише, малышок, тише. Ничего страшного, Славыч, ничего. Ну? Что ты, родненький, что? Всё, всё, успокойся: ничего же не случилось. Ничего. Ничего не случилось.